

ОГОНЁК

№ 36 СЕНТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 36 (2253)

Основан 1 апреля 1923 года

5 СЕНТЯБРЯ 1970

Алма-Ата. 29 августа. Площадь имени В. И. Ленина.

На снимках: На правительственной трибуне. В колоннах демонстрантов.

Фото В. Савостьянова и В. Мусаэльяна (ТАСС) и А. Пахомова («Правда»).

Copyrighted material

Алма-Ата. 28 августа. Торжественное заседание ЦК Компартии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени республики. Справа — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ

ЯРКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ ВЕЛИКОГО БРАТСТВА СОВЕТСКИХ НАРОДОВ

•

С ВЫСОКОЙ НАГРАДОЙ ТЕБЯ, КАЗАХСТАН!

•

«В течение жизни всего лишь одного поколения заброшенная, отсталая в прошлом национальная окраина царской России стала развитой социалистической республикой».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании ЦК Компартии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР.

Советскому Казахстану и Коммунистической партии республики — 50 лет! Золотой этот юбилей вылился в яркую демонстрацию нерушимой дружбы советских народов. Вся страна сердечно поздравляла юбиляров, радовалась замечательным свершениям тружеников казахстанской земли.

В Алма-Ату для участия в юбилейных торжествах прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, гости со всей страны.

27 августа у памятника В. И. Ленину, на площади, носящей имя Владимира Ильича, собрались тысячи людей, чтобы отдать дань горячей любви и глубокого уважения создателю Коммунистической партии Советского Союза, основателю Советского государства. Среди собравшихся — товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители Компартии и правительства Казахстана, делегации, участвующие в юбилейных торжествах. К подножию памятника В. И. Ленину были возложены цветы.

Затем гости направились на Выставку достижений народного хозяйства Казахстана.

В Алма-Ате состоялось посвященное славному юбилею торжественное заседание ЦК Компартии Казахстана и Верховного Совета Казахской ССР с участием представителей партийных, советских, общественных организаций и воинов Советской Армии. Под бурные аплодисменты места в президиуме занимают товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители партийных, советских организаций Казахстана, главы делегаций, прибывших на торжества, военачальники.

С докладом «50 лет Казахской Советской Социалистической Республики и Компартии Казахстана» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев. Его доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

С речью на собрании выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Участники торжественного собрания встретили его стоя, горячими, продолжительными аплодисментами. В заключение своей речи он огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Казахской ССР орденом Октябрьской Революции. Товарищ Л. И. Брежнев передал президиуму торжественного собрания текст приветствия республике от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

С приветствиями к братскому народу Казахстана обратились руководители делегаций, прибывших на торжества.

На следующий день юбилейные торжества продолжались на главной площади столицы республики, на площади имени В. И. Ленина.

В десять часов утра на центральную трибуну под бурные аплодисменты поднимаются Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, руководители партийных, советских организаций Казахстана, главы делегаций, прибывших на торжества. Присутствует делегация Вооруженных Сил СССР во главе с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А. А. Гречко. На площади состоялся парад войск Среднеазиатского военного округа и праздничная демонстрация.

Copyrighted material

Андрей **ДОСТАЛЬ**

Я стою
Посредине кузова.
Есть на что
Вокруг посмотреть!

Надо мной облака,
Как кружево,
А вокруг —
Неоглядная степь.

Неоглядная,
Ненаглядная,
Беспредельная —
Морю под стать.

Эх, сложить бы мне
Песню складную
Про ее
Богатырскую стать!

Я стою
Посредине кузова.
Ярче в мире
Простора нет.

А колосья
Головками русыми
Мне кивают
Приветливо вслед...

А со мною
Друзья-газетчики,
Те, чья жизнь —
Всегда на колесах.

И сдается, что мы
Разведчики
В океане
Степных колосьев!

Не расстанется
И останется
Тот, кто побыл
В таком краю.

Золотая, литая,
Осанистая,
Все пшеница
Шумит на корню.

Лейся, песня курская! На переднем плане будущий агроном Лена Сорокина.

Парад «звезд».

ХВАЛА!

Марат ЦЕБОЕВ

Фото Михаила САВИНА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Есть села на Руси... Неприметные, спокойные, скромные, как и люди, живущие в них. Создают они самую большую ценность на земле — хлеб насущный.

Конец жатвы — большая радость для хлебороба. Поэтому-то и повелось издревле торжественно отмечать это событие.

...В колхозе «Серп и Молот», Обоянского района, Курской области,— праздник урожая. Нет, не в клубе — на лесной поляне. На импровизированной трибуне — члены правления и ветераны колхоза. Внизу — пионеры с букетами цветов. Будущие хлеборобы пришли поздравить своих родителей с трудовой победой. И сотни, сотни людей.

Праздник есть праздник. Звучат фанфары. Начинается парад колхозной техники. Проходят тракторы, комбайны, грузовики. На комбайнах — белые звездочки. Три, четыре, пять... Каждая звездочка — это тысяча центнеров намолоченного зерна. Отличник — механизатор Егор Звягинцев передает председателю колхоза Сергею Давыдовичу Комову сноп пшеницы, символ урожая. Колхозница Катя Позднякова — она в русской национальной одежде — подносит на рушнике праздничный каравай с солью.

— Хвала рукам, что пахнут хлебом! — провозглашает здравицу С. Д. Комов.— Хвала!

У трибуны герои жатвы: тракторист Иван Лукин, комбайнер Иван Зубарев, шофер Иван Русанов. Лучшие из лучших. И каждый рапортует об успехах своих товарищей. Им есть что сказать односельчанам, есть чем гордиться и есть основания для уверенности в том,

Торжественный вынос знамени. Агроном Николай Есипов.

За гостинцами.

Отличник-механизатор Егор Звягинцев.

Copyrighted material

Гуси-лебеди, как в сказке.

что XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза колхозники «Серпа и Молота» встретят достойно.

А теперь слово председателю:

— Потрудились мы нынче на славу, урожай богатый — по двадцать семь с лишним центнеров хлеба с гектара. Пятилетний план выполнили на сто сорок семь процентов. Хорошо поработали, значит, можно и праздник справлять, порадоваться... Да и как не радоваться, глядя на этот пышный белый каравай из муки нового урожая.

Звенит колхозный праздник смехом, музыкой, песнями. Расплескалась нарядная толпа по широкой лощине, окруженной лесом.

...Женщина-заводила слегка притопывает, звонко запевает на высокой ноте и, улыбаясь, начинает плести затейливый узор старинного русского хоровода.

Мы стоим в сторонке с Иваном Яковлевичем Русановым, любуемся этим красочным зрелищем. Русанов беззаветно влюблен в народное искусство, отдает ему всю свою энергию, весь талант. Он создал в колхозе хор, который выступал на Шестом Всемирном фестивале молодежи, был лауреатом всесоюзных смотров.

Грянули новая песня и новая пляска.

— Это танец-песня «Тимоня»,— говорит Иван Яковлевич,— древний, как и сам хлеб. Жемчужина народного искусства, сохранившаяся только в Курской области. Песня об урожае...

...До вечера веселились и стар и млад, воздавали хвалу хлебу и рукам, его взрастившим.

И грянул марш.

Вальс, вальс...

Хлеб, соль, цветы — праздник!

Copyrighted material

Зрители.

Плоды трудов...

Модель — «урожайная».

Что нынче в моде?

«При народе, в хороводе...»

Copyrighted material

9 сентября 1970 года исполняется 26 лет Народной Республики Болгарии.

ЭРА СОЗИДАНИЯ

В торжественные дни принято подводить итоги пройденному пути, оглядываться в прошлое и заглядывать в будущее. У Народной Болгарии есть о чем вспомнить и чем гордиться сегодня.

Выступая в национальный день Болгарии на «ЭКСПО-70» в Осаке, Первый секретарь ЦК БКП товарищ Тодор Живков сказал:

«Наш народ гордится своим прогрессом в экономическом и культурном строительстве нашей Родины, успехами в достижении гармонии личных и общественных интересов и в мирном сосуществовании и сотрудничестве с другими народами.

25 лет назад великий сын болгарского народа Георгий Димитров поставил задачу за 15—20 лет догнать развитые страны. Оценивая пройденный путь, мы можем с законной гордостью констатировать, что эта задача выполнена!»

Болгария переживает эру созидания нового общества. Ее экономические успехи поистине огромны. Традиционное земледелие претерпело глубокие преобразования, и сейчас идет процесс создания крупных аграрно-промышленных комплексов — сельское хозяйство переводится на индустриальные рельсы. Металлургия и тонкое приборостроение, автомобильная промышленность и химия, сотни предприятий самого различного профиля — вот что представляет сейчас промышленная база страны. За последние десять лет объем продукции одной только химии возрос в восемь раз.

С помощью Советского Союза созданы крупнейшие химические предприятия, подготовлены кадры для них, налажено обеспечение сырьем: между Бургасом, где находится крупнейший нефтехимический комбинат имени Ленина, и советскими портами курсируют танкеры, доставляющие нефть.

Прокладывается электрический мост Молдавия — Болгария, через который вскоре хлынет поток электроэнергии, и болгарская экономика избавится от «электрического голода», возникающего в засушливые годы, когда нарушается водоснабжение гидростанций.

В этом году Болгария завершает пятую пятилетку. Сейчас предприятия одно за другим рапортуют о выполнении своих планов. Уже уточняются планы на шестую пятилетку. Болгария трудится в одном строю со всеми странами социалистического лагеря, где взаимопомощь и международное разделение труда стали нормой общения государств и народов. Недавно подписаны документы об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между НРБ и СССР, координирующие народнохозяйственные планы обеих стран на 1971—1975 годы.

И планы эти будут успешно выполнены, потому что уж такое это время — эра созидания!

Ю. КРИВОНОСОВ

ДРУЗЬЯ ИЗ ЮЖНОГО

Человек вышел на трибуну, и в глазах у него заблестели слезы.

Такого с ним не бывало за всю его долгую жизнь. Ни тогда, когда он попадал в тюрьму, а это было четыре раза, ни тогда, когда он прочитал в сайгонских газетах, что южновьетнамские власти приговорили его к смерти, а все имущество конфисковали. Он привык хорошо владеть собой, выступая перед публикой,— за плечами доктора права Чинь Динь Тхао более сорока лет адвокатской практики. Причина волнения была особая.

По приглашению Советского Комитета солидарности стран Азии и Африки в Советский Союз прибыла делегация Союза национальных, демократических и миролюбивых сил Южного Вьетнама. В Москве состоялась встреча делегации с советской общественностью. На этой встрече выступил глава делегации председатель ЦК Союза национальных, демократических и миролюбивых сил Южного Вьетнама, заместитель председателя Консультативного совета Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Чинь Динь Тхао. Перед ним с этой трибуны председатель правления Советского фонда мира писатель Борис Полевой говорил о том, как широко советские люди поддерживают борьбу вьетнамского народа. Девяностолетняя женщина принесла в фонд помощи Вьетнаму несколько старинных золотых монет, две пожилые сибирячки прислали золотой самородок, хранившийся в семье как дорогая реликвия, текстильщица-пенсионерка решила ежемесячно отдавать часть своей пенсии в фонд помощи Вьетнаму...

— Когда я услышал об этом, я не мог сдержать слез,— говорит господин Чинь Динь Тхао.— Я хорошо знаю, какую большую помощь — и военную и экономическую — бескорыстно оказывают Вьетнаму Советский Союз и другие социалистические страны. Но эти примеры меня особенно взволновали, потому что они свидетельство искренней, подлинно братской солидарности всего советского народа с нашей борьбой. Эта помощь придает нам еще больше мужества, укрепляет уверенность в победе.

Мы попросили доктора Чинь Динь Тхао рассказать о том пути, который привел его в ряды патриотов Южного Вьетнама, о возглавляемой им организации.

— Образование я получил в городе Экс-ан-Прованс на юге Франции. В конце двадцатых годов там было много студентов из Индокитая. Вместе с несколькими друзьями мы организовали союз индокитайских студентов, обучающихся во Франции.

В 1930 году вспыхнули восстания в Митхо и в других провинциях Южного Вьетнама. Французские колониальные власти арестовали участников восстания и предали их суду военного трибунала. В то время я уже имел степень доктора права и жил в Сайгоне. Я был единственным адвокатом-вьетнамцем. На этом процессе я выступал защитником моих соотечественников. Но, несмотря на все мои усилия, обвиняемых приговорили к ссылке на остров Пуло-Кондор, тот самый, где сейчас южновьетнамские власти держат патриотов в тигровых клетках.

Новые процессы патриотов—снова я выступал на них адвокатом и был за это арестован.

Очередной арест последовал в 1965 году. Вскоре после того, как американцы начали бомбить ДРВ, сторонники патриотического движения за одну неделю собрали в Южном Вьетнаме десятки тысяч подписей под воззванием, требовавшим немедленного вывода американских войск. По приказу американцев марионеточное правительство схватило многих участников нашего движения. Вместе с 18 друзьями я попал в сайгонскую тюрьму Ти Хоа. Моей жене — заместителю председателя Комитета женщин Южного Вьетнама — пришлось скрыться в деревне. Правительственное радио, газеты осыпали нас проклятиями.

Наступление нового, 1968 года ознаменовалось крупными успехами сил Национального фронта освобождения. Патриоты проникли в Сайгон, и вместе с ними мы ушли в освобожденные районы. Тогда и был создан Союз национальных, демократических и миролюбивых сил. Союз объединяет представителей всех слоев населения, включая интеллигенцию, мелкую буржуазию, буддистов. В руководящий комитет нашей организации входит глава буддистов Тхить Дон Тхау — человек, пользующийся большим авторитетом. Мы стремимся привлечь в наши ряды всех, кому дорога свобода родины, чтобы у марионеточного правительства не было опоры ни в каких слоях населения.

Важным этапом в освободительной борьбе нашего народа явилось провозглашение в июне 1969 года Республики Южный Вьетнам и образование Временного революционного правительства и Консультативного совета. Меня избрали заместителем председателя этого Совета.

Сейчас США стремятся расширить сферу своих агрессивных действий в Индокитае, ведут военные действия в Лаосе и Камбодже, пытаются заставить азиатов воевать против азиатов, стремятся увековечить раскол нашей родины. Действия оккупантов встречают решительное сопротивление по всей стране и, что особенно важно, в городах.

В заключение беседы господин Тхао сказал:

— Мы очень благодарны правительству СССР, Коммунистической партии, всему советскому народу за помощь и всестороннюю поддержку. Нет сомнения в том, что агрессоры будут изгнаны с нашей земли, народ Вьетнама победит.

Н. КРЫЛОВА

Copyrighted material

ВЬЕТНАМА

31 августа Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. С. Насриддинова приняла делегацию Союза национальных демократических и миролюбивых сил Южного Вьетнама во главе с председателем ЦК Союза доктором Чинь Динь Тхао.
На приеме присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Южный Вьетнам в Советском Союзе Данг Куанг Минь.

Фото С. Преображенского (ТАСС).

Чинь Динь Тхао с женой в освобожденных районах Южного Вьетнама.

(Фотография подарена журналу «Огонек».)

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

БОЛЬШАЯ ДАТА В ЖИЗНИ ООН

Вадим АРДАТОВСКИЙ

В середине сентября в Нью-Йорке откроется XXV сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. И, естественно, в эти дни подводятся итоги двадцатипятилетнего пути самого представительного международного организма в истории человечества, созданного, как гласит Устав, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе».

Трудно дать однозначную оценку деятельности ООН: эта организация живет в условиях сложной идеологической и политической борьбы, и каждая ее резолюция отражает результат столкновения сил прогресса с силами реакции, миролюбивых и демократических тенденций с империалистическими. Далеко не равен вклад всех членов ООН в осуществление благородных и мирных целей ее Устава. Что касается Советского Союза, то его принципиальное и последовательное отношение к ООН было подчеркнуто Л. И. Брежневым:

«Мы придаем серьезное значение Организации Объединенных Наций и будем стремиться к тому, чтобы совместно с другими свободолюбивыми и миролюбивыми государствами добиться превращения ООН в эффективный орган международного сотрудничества в интересах защиты мира и прав народов».

...Тесно в Нью-Йорке ООН. Новые небоскребы еще больше прижали ее штаб-квартиру к унылому берегу Ист-ривер. Да и само здание слегка трещит по швам, как на подростке костюм, купленный два года тому назад. Нет, видимо, американский архитектор Уоллес К. Харрисон, набрасывая эскиз будущего ансамбля ООН, не верил в то, что Организация Объединенных Наций будет настойчиво стремиться к тому, чтобы стать поистине универсальной. В зале для пленарных заседаний Генеральной Ассамблеи пришлось делать немало перестроек, удлинять скамьи, теснить ярусы для журналистов и публики. Да и как иначе, ведь четверть века тому назад Устав ООН подписало 51 государство. Сейчас в ООН 126 членов.

Густым стал сейчас частокол флагштоков перед ООН. Я помню церемонию подъема государственных полотен 121-го и 122-го членов ООН, двух небольших африканских государств. Как торжественно звучали незнакомые гимны, какой гордой радостью светились лица делегатов новых членов Объединенных Наций!

Но еще предстоит многое сделать для того, чтобы ООН стала подлинно всемирной организацией. Не существует никаких юридических и политических оснований, чтобы, например, не разрешить вопрос о приеме в ООН двух германских государств — ФРГ и ГДР. Должна занять законное место в ООН Китайская Народная Республика. И можно с уверенностью сказать, что мы еще увидим на скамьях Генеральной Ассамблеи делегации суверенных Намибии, Анголы, Мозамбика и других стран, где еще ведется трудная и самоотверженная борьба народов против колониализма.

Американский журналист Джеймс Рестон — представитель многочисленной армии плакальщиков, сетующих, так сказать, на «бессилие» ООН. Рестон называет ее «чем-то вроде мавзолея на берегу Ист-ривер». Разве не империалистическая политика парализует многие начинания ООН? Генеральный секретарь ООН У Тан весьма дипломатично говорит об этом: «Если сегодня и существует какой-то кризис ООН, то это кризис обязательств государств-членов перед ООН и ее целями».

Разве не были вопиющими нарушениями Устава ООН интервенции Соединенных Штатов на территории стран—членов ООН—Лаоса и Камбоджи, Доминиканской республики и Панамы? Разве не является прямым нарушением многочисленных резолюций ООН потворство Великобритании и США расистским режимам в ЮАР и Южной Родезии? Разве могла способствовать эффективности ООН прямая поддержка со стороны империалистических государств израильской агрессии и упорного нежелания подчиниться решению Совета Безопасности?

Наконец, трудно пересчитать канавы и надолбы, создаваемые империалистическими государствами на пути к разоружению. Все, что находится в активе ООН— договора о прекращении ядерных испытаний в трех средах, о невыводе военных объектов в космос, о нераспространении ядерного оружия,— это результат настойчивых усилий миролюбивых стран, сумевших сломить сопротивление определенных сил.

Обширна предварительная повестка дня XXV сессии Генеральной Ассамблеи. В нее включено уже более ста пунктов. Среди них первоочередное внимание привлекает к себе вопрос о рассмотрении мер по укреплению международной безопасности, внесенный делегацией СССР на прошлой сессии. Ассамблея обсудит проблему запрещения применения химического и бактериологического оружия. Преступное использование химических военных средств во Вьетнаме и затопление Соединенными Штатами нервно-паралитического газа в открытом океане придают особую остроту этой теме.

Члены ООН рассмотрят итоги осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В повестке дня значится вопрос «О положении на Ближнем Востоке», и, будем надеяться, ООН сделает все, чтобы ускорить мирное урегулирование одного из опаснейших в послевоенной истории конфликтов.

XXV сессия прервет свои текущие дела, чтобы отметить серебряный юбилей Организации Объединенных Наций. Да, 25 лет — это возраст наступления зрелости и расцвета сил, и народы мира продолжают верить в то, что Организация Объединенных Наций станет наконец универсальным органом, обеспечивающим всеобщий мир.

Copyrighted material

Мануил СЕМЕНОВ,
главный редактор журнала «Крокодил»

Встреча с художником

В этот тихий известинский дом на набережной Москвы-реки я приехал немножко раньше хозяина. Поднялся на лифте, нажал кнопку. За дверью раздался мелодичный перезвон:

— Дзи-нь — дзи-нь!

И опять тишина, характерная для московских квартир, опустевших в эти жаркие летние дни.

— Дзи-нь — дзи-нь!

Никакого ответа. Я спускаюсь по лестнице и выхожу во двор, где в тени густо разросшихся деревьев сидят верные домашние стражи — бабушки и деды.

Мы встречаемся с художником довольно часто: на совещаниях и редколлегиях в «Крокодиле», на выставках, в Союзе журналистов. Но вот теперь договорились об этой встрече без порядочно надоевшей редакционной сутолоки и коллег по сатирическому цеху — необычайно активных полемистов, готовых спорить по любому поводу. Имеем мы в конце концов право на два часа спокойной беседы? Правда, я уже приехал, а его что-то задержало... Но нет, я вижу, как к дворовой арке подкатывает знакомая светлая «Волга». Выходит ее водитель и единственный пассажир Борис Ефимович Ефимов.

— Я слышал,— говорит он,— что очень трудно остановить разгоряченного коня или удержать на аркане выхваченного из стада одичавшего оленя. Но оратора, который разговорился, удержать вообще невозможно. Вот сейчас четыре часа «прели» в «Агитплакате». Говорили, говорили и говорили. Вместо того, чтобы просто сесть за стол и что-то нарисовать или придумать какую-нибудь острую, злободневную тему.

Теперь мы входим в квартиру художника и оказываемся в его мастерской — большой комнате, стены которой заставлены шкафами с книгами. На корешках пухлых фолиантов тускло поблескивают тисненные золотом названия. Это монографии художников, исторические исследования, энциклопедии, справочники, словари. Попадаются очень редкие книги. Например, такая: «Николай I, самодержец России».

— Борис Ефимович, а зачем вам эта книга?

— Видите ли,— отвечает художник, хитро поблескивая озорным взглядом из-за толстых стекол окуляров.— Не знаю, как вам, а мне не пришлось работать при жизни этого маловыдающегося императора. Но ведь для рисунка, карикатуры нужен точный типаж. Вот и держу у себя бывшего самодержца, правда, без санкции нашей районной милиции...

Да, в этой комнате немало титулованных особ, живущих без милицейской прописки. Художник-карикатурист нуждается в подсобном иллюстративном материале. Но у Бориса Ефимовича так сложилась судьба, что многих героев своих карикатур он видел лично.

В Киеве состоялась его встреча с Петлюрой и Скоропадским, в Риме — с Муссолини, в Берлине он видел Гитлера, а в Париже — Остина Чемберлена. Конечно, это не были официальные встречи. И никто из названных лиц, разумеется, не подозревал, что их жадно и пристально разглядывает некто Борис Ефимов. Разглядывает не просто так, а с чисто утилитарными целями, чтобы потом поточнее запечатлеть их отвратительный облик в карикатуре или сатирическом плакате.

Впрочем, с последним господином у художника даже возникло нечто вроде личного конфликта. Произошло это в 1926 году. По приказу правителя буржуазной Литвы Вольдемараса были казнены четыре литовских коммуниста. Вот тогда-то и появился в «Известиях» ефимовский рисунок «На литовской сцене». Он изображал палача Вольдемараса, раскланивающегося перед публикой, и двух аплодирующих ему джентльменов. В одном из них Чемберлен узнал себя и пришел в неистовство. Его правительство прислало в Москву ноту протеста.

— Чем же все это кончилось? — спрашиваю я у художника.

— Тем, чем и должно было кончиться. Известинскую карикатуру перепечатали все крупнейшие газеты мира. И Остин Чемберлен вынужден был безропотно проглотить горькую пилюлю. Правда, некоторое время после этого случая я изображал Чемберлена со спины... Но читатель безошибочно угадывал в этой фигуре с моноклем малопочтенного британского миндела.

С особенной тщательностью, присущей только художнику, Борис Ефимович убирает с рабочего стола карандаши, кисти, бумагу, краски и приносит кофе. Сквозь затененные шторами окна пробивается мягкий рассеянный свет. Мы продолжаем беседу.

— Борис Ефимович, занимаетесь ли вы натурой?

— К сожалению, редко. Делаю иногда натурные зарисовки на отдыхе, в туристических поездках. Я иногда думаю, что тут немалую роль сыграл мой первый учитель рисования в Белостокском реальном училище, которого мы между собой просто звали Гришкой. Он требовал безоговорочного следования за натурой. Бывало, посмотрит на рисунок и скажет: «У тебя, Ефимов, так, а там (имеется в виду выставленный для срисовывания предмет) совсем по-другому». И норовит при этом пребольно ткнуть в темя своим жестким, как деревяшка, пальцем. Никаких других отметок, кроме троек, я у него не получал...

И я думаю о том, как случилось, что паренек из семьи ремесленника, по отзывам школьных учителей, не проявлявший никаких выдающихся способностей в рисовании, стал выдающимся художником нашего времени. К счастью для него, существовали в то время педагоги, куда более талантливые, чем белостокский Гришка. Это были Гульбрансон, Гейне, Тэнни, Шиллинг, Ре-ми, Радаков, Лебедев, Яковлев... По их талантливым рисункам в «Симплициссимусе», «Сатириконе» и других иллюстрированных изданиях учился слушатель реального училища искусству карикатуры, постигал великое таинство ее художественного решения от мелькнувшего в сознании еще не очень ясного замысла до продуманного во всех деталях, законченного рисунка.

Киевский период был в жизни начинающего художника решающим и переломным. Здесь юноша встретил Октябрьскую революцию, на его глазах пережил стольный город свою многострадальную судьбу. Город переходил из рук в руки, менялись «правители», взамен одних вывесок и лозунгов появлялись другие. Уроки жизни не проходили даром, юноша безоговорочно становится на сторону революции.

Но по-прежнему личная судьба Бориса Ефимова неясна ему самому. Кем быть? Да, он уже сотрудничает в Редиздате Политуправления Красной Армии, вкусил аромат только что отпечатанных листовок, воззваний, брошюр, через его руки проходят призывные, как набат, плакаты. Но пока он только маленький винтик в этой клокочущей страстями агитационной машине: младший секретарь. Что делать дальше? Стать художником? Но ведь он так мало знает, у него нет школы. И тогда возникают проекты стать юристом, инженером-путейцем...

К счастью, ни одному из них не суждено было осуществиться. Я говорю к счастью, потому что, может быть, мы имели бы сносного адвоката или инженера, но лишились бы замечательного карикатуриста...

Где-то я читал, что один кинолюбитель, когда у него родился сын, предпринял такой любопытный эксперимент. Он все время, с первого дня его жизни, снимал сына своим любительским киноаппаратом. Причем каждый день делался только один кадр. Когда сын достиг совершеннолетия, то наш экспериментатор пропустил полученную ленту через проектор. Получился удивительный фильм. На экране прошла жизнь человека от первых дней существования на этом свете до расцвета и возмужания.

Я просматриваю альбом сохранившихся чудом рисунков Бориса

Copyrighted material

Бор. Ефимов. СЕРИЯ ПЛАКАТОВ «ЭТАПЫ ЛЕНИНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ». ГОД 1922-й.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

ГОД 1924-й.

Copyrighted material

Бор. Ефимов. ГОД 1920-й.

Copyrighted material

Ефимова, и предо мной возникает примерно такая картина. Вот первая карикатура, опубликованная киевской газетой «Коммунар» в 1919 году. Над рисунком заголовок: «Единая, неделимая». На железнодорожной платформе изображены четыре фигуры: одна женская, три мужских. У каждой фигуры своя надпись — «Вендетта», «Шульгин», «Драгомиров», «Бредов», удирающие в Одессу. Чтобы не было сомнения, куда они удирают, художник написал на борту платформы «В Одессу» и для пущей выразительности добавил: «Скотный вагон». Такова была эта первая карикатура, предельно наивная по замыслу и исполнению.

Я листаю альбом дальше и вижу другие карикатуры, напечатанные в 1922 году в «Правде», «Рабочей газете», «Известиях» и, наконец, в «Крокодиле». Чувствуется, как рука художника приобретает уверенность, штрих становится более определенным, композиция простой и строгой. И из суммы всех этих, казалось бы, случайных находок и открытий вырастает неповторимый ефимовский рисунок, который нам сегодня так привычен и знаком.

Спрашиваю художника, сколько же он сделал рисунков за свою семидесятилетнюю жизнь. Учтем при этом, что рисовать он начал девятнадцатилетним юношей.

Борис Ефимович отвечает мне так:

— Я просто не помню такого дня в своей жизни, когда бы я не рисовал. А сколько накопилось всего нарисованного мной, подсчитайте сами.

И вот этот простейший арифметический подсчет, может быть, несколько приблизительный: около 18 тысяч рисунков. Поразительный итог! Естественно, что плодотворность работы в искусстве измеряется не количеством созданных произведений, а качеством. Но все-таки воздадим должное умелым рукам художника и его неиссякающей творческой фантазии: восемнадцать тысяч сюжетов, восемнадцать тысяч художественных решений!..

Ну вот, кажется, обо всем мы переговорили и уточнили, кажется, все вехи большого пути, пройденного художником. Но мне хотелось бы, чтобы читатели «Огонька» услышали его самого. Поэтому я предлагаю художнику небольшой вопросник.

Борис Ефимович, можете ли вы сказать, какие обстоятельства толкнули вас на опасную стезю художника-карикатуриста?

— Кажется, есть такое изречение: обстоятельства повелевают. А обстоятельства были такие: желторотый выпускник киевского реального училища оказался в гуще бурных событий. Клокочут волны революции и разбиваются об устои подорванных, но еще не разрушенных крепостей реакции. Передо мною встал выбор: какое место занять на баррикадах? И, конечно, я выбрал ту сторону, где сражался народ. А оружием своим — карикатуру.

Не стыдитесь ли вы своей первой карикатуры сегодня?

— Первая карикатура сохранилась в моем альбоме, и вы ее видели. Должен ли я ее стыдиться? По-моему, нет. Ведь к сатирическим стихам и рисункам тех тревожных лет можно отнести слова Маяковского:

Вы с уважением ощупывайте их,
Как старое, но грозное оружие.

Кто был вашим учителем или учителями? И непосредственными, которые, может быть, водили вашей рукой, и духовными, находившимися, так сказать, в большом отдалении?

— Моими учителями были два художника: Виктор Николаевич Дени и Дмитрий Стахиевич Моор. Конечно, мне, начинающему молодому художнику, нельзя было и мечтать о непосредственном, близком знакомстве с этими мастерами политической сатиры. Знакомство ограничилось тем, что я долгими ночами вглядывался и изучал каждый рисунок Дени и Моора в журналах и газетах, пытался понять их художническую манеру и на первых порах безбожно подражал им. А потом, позднее, мне выпало счастье встретиться с ними в Москве и работать бок о бок. Тут они были моими непосредственными наставниками. А смысл их наставлений был примерно такой: «Мальчик, ты уже научился водить пером по бумаге, теперь мы ждем, когда у тебя появится свой почерк».

Весь мир изобразительного искусства вам необычайно близок. Но все-таки назовите имена самых любимых вами художников.

— Валентин Серов, Константин Ротов, Николай Радлов. А из зарубежных художников больше всех люблю Веласкеса и англичанина Давида Лоу.

Интимный вопрос, на который вы можете и не отвечать: кто ваши друзья?

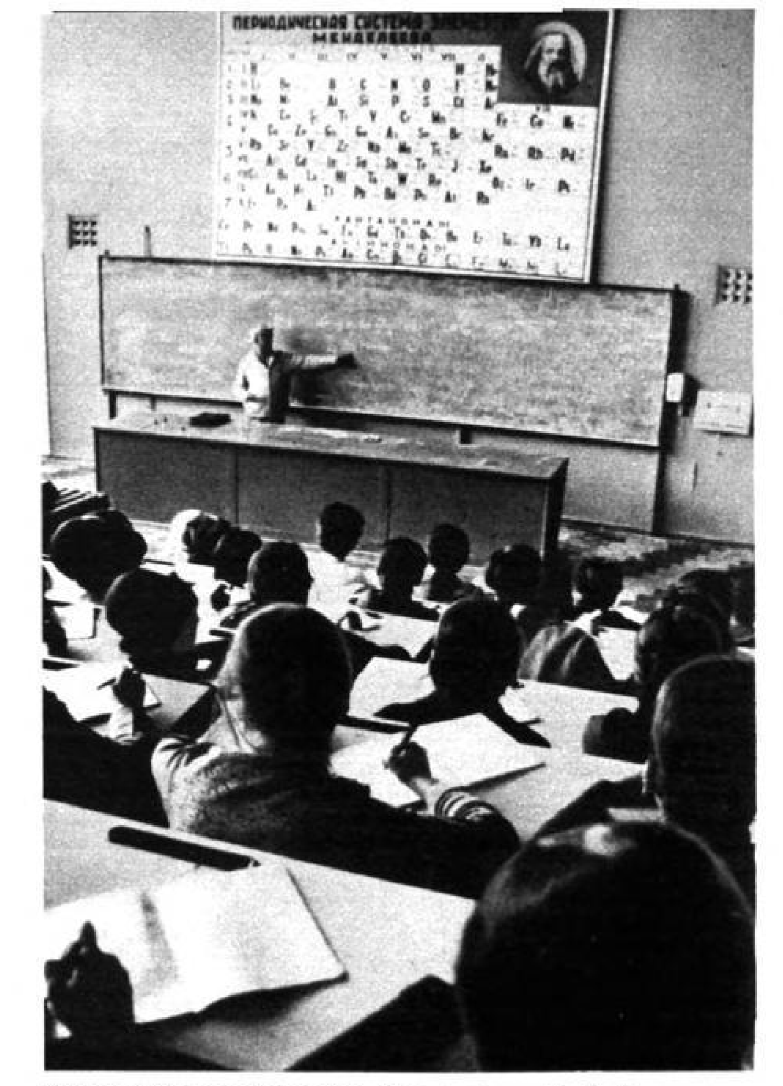
— Охотно отвечу. Мои друзья — Кукрыниксы. Поскольку вы знаете, что это три художника, к тому же успевшие обзавестись художниками-сыновьями, то никто, надеюсь, не может упрекнуть в том, что у меня мало друзей.

Мне кажется, что я вас достаточно утомил, и потому задаю последний вопрос: какими качествами должен обладать политический карикатурист? Чтобы ответ не был односложным, я предлагаю разделить его на части. Итак, политический карикатурист должен быть:

— Во-первых, чутким политиком. Во-вторых, он должен быть мастером, потому что политическая карикатура — это не голая, сухая схема, а произведение искусства. И, в-третьих, чему я придаю особое значение, карикатурист должен состоять в крепкой дружбе с редактором, который может подсказать ему не только тему, а, может быть, и ее художественное решение.

Мы расстаемся с художником, чтобы, может быть, вновь встретиться уже завтра на каком-нибудь редакционном совещании. Но назавтра он в «Крокодиле» не появился. А вечером, развернув «Известия», я увидел его очередную карикатуру.

Борис Ефимов остался верен себе: ни дня без рисунка...

Идет лекция по математике. Читает доцент М. К. Халиков.
Фото А. Награльяна.

РОДНОЕ ГНЕЗДО

К. БАКШИ

Еще барон Врангель царил в Крыму и впереди были Каховка и Перекоп. Неподалеку от Ташкента, в Бухаре, еще был эмир, визири, гарем, палачи.

Вьюжным февралем 1920 года из Москвы ушел военно-санитарный поезд, где, кроме обычных вагонов, был вагон-лазарет, дезинфекционная камера — в стране свирепствовал сыпняк, вагон-кухня — в стране не хватало продовольствия. Пассажиров кормили два раза в день горячей пищей. А когда вдруг посреди одного из бесконечных перегонов кончались дрова в топке паровоза, человек в тулупе стучал в двери: «Товарищи ученые, выгружайтесь!» В соседних рощах кололи дрова, и поезд науки продолжал свое пятидесятидвухдневное путешествие в Среднюю Азию. Создавать университет ехали физик Златовратский, медик Рождественский, зоолог Кашкаров, востоковед Шмидт, будущий ректор Димо и многие другие. Среди ученых была и молодой ботаник Илария Райкова.

Она и сейчас в свои семьдесят с лишним лет остается профессором университета, недавно побывала на Памире в экспедиции...

ТашГУ — Ташкентский государственный университет. Я знал, что это два очень длинных и не очень красивых кирпичных здания на одной из городских площадей. Две мемориальные доски: одна с текстом на русском, другая — на узбекском языке: Декрет об образовании Туркестанского государственного университета. Подпись: В. Ульянов (Ленин). 7 сентября 1920 года.

Теперь я вижу новый университет. Его центральное тринадцатиэтажное здание меньше всего напоминает башню — это какой-то экзотический плод. А две отдельно поставленные аудитории — как крылья бабочки, присевшей рядом. Вокруг раскинулся целый город, который так и называется Вузгородок.

Новоселье в только что отстроенном здании совпадает с пятидесятилетием университета, одного из самых ярких и удивительных созданий революционной эпохи.

Мы сидим с ректором Ташкентского государственного университета профессором С. Х. Сираждиновым в его кабинете. Сагды Хасанович называет имена выпускников ТашГУ, прославившихся в науке. Рассказывает о делах, которые эти выпускники совершили.

Большое число академиков республиканской Академии наук — выпускники ТашГУ — работает не только в среднеазиатских республиках, но и в Москве (среди них — биохимик, академик А. Н. Белозерский), в Минске, Дубне, Новосибирске — по всей стране.

Выпускники университета принимали участие во многих выдающихся открытиях, которые совершили ученые Средней Азии. Достаточно назвать золото Мурунтау, за открытие которого была присуждена Ленинская премия в числе других и выпускнику ТашГУ профессору И. Х. Хамрабаеву.

Профессор Сираждинов — ректор университета, математик, ученик академика А. Н. Колмогорова, заведует кафедрой теории вероятностей и математической статистики. В университете преподает также президент Республиканской Академии, член-корреспондент АН СССР А. С. Садыков, академики С. Ю. Юнусов и Т. А. Сарымсанов и еще многие выдающиеся ученые. Атомное ядро и космические лучи, физико-химия и археология, история и литература — таков диапазон их интересов. В Ташкентском государственном университете преподавание ведется буквально по всему спектру современного знания.

Университет отличает высокий уровень науки, которая не только преподается, но и делается в его проблемных лабораториях. Вместе с деканом физического факультета Р. Х. Маллиным мы обошли первоклассные лаборатории полупроводников, радиационной физики, электролюминесценции и другие, осмотрели бетатрон. Все это говорит о той удивительной прозорливости, с которой был создан научный центр в самом сердце Средней Азии.

Copyrighted material

К 100-летию со дня рождения А. И. Куприна

ГЛЫБА РУССКОГО ТА

Ник. КРУЖКОВ

Старый большевик, соратник Ленина, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в одном из своих писем назвал Куприна громадной глыбой русского народа, одухотворенной очень большим талантом. Хорошо сказано: точно и както очень плотно.

Александр Иванович Куприн вошел в русскую литературу на изломе XIX века, вошел громогласно, сильно, заявив о своем присутствии голосом мужественным, своеобычным, не похожим ни на чей другой. С ним подружился Иван Бунин, его признал и полюбил Антон Павлович Чехов, его заметил великий Лев Толстой. Горький в высшей степени благоприятно отзывался о художественном таланте Куприна, а от многих его вещей приходил в совершенный восторг.

Откуда он появился, этот жизнерадостный, звонкий, певучий талант, этот небольшого роста, крепко скроенный человек со смешливым прищуром темных глаз, с взглядом пронзительным, зорким, как бы вонзающимся в душу, с натурой бурной, несдержанной, кипучей, способной на нежную дружбу и острую ненависть? Понять Куприна, узнать его по-настоящему, ознакомиться с его биографией можно, читая и перечитывая его рассказы, повести, очерки. Сам Куприн писал критику Венгерову: «Почти все мои сочинения — моя автобиография. Я иногда придумывал внешнюю фабулу, но канва, по которой я ткал, вся из кусков моей жизни».

Родился Александр Иванович в семье мелкого чиновника, секретаря мирового судьи, в городе Наровчате, Пензенской губернии, том самом, о котором говорили: «Наровчат — одни колышки торчат», — потому что деревянный городишко этот имел обыкновение выгорать дотла каждые два-три года. Отец его вскоре после рождения мальчика умер, и все воспитание ребенка легло на плечи матери, урожденной княжны Кулунчаковой Любови Алексеевны. Она происходила из обрусевшего рода касимовских татарских князей, состояния не имела и после смерти мужа вела жалкую вдовью жизнь. Мальчика ей удалось устроить в казенный пансион, потом отдать в кадетский корпус, откуда он по окончании перешел в Александровское военное училище и через два года был выпущен офицером в чине подпоручика с зачислением в 46-й Днепровский пехотный полк, расквартированный в Проскурове, Гусятине и Волочиске.

С детских лет он баловался стишками, будучи юнкером, напечатал свой первый рассказ — «Последний дебют» в московском журнале «Русский сатирический листок» без ведома начальства, за что и был посажен в карцер. Но 19-летний автор не унывал. Он даже читал свой «штрафной рассказ» тюремному сторожу, сверхсрочному унтеру, который выражал свое одобрение восклицанием «Ловко!».

Одобрение унтера ничего, разумеется, не обозначало: рассказ был слаб, сентиментален, надуман. Никаких определенных надежд автору он не сулил. Могло случиться и так, что, попав в захудалый армейский полк, подпоручик Куприн так бы и увяз в тине мелкого обывательского существования, но все увиденное им в гарнизонной среде настолько стало ему противным, что, отслужив положенный срок, он решил во что бы ни стало вырваться из этого болота, поступить в Академию Генерального штаба. И вполне возможно, что поступил бы, и вполне возможно, что жизнь его сложилась бы совсем иначе, если бы не одно обстоятельство: лихой подпоручик Куприн выбросил в Днепр тучного околоточного, пристававшего к публике в речном ресторане. Околоточный благополучно вылез из воды, но был составлен протокол «об утопии полицейского чина при исполнении служебных обязанностей». В разгар экзаменов, когда самые трудные предметы были уже сданы, пришел приказ из штаба Киевского военного округа о том, что за оскорбление чинов полиции подпоручику 46-го Днепровского полка Куприну воспрещается поступление в Академию Генерального штаба сроком на пять лет.

С разбитыми надеждами и несколькими копейками в кармане Куприн вернулся в полк, через год подал в отставку и был уволен в запас в чине поручика.

Куда деваться поручику в отставке? Вскорости он оказался в Киеве без всяких средств, без личных связей, без литературных знакомств. По словам самого Куприна, он очутился в неизвестном ему городе «в положении институтки-смолянки, которую ни с того, ни с сего завезли бы ночью в дебри Олонецких лесов и оставили без одежды, пищи и компаса».

Началась трудная, голодная, полная лишений и невзгод и вместе с тем беззаботная и по-своему радостная жизнь полупролетария, полубродяги, дававшая бездну впечатлений и заставлявшая каждое утро всматриваться в наступающий день, ища в нем новое, ранее невиданное и не испытанное. За плечами были молодость и здоровье. Кусок хлеба с арбузом казался верхом лакомства. Рваные ботинки не доставляли особых огорчений.

Кем только не был Александр Куприн в годы своей молодости: грузчиком, техником, управляющим имением, продавцом, землемером, рыбаком, актером, дантистом и даже псаломщиком. Но больше всего и с наибольшей радостью он работал репортером. Сотрудничал он в газетах «Киевское слово», «Киевлянин», «Жизнь и искусство».

Писал все: статьи, очерки, стихи, фельетоны, рассказы, даже светскую хронику, которую нередко выдумывал сам. Платили ему полторы-две копейки за строчку. Иногда совсем не платили, только обещали считать гонорар долгом. Однажды вместо гонорара он получил дамский корсет, шикарный, но едва ли необходимый отставному поручику. Однажды получил ботинки, что было вполне кстати. Куприн впоследствии писал об этих редакциях: «Воздух там был легкий и веселый, ни грамоты, ни таланта не требовалось, дела делались больше по кабачкам, по кофейням, народ кругом тебя все — аховый, тертый. Любо!..»

Однако сам Куприн работал в редакциях с большой охотой, вполне серьезно и талантливо. Он закалял свое перо, изучал жизнь, всматривался в людей, заводил знакомства с представителями самых различных профессий.

Репортерская работа была для Куприна и великолепной писательской лабораторией, где возникали сюжеты, подводились итоги наблюдений, создавались конструкции литературных произведений.

Репортеров он любовно называл «газетной пехотой». Много лет спустя, в 1918 году, читая в петроградской школе журнализма лекцию о репортерах и газете, Куприн говорил: «Публика еще продолжает думать, что репортер — газетный строчило либо происшественник. А рецензент, корреспондент, даже иногда беллетрист — разве они не такие же репортеры?.. Все они должны видеть все, знать все, уметь все и писать обо всем».

Канва, по которой он ткал свои произведения — вся из кусков его жизни, это правда! Буланин из рассказа «На переломе» (Кадеты) — это маленький Куприн, Щавинский в «Штабс-капитане Рыбникове» — Куприн, Платонов в «Яме» — он же, «Олеся» выросла из тех впечатлений, какие получил писатель, будучи управляющим имением в Ровенском уезде; то, что был псаломщиком и отлично знал церковную службу, сказалось в превосходном рассказе «Анафема»; девять месяцев он провел на театральных подмостках — появились рассказы «Как я был актером», «На покое». Он подружился с балаклавскими рыбаками, ходил с ними в море, чинил сети, ловил рыбу, — родились прелестные «Листригоны», от которых пахнет морем, солью, черноморскими ветрами. Если бы Куприн не служил в армии, не изучил бы в постоянном служебном и бытовом общении офицерскую среду, не было бы «Поединка» — произведения, доставившего автору всероссийскую и даже всемирную славу, произведения, которое взорвалось, как бомба, как разрушающий снаряд.

Куприн долго думал над тем, как назвать главного героя «Поединка». Это настолько томило его, что он не мог начать задуманную работу. И вот однажды, когда его жена, Мария Карловна, вернулась из гостей, она сказала, что среди присутствовавших был некий Ромашов, мировой судья.

«Александр Иванович вскочил, отшвырнул пепельницу.

— Ромашов, Ромашов, — вполголоса произнес он несколько раз и, подойдя ко мне, — взял за руки. — Маша, ангел мой, не сердись на меня. Я всегда волнуюсь и злюсь, как дурак, ревнивый дурак, когда тебя долго нет дома... Конечно, Ромашов. Только Ромашов... Да, именно Ромашов... теперь «Поединок» ожил, он будет жить... Будет жить!»

Когда однажды Горький заметил ему после «Поединка», который произвел на него огромное впечатление, что «по руслу автобиографического течения плыть легко, попробуйте-ка поплавать против течения», Куприн перешел на течение биографическое — брал факты из биографий известных ему лиц. Так родился «Гранатовый браслет», в основу которого положена подлинная история печальной любви маленького чиновника Желтикова к жене важного сановного лица.

«Штабс-капитан Рыбников» появился в результате знакомства с одним армейским офицером в дешевом ресторанчике «Капернаум», где часто собирались литераторы и где Куприн был завсегдатаем.

Разумеется, не следует думать, что Куприн

Copyrighted material

был бесстрастным фотографом жизни, собирателем фактов. Жизнь поставляла ему темные, неясные, невзрачные камни из русла своей реки. Он, обладая удивительным искусством гранильщика, придавал простому камню свойства драгоценности. Глаз у него был острый, ощущение красок — необыкновенное.

Пейзаж у Куприна никогда не существует в качестве самоцели, он всегда сопряжен с основным сюжетным мотивом рассказа или повести. Окружающий мир под пером писателя превращался в нечто яркое, переливающееся всеми красками: все броско, выпукло, стереоскопично. Читая рассказы Куприна, ощущаешь объемность каждого предмета, запах трав, вкус пищи, цвет плывущего по небу облака, смолистый дух леса, сырость заоблачной низины, слышишь звук падающей с крыши капли, а люди, о которых он рассказывает, через несколько строк кажутся давно знакомыми, понятными, и невольно, как по волшебному велению, начинаешь остро понимать их чувства.

Первая большая вещь А. И. Куприна, «Молох», появилась в журнале «Русское богатство» в 1896 году. Эта повесть прозвучала как звонкая пощечина русскому капитализму, вкупе и влюбе с иностранным грабившему, жестоко эксплуатировавшему рабочий народ. Квашнин, важное лицо, приехавший инспектировать завод по поручению дирекции акционерного общества, толстый, заплывший жиром человек, становится обожествляемым идолом, вокруг которого разливаются подобострастность, лесть, угодливость, закипают низменные страсти.

ЛАНТА

На праздничном пикнике Квашнин возглашает тост:

— Не забывайте, что мы соль земли, что нам принадлежит будущее...

Но на заводе пожар, бунт. «Красное зарево пожара ярким и грозным блеском отражалось в бурной воде большого четырехугольного пруда. Высокая плотина этого пруда вся сплошь, без просветов, была покрыта огромной черной толпой, которая медленно подвигалась вперед и, казалось, кипела. И необычайный — смутный и зловещий — гул, похожий на рев отдаленного моря, доносился от этой страшной, густой, сжатой на узком пространстве человеческой массы».

Молох! Это сравнение сразу появилось у инженера Боброва и больше не покидало его. Завод — Молох, пожирающий человеческие жизни.

Отчаяние на душе Боброва. Кому он служит? Ведь он тоже у ног Молоха! «Я считаю себя честным человеком и потому прямо себя спрашиваю: «Что ты делаешь? Кому ты приносишь пользу?» Я начинаю разбираться в этих вопросах и вижу, что благодаря моим трудам сотня французских лавочников-рантье и десяток ловких русских пройдох со временем положат в карман миллионы». «Молох», так же как и большинство его рассказов и повестей, выткан на канве личной биографии Куприна. Как корреспондент киевских газет он побывал в Донецком бассейне, был на заводах Русско-Бельгийской акционерной компании и несколько месяцев работал в кузнице и столярной мастерской. Ступенями к «Молоху» были ранее опубликованные очерки «Рельсопрокатный завод», «Юзовский завод».

Молодой писатель Куприн после «Молоха» стал известным. Но звезда его творчества запылала особенно ярко после «Поединка». Своей жене Марии Карловне еще в 1903 году он говорил: «Я задумал большую вещь — роман. Главное действующее лицо — это я сам. Но писать я буду не от первого лица, такая форма стесняет и часто бывает скучна. Я должен освободиться от тяжелого груза впечатлений, накопленного годами военной службы. Я назову этот роман «Поединок», потому что это будет поединок мой, поединок с царской армией. Она калечит душу, подавляет все лучшие порывы человека, его ум и волю, унижает человеческое достоинство».

«Поединок», впервые опубликованный в сборнике «Знание» в 1905 году, явился суровым обвинением царскому правительству. Лучше всяких специальных исследований он вскрывал причины жестоких поражений, понесенных царскими войсками в войне с Японией. Смрадная обстановка, царившая в армии, невежество и тупость офицерства, забитость солдат, изоляция военной касты, оторванность армии от народа, бессмысленная шагистика вместо боевой подготовки не могли не породить Ляояна и Мукдена. Любимое детище самодержавия — армия — оказалось пораженным зловещими недугами. И недуги эти писатель бесстрашно предъявил обществу. Впечатление было огромное, потрясающее! Мракобесы безумствовали, передовые офицеры устраивали автору овации. Легендарный лейтенант Шмидт выразил автору свое восхищение. Два офицера гвардейского Семеновского полка — Назимов и князь Касаткин-Ростовский явились с визитом к писателю сообщить ему о своих чувствах. Группой петербургских офицеров был послан Куприну сочувственный адрес за мысли, высказанные в «Поединке». Под адресом были подписи более 20 офицеров всех родов оружия.

После «Поединка» А. Куприным было написано много превосходных вещей, но ни одно из них, даже широко известная «Яма», не достигало такого пафоса отрицания.

В читательской душе Куприн оставил глубокий след как нежный лирик. Его «Олеся» — повесть о необыкновенной любви простой девушки, чистой и светлой, «Леночка» — трогательный рассказ о возникновении чувств у мальчишки-подростка и уж, конечно, «Гранатовый браслет» свидетельствуют о высоком мастерстве писателя, об искусстве проникновения в душу человека, об умении затронуть сокровенные струны человеческой жизни. Когда Куприн писал «Гранатовый браслет», он сам, по его свидетельству, плакал. «Ничего более целомудренного я еще не писал»,— говорил он. И следует помнить, что «Гранатовый браслет» появился в 1911 году, в ту пору, когда на книжных полках вальяжно развалился арцыбашевский «Санин», возглашавший свободную любовь, грубое торжество похоти.

Александр Иванович Куприн был демократом, но он не был революционером, тем более революционером-марксистом. Он сидел две недели в Литовском замке, высылался распоряжением адмирала Чухнина из пределов Севастопольского градоначальства как личность политически опасная, неоднократно попадал в сферу жандармского и полицейского наблюдения. Его философский кругозор был ограничен, идейный багаж невелик. Но он горячо любил русский народ, восхищался широтой его души, сам был плоть от плоти народной, ему дорога была его бедная, прекрасная, удивительная, несуразная, как он выражался, родина, и ей отдавал он свои чувства, свою писательскую страсть.

Одному из своих читателей и почитателей, П. И. Иванову, уже после Октябрьской революции Куприн писал: «И по секрету Вам скажу: в учители жизни я не гожусь: сам всю свою жизнь исковеркал, как мог. Для многих читателей я просто добрый товарищ и занятный рассказчик. И все».

Он не претендовал и на то, чтобы быть литературным «метром», теоретиком литературы. Впрочем, существует записанный в свое время, вскоре после «Поединка», писателем Марком Криницким литературно-профессиональный кодекс Куприна. Он, как заповеди, состоит из десяти пунктов.

Вот некоторые выдержки из него, весьма полезные и для наших современных литераторов.

...Если хочешь что-нибудь изобразить... сначала представь себе это совершенно ясно: запах, вкус, положение фигуры, выражение лица. Никогда не пиши: «Какой-то странный цвет» или «он как-то неловко выкрикнул». Опиши цвет совершенно точно, как ты его видишь... Найди образные, незатасканные слова, лучше всего неожиданные. Дай сочное восприятие виденного тобой, а если не умеешь видеть сам, отложи перо.

Изучай, прислушивайся, как говорят. Живописуй образ речью самого говорящего.

Работай! Не жалей зачеркивать, потрудись в «поте лица»... А, главное, работай живя. Ты — репортер жизни. Иди в похоронное бюро, поступи факельщиком, переживи с рыбаками шторм на оторвавшейся льдине, суйся решительно всюду, броди, побывай рыбой, женщиной, роди, если можешь, влезь в самую гущу жизни...

Падение самодержавия Куприн встретил восторженно, Октябрьскую революцию — настороженно. Ее народный характер был им не понят. Ее великое значение для обновления родины, для уничтожения тех темных сторон жизни, которые так беспощадно бичевались им, осталось за пределами его восприятия. Он встретился с Лениным и имел с ним беседу об издании для крестьян газеты «Земля», он продолжал писать, выступать с лекциями, но двойственное отношение к наступившим переменам продолжало разъедать его душу.

В октябре 1919 года Юденич занял Гатчину, где жил Куприн. Когда белые были отброшены, Куприн вместе с ними покинул родину. Вот уж когда справедливыми оказались его же собственные слова: «Сам всю свою жизнь исковеркал, как мог». Этот насквозь русский человек, писатель, вся творческая жизнь которого была связана с Россией, оказался в положении щепки, брошенной в зловонное болото эмигрантского бытия. Его эмигрантские годы прошли главным образом во Франции, в Париже, наполненные горечью, страданиями, нуждой. Тоска по родине раздирала его. В письме к И. Е. Репину в 1926 году он писал: «Эмигрантская жизнь вконец изжевала меня, а отдаленность от родины приплюснула мой дух к земле». Сын Леонида Андреева В. Л. Андреев вспоминает о своей встрече с Куприным: «Я встретил его последний раз в Париже незадолго до того, как Александру Ивановичу удалось вернуться в СССР. Он шел мне навстречу по улице — больной, небрежно и бедно одетый, по-стариковски шаркая ногами в каких-то домашних шлепанцах. Он посмотрел на меня, стараясь припомнить, кто перед ним. Но не смог. Я напомнил. «Да-да,— как-то жалко улыбнувшись, ответил он.— Не найдется ли у Вас пяти франков?»

Он писал и в эмиграции. Наиболее крупной вещью, привезенной им с собой, были «Юнкера» — автобиографическая повесть. Но если в период своего творческого расцвета Куприн неоднократно говорил, что ненавидит всеми силами души годы корпуса, юнкерского училища и службы в полку, то своих «Юнкеров» он написал умиленно, с тем благодушием, которое присуще старикам, когда они вспоминают свою молодость. Но сила таланта еще сказывалась: в «Юнкерах» есть великолепные страницы.

В 1937 году Александр Иванович Куприн вернулся на родину. Ехал он с горячим желанием работать, писать, но болезнь уже душила его. Вот что писал о встрече с Куприным его старый друг писатель Н. Телешов: «Я был у него в гостинице «Метрополь» дня через три после его приезда. Это был уже не Куприн — человек яркого таланта, каковым мы привыкли его считать,— это было что-то мало похожее на прежнего Куприна, слабое, печальное и, видимо, умирающее».

Москва радушно, гостеприимно и заботливо встретила старого писателя. Незнакомые люди при встрече кланялись ему, заговаривали с ним на улице. Он стал получать в большом количестве письма, в которых читатели радовались его возвращению. К нему приезжали делегации, выражавшие ему уважение. Его не забыли на родине, и это было большим счастьем для художника. Он говорил: «Самое удивительное из того, что возникло за это время, и самое лучшее, что я увидел на родине,— это люди, теперешняя молодежь и дети».

Куприн жаждал работать, творить, писать; он пытливо всматривался в окружающую новую, незнаемую им до этого жизнь и радовался ей. Он напоминал собой человека, вырвавшегося из тюрьмы после долгих лет заточения. Но сил уже не было, тяжкий недуг не давал ему возможности взяться за перо. Он переехал в Ленинград, и 25 августа 1938 года его не стало.

Прекрасным венком на его могилу ложатся слова К. Паустовского: «Кто сказал, что Куприн умер? Жизнь писателя измеряется продолжительностью любви к нему со стороны потомков... Куприн не может умереть ни в памяти русских, ни в памяти многих людей — представителей человечества, как не может умереть гневная сила его «Поединка», горькая прелесть «Гранатового браслета», потрясающая живописность его «Листригонов», как не может умереть его страстная, умная и непосредственная любовь к человеку и к своей родной земле».

Столетие со дня рождения Александра Ивановича Куприна — праздник всех, кто любит великую русскую литературу, одним из блистательных мастеров которой он был.

Его действительно с полным правом можно назвать:

Глыба русского народа, русского таланта!

Copyrighted material

Весь долгий в

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Зимой было тихо, принесет огорченная женщина шерстяную кофточку, залитую кофе, или вечернее платье, залитое красным вином, или лыжный костюм дочки, и в приемном пункте химической чистки было тихо и сумрачно от насупленно лежавшего снега за окном, а весной начиналось оживление, доставали слежавшиеся за зиму вещи, хотели, чтобы на сильном свете весны все было чисто и нарядно, смотришь,— и старичок хочет пощеголять серыми летними брюками.

Весной Маша то нашивала на принесенную в чистку вещь лоскуток с меткой, то выписывала квитанцию, а посетитель или посетительница тем временем спарывали лезвием безопасной бритвы пуговицы, женщины делали это ловко, а мужчины — нередко подперев изнутри щеку языком...

Из своей химчистки, носившей сказочное название «Белоснежка», Маша возвращалась усталая, по дороге нужно было еще зайти в молочную, купить бутылку кефира или ряженки для Лидии Эдуардовны, а та ждала ее, печальная и грузная, и без нее не садилась за стол.

Десять лет назад умер муж Лидии Эдуардовны, городской архитектор Струговщиков, и с тех пор что-то надломилось в душе Лидии Эдуардовны, да и в составе ее существа. Сначала начали отекать ноги, пришлось носить специальные тугие чулки, а потом стали повторяться и сердечные приступы, которые врач назвал спазмой коронарных сосудов, сразу все стало зыбко и неверно в жизни, и нужно было думать о самом роковом.

Copyrighted material

ОСХОД

Маша выросла в семье Струговщиковых из Машеньки, дочки домашней работницы, жившей много лет в их доме, и, когда девочку привезли из деревни, она сразу расположила Струговщиковых к себе своей робостью и какой-то милой, беззащитной безответностью. Они приняли ее в свою семью, год спустя она пошла в школу, и Василий Николаевич сам проверял ее отметки, а на родительские собрания ходила вместо матери Лидия Эдуардовна.

Маша родилась в первый год войны, когда отец только несколько месяцев назад ушел на фронт, и не привелось отцу хотя бы единый раз повидать дочь: его убили под Ельней в тот же первый год войны, и все в доме сразу покосилось на сторону. Год спустя мать познакомилась с эвакуированной семьей Струговщиковых, сразу же они пришлись по душе ей, а по их возвращении в родной город мать поехала с ними, оставила дочь на попечение бабушки, однако сильно тосковала по дочери, Струговщиковы предложили, чтобы она выписала девочку, они были бездетные, и девочка восполнила то, чего недоставало в их семье...

Возвращаясь домой с работы, Маша нередко думала о том, как жила бы она без Лидии Эдуардовны, а та, в свою очередь, думала, наверно, что без Маши, ставшей ныне Марией Михайловной, неизвестно, как она существовала бы. Вот и стала она, Маша, тем «своим человеком», который нередко ближе родных по мягкости души и сердечности, и по всему тому, что́ бывает совсем незаметно, но составляет существо близости человека.

Мать Маши, Марфа Фроловна, надорвалась еще в первые годы войны на тяжелой мужской работе, когда и пахать на коровах, и содержать свой дом, и заготовлять дрова на зиму приходилось женщинам, и Маша, читая книги, думала не раз о том, что никто еще не написал как следует об испытаниях женщины в войну, да еще с ребенком, а нередко и с несколькими детьми...

Маша окончила школу, поступила на курсы кройки и шитья, а пойти в какой-нибудь институт, как она мечтала, не удалось: умерла мать, два года спустя умер Василий Николаевич Струговщиков, Лидия Эдуардовна начала прихварывать, одну ее не оставишь, а времени дожидаться, когда через пять лет кончит она, Маша, какой-нибудь институт, уже не было, все стало в обрез. На курсах кройки и шитья она проучилась два года, но как-то не пошло с этим дальше, поступила на работу в приемный пункт химической чистки, стала постепенно разбираться в свойствах тканей, и от нее самой пахло немного так, как пахнет копировальный карандаш, когда его чинишь.

В трехкомнатной квартире Струговщиковых им оставили две комнаты, а в третьей поселился одинокий человек Андрей Андреевич Мурашов, настройщик роялей, такой тихий, что никогда не узна́ешь, дома ли он, и Маша стала приглядывать теперь и за ним, ставила ему на стол то бутылку ряженки, то творогу в глубокой тарелке или вареной картошки, а поближе к весне и свежий огурчик, и Мурашов только вздыхал: «Нашли себе питомца... я кругом в долгу перед вами, Мария Михайловна», она отвечала: «Ладно, ладно, авось сочтемся» и уходила, а Мурашов еще вздыхал наедине, ел ряженку или задумчиво разламывал вилкой картофелину.

Иногда Лидия Эдуардовна звала его выпить вместе с ними чаю, сидела за столом тучная, но все еще красивая былой красотой, и даже в темном пушку над ее верхней губой сохранялась некая прелесть. Лидия Эдуардовна сидела на диване, чуть расставив больные, отекшие ноги с толстыми складками, глядела на деликатно отпивавшего из чашки чай Мурашова, говорила: «Из меня, наверно, троих таких, как вы, можно было бы выкроить, Андрей Андреевич», говорила самоуничижительно, сама страшилась своей тучности, а Мурашов только качал головой:

— У вас душа чудо-инструмент, а остальное — это прикладное.

— Я бы все-таки уступила немного от этого прикладного,— отвечала Лидия Эдуардовна безжалостно по отношению к самой себе, но ведь и все давно стало безжалостно в ее жизни.

Оставшись как-то с Машей вдвоем, она сказала ей:

— Ты, Маша, наверно, и не знаешь, что такое пленительность молодости,— и Маша только испуганно посмотрела на нее.

Лидия Эдуардовна все чаще говорила теперь о прошлом, смотрела в глубину своей жизни, после смерти мужа ходила иногда взглянуть на построенные им дома́, особенно любила один дом на набережной, обращенный к восходам, а теперь уже много лет не могла выходить из дома. Но и из ее, Маши, жизни тоже постепенно уходила пленительная молодость, ей было скоро уже тридцать лет, и она знала, что Лидия Эдуардовна думает о том, как сложится дальше: встретит она, Маша, человека по душе себе, и пойдет у нее своя жизнь...

Но пока со всеми заботами было не до этого, все ее мысли были заполнены, и никаких других мыслей она не хотела впускать.

Андрей Андреевич Мурашов доставал иногда из бокового кармана кожаный футлярчик с камертоном, ударял камертоном о ребро ладони, тонкий, певучий звук несколько мгновений плыл и затухал, и Андрей Андреевич говорил:

— Настраивайтесь, Мария Михайловна, настраивайтесь на верной ноте в жизни, тогда все хорошо пойдет у вас, можете мне верить, я опытный настройщик.

Наверно, он хотел сказать этим, чтобы она не упускала ничего из того доброго, что способна сделать, и ничуть не тесно стало в их квартире, когда Мурашов поселился в ней, а как бы даже просторнее. «Только тощий он больно, в чем душа держится»,— говорила Лидия Эдуардовна, но не собирался Мурашов призанять у нее дородства, ходил длинный и сухой, с остатками седеющих волос вокруг овальной лысины, всегда чисто выбритый, немного похожий на католического священника, а пальцы у него были длинные и музыкальные, и он сначала разыгрывался на рояле, прежде чем приняться за настройку, пробегал на нем «Венгерскую рапсодию» Листа или «Марш Черномора», а уж потом доставал сумку с ключом для настройки, всяческими щеточками и бархатными тряпочками.

Маша купила в молочной творожный сырок, кулила и бутылку кефира, шла по вечерней улице, сама чувствовала, что от нее чуть пахнет копировальным карандашом, дома всегда сейчас же переодевалась, но запах химчистки стоял и в ее комнате.

Лидия Эдуардовна уже сидела за столом, чайник был накрыт ватной матрешкой в сарафане, и на тарелке лежали ломтики докторской колбасы и кекса. Маша обычно сразу же начинала рассказывать, как прошел ее день, а день Лидии Эдуардовны проходил только в четырех стенах, и ее интересовало все, что произошло за этими стенами.

— Ужасно много народа приходит,— сказала Маша,— весна, ничего не поделаешь, каждому хочется почище и понаряднее быть. У нас скоро новую фабрику химчистки построят, говорят, по последней технике... в Москве уже есть такие, там «Чайка» царит. Сегодня одна женщина принесла такое хорошее платье, цвет беж, и где она залила его чернилами? Все равно, след останется, у нас пока с нашей техникой чернильные пятна не вывести.

Она говорила про все, о чем могла вспомнить за долгий день работы в приемном пункте, но какое же разнообразие может быть в таком дне, только поглядишь на принесенную вещь да покачаешь головой, и посетительница испытующе смотрит на тебя: неужели пропало хорошее платье? А один старичок принес костюмчик такой ветхости, что его только тронь, он весь поползет, и так накричал на нее, когда она отказалась принять в чистку, столько обидных слов наговорил, но она промолчала, сказала только: «Я вам очень сочувствую», а он закричал: «Я в вашем сочувствии не нуждаюсь!», но что делать, следует войти в его положение — не так-то легко пенсионеру купить новый костюм. А выдержка не у всякого есть, и к этому тоже нужно уметь приноровиться.

В комнате Лидии Эдуардовны стоял большой рояль, с которым она не хотела расставаться, занимал почти треть комнаты, на нем лежали папки с архитектурными проектами Струговщикова и еще большие книги, которые Лидия Эдуардовна называла увражами, с красивыми творениями зодчих Витрувия или Палладио, с этим она тоже не хотела расставаться. А возле папок стоял портрет Василия Николаевича, и всегда в вазочке рядом были цветы, Маша весной покупала по дороге ландыши или нарциссы, это была все-таки радость и живое начало, не так-то легко человеку сидеть одному в четырех стенах; хорошо, что есть хоть книги, Маша заходила по временам в областную библиотеку, знакомая старая библиотекарша всегда находила хорошую книгу для Лидии Эдуардовны, знала ее в ту пору, когда с высоко поднятой головой проходила та по улице в царственной своей красоте, хотя и тогда уже немного тучноватая.

Они выпили чаю, Маша пошла мыть посуду, а Лидия Эдуардовна сидела на диване, грузно возвышаясь над столом. Она ничего не сказала о том, что сегодня почувствовала себя вдруг плохо, что-то обморочно припало в ней, и она испугалась, вытирая лицо от внезапно выступившего пота, положила под язык таблетку валидола и тревожно ждала его действия. Это приходило за последнее время все чаще, и она все чаще думала о Маше, как та останется без нее, не пропустила ли она из-за нее срок найти человека по душе себе, не испортила ли она, Лидия Эдуардовна, ее жизнь своим требовательным эгоизмом? И, вместе с тем, страшно было подумать, что Маша может полюбить кого-нибудь, уйти в сторону, и как жить одной тогда?

Маша перемыла посуду, вернулась, и Лидия Эдуардовна сказала ей:

— Сядь, Маша.

Та испуганно взглянула на нее и села, Лидия Эдуардовна смотрела на ее ситцевый домашний халатик, в открытом вороте которого светлела худая шейка, а глаза Маши были большие, мягкие, словно слегка виноватые в том, что они красивые, и нет-нет да и взглянет на нее кто-нибудь, а недавно один музыкант, принесший в чистку костюм, задержался, спросил, любит ли она музыку, и предложил побывать на концерте, в котором он играл на скрипке в оркестре. Музыкант был высокий, с приятным лицом, видно было, что она нравится ему, но Маша вежливо ответила:

— Большое спасибо, только нет у меня времени посещать концерты.

Она не призналась себе, что хотела бы пойти на концерт, послушать, как играет музыкант на скрипке, но подавила в себе это.

— Выслушай меня, Маша,— сказала Лидия Эдуардовна с необычной строгостью, и Маша так же испуганно ответила:

— Я слушаю, Лидия Эдуардовна.

— Дело вот какое: я не вечная, в любую минуту может случиться со мной.— Она не добавила, однако, что́ может случиться с ней в любую минуту.— Так вот: чтобы ты была в курсе дел. В среднем ящике моего стола лежит портфель Василия Николаевича, в портфеле все мои распоряжения, и оформлены они, как нужно.

Она не сказала ей, что несколько лет назад, когда еще могла выходить из дома, оформила все, как нужно, и нотариальная печать на ее распоряжении.

— Мой брат живет в Харькове, Лев Эдуардович, он инженер, и вдова покойного моего брата, Всеволода, Нина Евгеньевна Звягина, тоже живет в Харькове. Это к твоему сведению, а других родных у меня нет.

— Зачем вы говорите мне это? — спросила Маша беспокойно.

— О Пушкине мы с тобой в другой раз поговорим, а пока приходится говорить об этом.

Лидия Эдуардовна посмотрела на нее, посмотрела откуда-то совсем издалека: может быть, из того дальнего далека, когда Машу

Copyrighted material

только что привезли из деревни и они с мужем испытали то чувство, какое знакомо лишь бездетным...

— Ах, Маша, Маша,— сказала она,— починил бы кто-нибудь мне сердце, я бы тебя замуж за хорошего человека выдала, твоим детям вместо бабушки была бы. Ни в какие предчувствия я не верю, все-таки по образованию я биолог, но во время войны пришлось оставить институт, а там пошло́ — и о Василии Николаевиче нужно было заботиться, да и похварывать стала. Ни в какие предчувствия я не верю,— повторила она,— но звоночки все-таки слышу, а они всё почаще, звоночки.

— Вы ведь знаете, Лидия Эдуардовна, как я отношусь к вам, да и Василия Николаевича никогда не забываю... так что по первому вашему слову — все, что́ скажете.

— Я это слово сказала,— ответила Лидия Эдуардовна,— я и сказала его.

А неделю спустя в приемный пункт химчистки прибежала соседская девочка, сообщила, что Лидии Эдуардовне плохо, вызвали неотложку, и Маша наспех передала дежурство другой приемщице, побежала домой, сразу же увидела у подъезда белую машину с надписью, у дивана, на котором лежала Лидия Эдуардовна, стояли женщина-врач и медицинская сестра, пахло спиртом, а в том большом, грузном, лежавшем на диване, уже не было жизни, и свисала тяжелая белая рука.

Из Харькова прилетели на самолете брат Лидии Эдуардовны — инженер Лев Эдуардович Веселитский и невестка — Нина Евгеньевна Звягина. Брат крупными чертами выбритого, еще красивого лица был похож на Лидию Эдуардовну, а невестка — с поджатыми, недобрыми губами — как-то неодобрительно посмотрела на Машу, сразу словно отстранила ее, и после похорон, когда гроб с тяжелым телом опустили в могилу рядом с памятником архитектору Василию Николаевичу Струговщикову, все вернулись домой, сели за стол, Маша еще накануне позаботилась, чтобы было чем достойно помянуть Лидию Эдуардовну.

За столом сидели Лев Эдуардович, невестка и Андрей Андреевич Мурашов, а Маша с соседской девочкой хозяйствовали. Водку пил только Лев Эдуардович, а невестка от водки отказалась, пригубила лишь портвейну. За столом вспомнили, что Лидия Эдуардовна уже много лет болела, врачи даже удивлялись, как она со своим сердцем могла столько прожить, а потом Мурашов ушел к себе, и за столом остались только приехавшие и она, Маша.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул Лев Эдуардович,— одни уходят, другие остаются жить, ничего не поделаешь.

Он помолчал, потом сказал:

— Мне известно, что сестра успела сделать кое-какие распоряжения.

— Да, конечно,— ответила Маша поспешно.— Все распоряжения в портфеле в среднем ящике письменного стола.

Лев Эдуардович помедлил, чтобы не получилось слишком поспешно, выдвинул средний ящик письменного стола, достал из портфеля конверт с распоряжением, надел очки и стал читать, а Маша не знала, что́ в этом распоряжении, и никогда не интересовалась им.

— Так,— сказал Лев Эдуардович неопределенно, прочитав распоряжение,— так.

И было видно, что он сдержал себя, чтобы не сказать что-нибудь, может быть, обидное для памяти сестры.

Он достал затем из портфеля сберегательную книжку, посмотрел ее, потом спросил:

— А наличных денег у сестры никаких не осталось? Может быть, оставляла на хозяйство вам?

— Нет, никаких,— ответила Маша, почувствовав вдруг, что краснеет, вопрос был подозрительный, словно она могла что-то утаить для себя.

На сберегательной книжке было завещательное распоряжение в пользу брата, а все свое имущество Лидия Эдуардовна завещала ей, Маше.

— Ясно,— сказал Лев Эдуардович,— все ясно.— И можно было понять, что он не одобряет распоряжения сестры или, может быть, думает, что Маша воспользовалась своей близостью к ней.

А невестка сидела с таким видом, словно ее кровно оскорбили, забыли про нее, все обратилось в ней против Маши, мутное или даже оскорбительное, но она молчала, сидела с поджатыми губами, и Маша поспешно сказала ей:

— Пожалуйста, Нина Евгеньевна, если что захотите взять на память, то, пожалуйста, я сохраню для вас. Раньше, чем через шесть месяцев, нельзя ничем распоряжаться, но я сохраню для вас.

Она чувствовала при этом, что ее лицо горит, невестка не верила ей, смотрела в сторону буфета, за стеклянными дверцами которого поблескивали цветные хрустальные бокалы.

— Чего уж тут,— сказал Лев Эдуардович,— что ваше, то ваше.

Он еще посидел немного, видимо, его разморило от нескольких выпитых рюмок водки, сказал:

— Пожалуй, пройдусь, посмотрю, каким стал наш город, давно я не был в нем,— и ушел пройтись, как будто несколько часов назад не опустили в могилу его сестру, как будто простился с ней где-нибудь на вокзале, и ничего уже не было в доме от Лидии Эдуардовны, от долгих лет ее трудной жизни и воспоминаний, и всего того, что было дотоле и ее, Маши, существованием.

Они еще посидели вдвоем за столом, потом невестка сказала:

— Если вы действительно собираетесь уступить мне кое-что, то вот эти бокальчики я взяла бы на память.

— Что ж, пожалуйста,— ответила Маша.

— Меня еще один предмет интересует,— сказала невестка.— Мы с мужем когда-то Лидии Эдуардовне к двадцатилетию ее свадьбы чайные позолоченные ложечки подарили. Как вы насчет них?

— Я таких ложечек никогда не видела,— ответила Маша, снова почувствовав, что краснеет, а невестка пытливо смотрела на нее.— Я таких ложечек никогда не видела,— повторила она.

— Ну, как же так — за одним столом сидели и никогда не видели?

— Ложечки, какими мы пользовались, вместе с ножами и вилками в буфете лежат, а других я не видела,— сказала Маша, и все стало так душно, так постыдно, что она едва не заплакала.

— Ну что ж,— отозвалась невестка,— нет — значит, нет. У меня на завтра обратный билет на самолет в двенадцать тридцать, может, насчет такси на аэродром поможете? А бокальчики, чтобы не побились, давайте уложим, все равно комнату придется освобождать.

Маша принесла из кухни большую хозяйственную сумку и бумагу, и невестка стала заворачивать каждый бокал в отдельности, словно только день назад еще не дышало все той, которая жила здесь, и вот уже на глазах уходит, тает, словно, линяет на глазах ее мир...

Ящики буфета были выдвинуты, невестка пошарила в них, нашла какой-то сверток, развернула его, минуту помолчала, потом сказала неверным голосом:

— Вот же они — ложечки... просто берегла их, видно, Лидия Эдуардовна, и правда — такие хорошие ложечки, мы и монограмму «Л.С.» дали выгравировать на них.

Она сказала это так, будто перед этим не обидела Машу, не заподозрила, что та припрятала ложечки.

— Ах, вещи, вещи... всегда переживают людей,— добавила она только,— и неизвестно, для кого бережет их человек.

Однако и в этой фразе был свой отдаленный смысл — неизвестно почему все досталось Маше.

К вечеру, погуляв, вернулся Лев Эдуардович, сразу попросил чаю, и Маша пошла готовить чай.

— Здо́рово разросся наш город,— сказал он, когда она вернулась с чайником,— и набережную великолепную построили, я посидел на скамейке полчасика.

Он был настроен благодушно, хотел еще побыть два-три дня, оставленное ему по завещательному распоряжению мог получить в сберегательной кассе немедленно, а уехать решил поездом. Он не спросил Машу, где она работает и как предполагает жить дальше, а в комнате Лидии Эдуардовны, конечно, вскоре кто-нибудь поселится, с жильем в городе пока еще неважно. Маше все же хотелось сказать ему, что ее детство прошло в этом доме, что Василий Николаевич и Лидия Эдуардовна заменили ей отца и мать, а родной отец погиб еще в первый год войны, и мать надорвалась в деревне на мужской работе. После смерти матери умерла вскоре и бабушка,— она, Маша, осталась совсем одна на белом свете, самыми близкими людьми стали для нее Струговщиковы, и сейчас она как бы вторично потеряла мать; но она только подумала обо всем этом.

Лев Эдуардович выкурил еще сигарету, сказал:

— Что ж, пора, пожалуй, и на покой... денек все-таки не очень-то веселый был.

Маша постелила ему постель в своей комнате, невестка лечь на диван Лидии Эдуардовны не пожелала, легла на тахту, а Мурашов поджидал Машу в коридоре.

— Будете спать в моей комнате, а я в кухне раскладушку поставлю, мне завтра рано уходить,— сказал он безоговорочно, и Маша подчинилась.

Утром, когда она встала, Мурашов уже ушел, а раскладушка была убрана. Нужно было выйти на работу, невестку поехал провожать на аэродром Лев Эдуардович, а вечером, когда Маша вернулась с работы, буфет стоял опустевший, и цветные бокалы не поблескивали, как обычно, за его стеклами. Что ж, может быть, это и правильно, чтобы ни одного следа не осталось от прежней жизни, а то, что должно остаться,— это глубоко в душе и никогда не уйдет.

Лев Эдуардович прожил еще два дня, обедать ходил в ресторан, потом сидел и курил на набережной и, казалось, за много лет пожил в свое удовольствие.

— Пора, однако, и в путь,— сказал он на третий день,— задержался я подышать родным воздухом. В шесть тридцать уезжаю, если не успеете вернуться к тому времени — дайте пожать вашу лапку, и спасибо за сестру, все-таки вы помогали ей.

От него пахло немного одеколоном — видимо, побрился утром в парикмахерской,— и самым обидным было то, что походил на Лидию Эдуардовну этот, совсем другой, чем она, человек, обидно походил на нее крупными, красивыми чертами лица и несколько величественной дородностью.

А когда Маша вернулась с работы, он уже уехал, но дома был Мурашов и тотчас же сам открыл ей дверь, едва она завозилась с ключом. Маша вошла в пустую комнату, совсем пустую, хотя вещи стояли на прежних местах, но все как-то сразу постарело в ней, а диван, на котором умерла Лидия Эдуардовна, казался совсем дряхлым.

— Хорошее никуда не уходит,— сказал Мурашов, сразу почувствовав, о чем она думает, сцепив пальцы рук.— Хорошее никуда не уходит.— Он достал из кармана камертон, ударил им по ребру ладони, и тонкий, певучий звук поплыл в комнате.— Только настраивайте себя на верной ноте, тогда все будет правильно.

— Я рояль в детскую музыкальную школу отдам, как дар от Лидии Эдуардовны,— сказала Маша.— Такой хороший рояль, пусть на нем учатся играть молодые музыканты.

Мурашов снова ударил камертоном по ребру ладони, и тонкий звук поплыл, как бы подтверждая, что и это правильная нота, точно взятая нота.

— У меня одно предложение к вам,— сказал Мурашов,— давайте вместе пить чай по вечерам, все-таки не так пусто будет вам возвращаться с работы... а дальше — это уж как у вас сложится.

Маша приготовила вечерний чай у себя в комнате, с жилищем Лидии Эдуардовны было покончено, а то, что осталось в ней, Маше, никуда не уйдет, в какой бы комнате ни пила она вечерний чай. Увражи Витрувия и Палладио она отдаст в свое время в областную библиотеку, пусть будущие архитекторы поучатся по ним своему искусству, и она решила еще, что в первый же выходной свой день пойдет на набережную взглянуть на дом, построенный Василием Николаевичем Струговщиковым, восход, еще задолго до того, как поднимется солнце, отражается в его окнах, и для человека и нужно строить так, чтобы весь долгий восход был перед ним... тогда и целый день, до вечерней зари, человеку светло.

Copyrighted material

Товарищ Л. И. Брежнев выступает на митинге, посвященном пуску цеха холодного проката листа. 1947 год, сентябрь.

СЛОВНО БЫЛО ВЧЕРА...

Запорожью исполнилось 200 лет. В 1770 году на том месте, где стоит современный, красивый город, была основана небольшая крепость.

Сейчас Запорожье — крупнейший промышленный центр. Индустриальная летопись города началась сравнительно недавно. Много в этой летописи волнующих, героических страниц. Рассказом о героическом послевоенном восстановлении гиганта первых пятилеток — металлургического завода «Запорожсталь», написанным по просьбе редакции бывшим управляющим «Запорожстроя», участником и руководителем строительства ряда советских заводов, ныне заместителем Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшицем, наш журнал открывает рубрику «Словно было вчера...». Под этой рубрикой мы будем публиковать воспоминания ветеранов Отечественной войны и активных участников социалистического строительства.

МЕТАЛЛ ЗАПОРОЖЬЯ

В. ДЫМШИЦ

История Запорожья — один из ярких примеров борьбы партии за индустриализацию страны, целеустремленности и сплоченности советского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками, высокой организованности и самоотверженности в спасении народного достояния от фашистского нашествия. Запорожье — это страница истории героического восстановления разрушенных оккупантами городов, заводов, электростанций — всего, что было создано трудом советских людей за годы пятилеток.

Через два года после Победы в Великой Отечественной войне запорожская металлургия вновь начала давать стране холоднокатаный тонкий стальной лист. Сейчас мы с гордостью вспоминаем нашу победу, стойкость и героизм советских воинов в борьбе с фашистскими захватчиками на фронтах Отечественной войны и огромную созидательную работу по восстановлению народного хозяйства, осуществленную под руководством партии, вспоминаем людей, беззаветно трудившихся тогда, многих из которых сейчас уже нет среди нас.

* * *

Как гимн борьбы, воспринимали мы сообщения о новостройках первой пятилетки — Кузнецке и Магнитке, «Уралмаше» и Краматорске, Днепрогэсе и «Запорожстали», о первых тракторных, автомобильных, подшипниковых, станкостроительных и других заводах. Как фронтовые сводки, звучали тогда со страниц газет волнующие слова: «начата копка фундамента», «пошел бетон», «начат монтаж агрегатов...». «Начато — строится — готовится к пуску...» Это была сбывающаяся мечта поколения, начало воплощения ленинского плана индустриализации страны.

На облигациях Займа индустриализации было изображение плотины с надписью «Дникпрельстан» — это на создание величайшей для того времени электростанции — Днепрогэса — народ вносил свой вклад, во имя будущего отказывая себе во многом в настоящем.

В 30-х годах здесь, по соседству с Днепрогэсом, был построен металлургический завод «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе. Он был создан как первоклассное предприятие, выпускавшее горячекатаный и холоднокатаный стальной лист высокого качества, такой ширины, что из него штамповался разом верх кузова автомобиля. На базе дешевой днепровской электроэнергии были построены и завод качественной металлургии «Днепроспецсталь», заводы ферросплавов, огнеупоров и ряд других. Вырос новый красивый город Запорожье с широкими улицами, скверами и бла-

Copyrighted material

гоустроенными домами. Не без оснований, вероятно, Анри Барбюс назвал его «гармонический промышленный центр».

И вот настал год 1941-й. Мы помним то страшное время. Почти вся Европа была порабощена фашистской Германией. Все свои силы бросил коварный враг на нашу страну. На тысячекилометровых фронтах шли кровопролитные бои, вражеские полчища захватывали жизненно важные районы страны. В это время партия осуществляла величайшие по своим масштабам и сложности мероприятия для укрепления фронта и перевода всего народного хозяйства на военные рельсы. Центральный Комитет партии, Советское правительство, Государственный комитет обороны, учитывая ежедневно меняющуюся обстановку, руководили фронтом и тылом, успешно завершили, казалось бы, немыслимую в условиях войны работу по эвакуации на восток тысяч фабрик и заводов.

В середине августа 1941 года немецко-фашистские войска были уже на правом берегу Днепра. Они попытались с ходу захватить Запорожье со всеми его заводами. Части Красной Армии и организованное обкомом партии народное ополчение оказали сильнейшее сопротивление врагу. Ему не давали переправиться на левый берег, в район заводов и города. Началась невиданная по организованности и храбрости, по упорству и самоотверженности борьба за спасение людей и вывоз оборудования заводов.

Руководство делом эвакуации заводов и электростанции осуществляли оперативная группа запорожского обкома Компартии Украины во главе с секретарем обкома А. П. Кириленко, уполномоченный Государственного комитета обороны, заместитель наркома черной металлургии А. Г. Шереметьев, заместитель наркома электростанций Д. Г. Жимерин. Непосредственное участие в этом деле принимал член Военного Совета Южного фронта Л. Р. Корниец.

Коммунисты, рабочие, инженеры, служащие участвовали в демонтаже и отгрузке оборудования. День и ночь с правого, захваченного врагом берега Днепра велся артиллерийский обстрел металлургических заводов и эшелонов с оборудованием. Немало людей пострадало от вражеских снарядов. Все знали о еще большей опасности — возможности неожиданного прорыва врага на левый берег, но никто не дрогнул. День и ночь, сорок пять суток подряд, продолжалась эта неравная борьба и героическая работа.

На глазах у врага, во фронтовой обстановке 320 тысяч тонн оборудования и материалов в 16 тысячах вагонов было отправлено за эти дни из Запорожья на Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы и в другие восточные районы страны. Ни один запорожский прокатный стан, ни один пресс, ни один днепровский генератор не достались врагу. Даже самое малое — водопроводную арматуру, ванны и плиты — все, что могло пригодиться вдали от родных мест, запорожцы по-хозяйски собрали и погрузили в эшелоны.

В Магнитогорске, куда прибыла часть запорожского оборудования, мы поражались тому порядку — комплектности, упаковке, монтажным схемам и маркировке,— с которыми прибывали тысячи вагонов. Можно было подумать, что все это делалось не под огнем врага, а в спокойной, мирной обстановке. Директор «Запорожстали» Анатолий Николаевич Кузьмин, А. К. Пудиков, Н. Д. Миргородский, А. К. Барчуков и другие инженеры этого завода составили детальные описи, которые потом помогли собрать, вернуть в Запорожье и смонтировать ценнейшее уникальное оборудование прокатных цехов «Запорожстали».

На восток отправлялись с эшелонами тысячи запорожцев с семьями, захватив с собой лишь самое необходимое. Сотни коммунистов и комсомольцев ушли в подполье и в партизанские отряды.

Последними, за полчаса до захвата города гитлеровцами, уезжали и руководители. Выполнив задание партии, эти люди, для которых рабочим временем были и день и ночь, а взрывы снарядов стали явлением почти привычным, ехали к местам нового назначения: А. Н. Кузьмин — в Новосибирск, директором металлургического завода, который теперь носит его имя, имя стойкого коммуниста и прекрасного инженера, человека обаятельного и мягкого в жизни и в обращении с людьми, требовательного и четкого, когда дело касалось работы на заводах, где он директорствовал, или министерства, когда он стал министром черной металлургии; Л. Р. Корниец, который много лет вел большую государственную работу на Украине, уехал на фронт; Александр Григорьевич Шереметьев — в Москву, а потом в Сталинград, где под угрозой был другой завод качественной металлургии.

Немецко-фашистские войска уже перешли Днепр, когда на маленьком «газике» по незорванному участку дороги выбрался из города секретарь обкома партии А. П. Кириленко. За несколько лет до войны он, инженер авиационной промышленности, конструктор и технолог, был избран секретарем районного, а потом Запорожского областного комитета партии. Теперь Андрей Павлович Кириленко по решению Государственного комитета обороны отправлялся на фронт — он был назначен членом Военного Совета 18-й армии Южного фронта. Вместе с войсками, освободившими Запорожье, он вернулся в этот разрушенный город. Много сил и энергии отдал он возрождению Запорожья, Днепрогэса и металлургических заводов.

Немецко-фашистская оккупация нанесла колоссальный ущерб народному хозяйству нашей страны. Она стоила жизни 20 миллионам советских людей. 1 700 городов, свыше 70 тысяч сел и деревень, десятки тысяч колхозов и совхозов были до основания разрушены. Сотнями миллиардов рублей исчислялись материальные потери. Исключительно большой ущерб был нанесен Украине. Цветущая республика была превращена в развалины. То, что увидели наши воины и запорожцы, начавшие возвращаться домой уже на второй день после освобождения города, описать трудно. В городе не оставалось ни одного уцелевшего дома. Здесь были разрушены все заводы, взорваны четыре доменные печи «Запорожстали»: одна обрушилась и легла на литейный двор, вторая наклонилась и осела на метр, четвертая упала, перекрыв железнодорожные пути. Уничтожены десять мартеновских печей. На каждой взорванной колонне прокатного и мартеновского цехов можно было увидеть написанную красками букву «F» — «файер» — «огонь». Не сумев выплавить на заводах Запорожья ни одной тонны чугуна, фашисты с озлоблением рвали цехи, закладывали взрывчатку под каждую колонну в отдельности.

Захватчикам не удалось, как они этого ни хотели, взорвать до основания Днепровскую плотину; им помешали наши подпольщики. Правда, плотина была сильно повреждена.

Перед партией и народом встала задача быстро восстановить разрушенное войной народное хозяйство. Надо было одновременно начинать восстановление транспорта, энергетики и основы всей индустрии — черной металлургии.

Наша автомобильная промышленность оказалась в этот период перед непреодолимой трудностью — нет стального листа, который поставлял до войны Запорожский завод. Пробовали купить тонкий лист за границей, но американцы ответили, что продавать его они не могут, самим, дескать, не хватает, но согласны продавать готовые автомобили. В то время в западной печати предсказывали, что на восстановление такого завода, как «Запорожсталь», потребуется по меньшей мере десять лет.

Центральный Комитет партии и Советское правительство в 1946 году приняли постановление — восстановить завод «Запорожсталь» не через десять лет, а уже в 1947 году начать выпуск холоднокатаного тонкого листа для автомобильной промышленности. Решение предусматривало в марте ввести в действие теплоэлектровоздуходувную станцию и доменную печь, в июле — прокатный стан — слябинг, в августе — цех горячего листового проката и в сентябре — цехи холодного проката, а сверх того в ноябре — коксохимический завод.

Надо было выполнить огромный объем работ по разборке более миллиона кубометров завалов бетона и кирпича, расчистке завода, по изготовлению и монтажу 150 тысяч тонн различных металлических конструкций и десятков тысяч тонн оборудования, по электроснабжению, строительству и отделке зданий и сооружений.

Сейчас ведется немало крупных строек в нашей стране, но ни одна стройка не знала тогда такого объема строительно-монтажных работ — до двух миллионов рублей в день. Требовалась строительная техника, которую негде было взять, нужны были многие тысячи рабочих, которых негде было поселить и трудно прокормить. Надо было решить крупные вопросы материального снабжения, транспорта, создания подсобных предприятий для строителей и ремонтной базы для завода.

Восстановление «Запорожстали» Центральный Комитет партии поставил как важнейшую государственную задачу и принял все необходимые меры для ее выполнения. Партия собрала с разных концов страны опытных специалистов, организовала и вдохновила 30-тысячный коллектив строителей Запорожья.

Запорожье — город металлургов. Завод «Запорожсталь».

Помню, как по решению ЦК партии Украины в течение месяца на стройку приехало более двух тысяч слесарей и монтажников. Приехали организованными коллективами со своими бригадирами и мастерами, вместе с секретарями райкомов и горкомов партии многих украинских городов. Приезжие сразу включились в общую работу. Руководили работами на монтаже прокатных цехов В. Н. Яковлев, Д. А. Виноградов, М. П. Петренко и Н. Н. Привалов, на теплоэлектростанции — Д. Г. Стинюков и Е. М. Абрамзон, на большом фронте санитарно-технических работ — В. И. Троянов и Н. С. Евтушенко.

Критическая ситуация возникла у электромонтажников. В обычных условиях им нужен был минимум год для выполнения работ в прокатных цехах, а необходимо было их закончить за два-три месяца. Со всей страны собрал электромонтажников тогдашний начальник Главэлектромонтажа, ныне министр Н. В. Голдин. Весной 1947 года на «Запорожстрое» появились палаточные городки электромонтажников со своими улицами: Свердловской и Челябинской, Московской и Ленинградской, Ташкентской и Новосибирской. Сюда прибыли известные всей стране мастера и инженеры-электромонтажники, прошедшие школу крупнейших строек металлургии, во главе со своими руководителями М. О. Эпштейном, С. Ф. Коротковым, В. И. Поздняковым, М. Ф. Козляковским, лучшим специалистом по наладке автоматических систем Н. В. Копыловым и многими другими. Шло соревнование за выполнение заданий, сроки которых были расписаны по каждой бригаде.

Невозможно в статье назвать имена всех, даже самых прославленных строителей Запорожья. Вспоминая отдельные фамилии, я говорю о них как о представителях больших трудовых коллективов.

Надо понять обстановку тех дней и внутреннее душевное состояние людей. Потеря многими своих близких, разорения и бедствия, боль и страдания прошедших лет, которые принесло им фашистское нашествие,— все это стало, казалось бы, еще ощутимее. И умом и сердцем советские люди всех национальностей сильнее, чем когда бы то ни было прежде, почувствовали, что такое Родина, насколько жизнь и счастье каждого из них связаны с ее судьбой и благополучием. Никакие новые трудности не могли их испугать, задержать в стремлении поскорее залечить раны страны, искать и находить для этого новые, смелые и дерзкие решения. Активная деятельность партийной организации (секретарем парткома строительства тогда был И. В. Соболевский), комитетов комсомола и профсоюза, газеты строителей и выездной редакции «Правды», общественная инициатива — все это помогало людям в работе, в устройстве жизни, в выполнении поставленной большой задачи.

Не было таких книг и такой науки, как восстанавливать взорванные заводы, тем более что не было совершенно одинаковых повреждений даже двух соседних колонн, не говоря уже о каждой мартеновской или доменной печи. Проектанты «Гипромеза», «Промстройпроекта», «Проектстальконструкции» и других организаций, которые проделали огромную работу, выдавая тысячи чертежей, часто писали на них «решить по месту». Но решить-то можно по-разному: разломать до конца, порезать и выбросить взорванное, а можно и спасти многое. Тут нужны и знания и опыт, расчет и смелость: и решать и отвечать.

Лауреат Государственной премии А. В. Шегал предложил взорванную доменную печь, которая легла на бок, не разрезать, не выбросить, а с помощью системы домкратов поднять и поставить на место. Подъем был осуществлен после проведенной подготовки за несколько часов монтажным управлением, возглавлявшимся М. Н. Чуданом и А. В. Шегалом.

Марк Иванович Недужко, начальник монтажного управления, который в войну варил бензопровод на льду Ладожского озера для снабжения Ленинграда, вместе с инженером Г. В. Петренко в прокатном цехе, где были подорваны все колонны и искорежены фермы, пришли к неожиданному выводу, что гитле-

«Запорожское казачество» — витраж в краеведческом музее города. Авторы — художники А. Доминч, О. Манжелей, В. Рыжих.

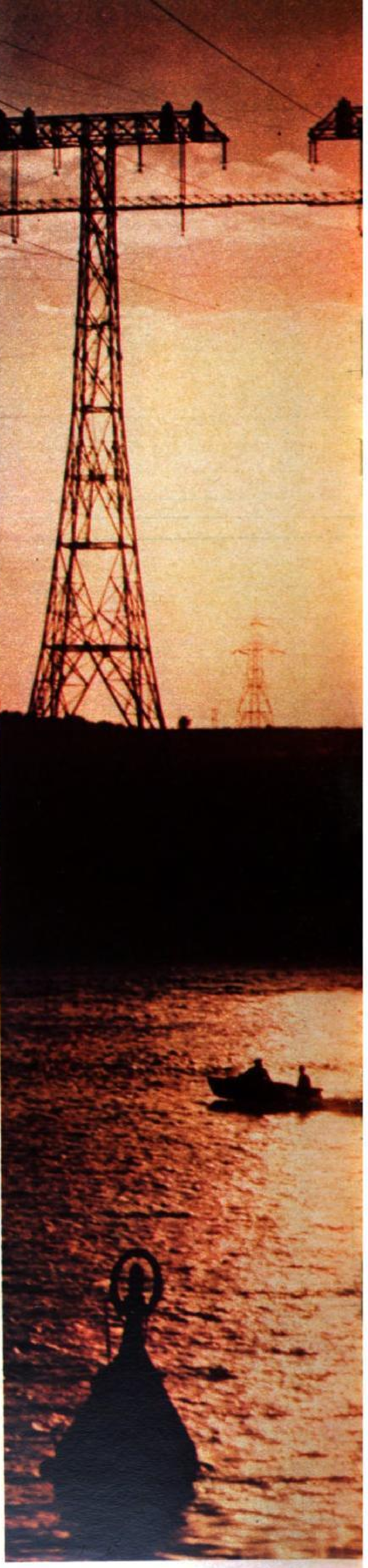
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Copyrighted material

Copyrighted material

Завод «Коммунар». Здесь рождаются «Запорожцы».

Днепр электрический.

Copyrighted material

У плотины Днепрогэса имени В. И. Ленина.

Copyrighted material

В подарок маме.

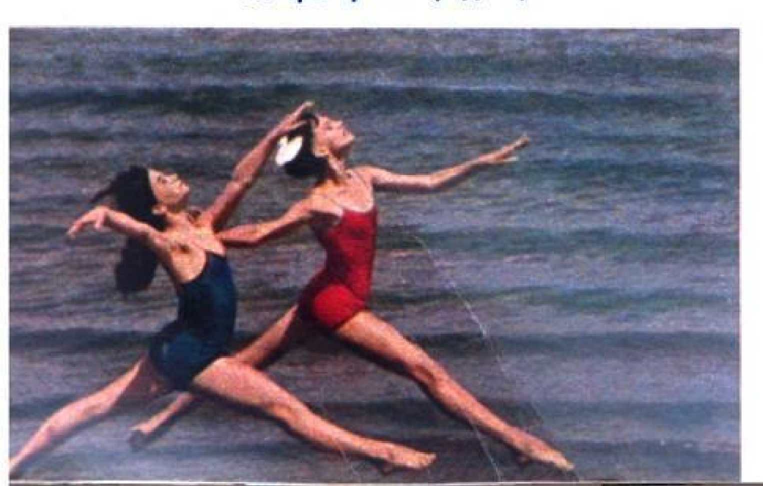
Дом быта «Юбилейный» в Запорожье.

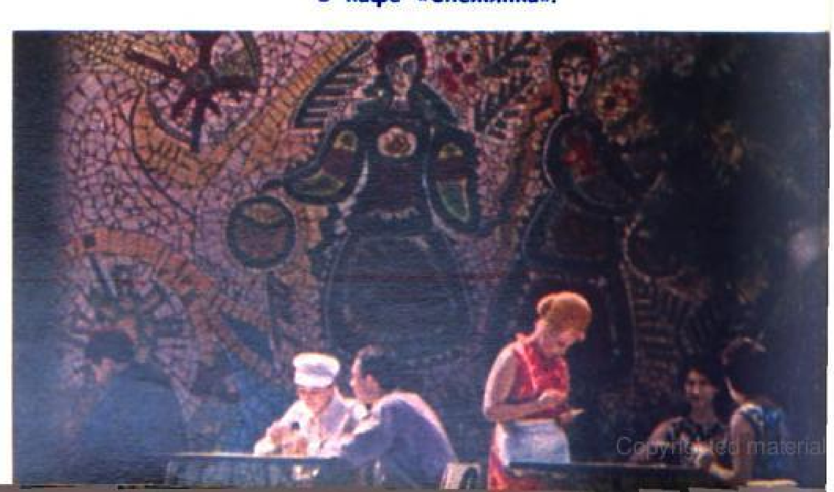
Никифор Антонович Дейкун, запорожский казак, старый большевик.

Герой Социалистического Труда, почетный металлург Украины Михаил Трофимович Кинебас работает на «Запорожстали».

На тренировке у Днепра.

В кафе «Снежинка».

Copyrighted material

ровцы в своей злобе просчитались: каждая колонна была повреждена по высоте лишь на метр-полтора, а остальные 15 метров оставались целыми. И вот они разделили цех на блоки по 15—20 колонн с каждой стороны пролета, приварили к ним кронштейны, под которые подвели трубчатые домкраты, соединенные общей гидравлической системой, и поднимали целиком блоки весом в 2—3 тысячи тонн каждый. Потом шла «восстановительная хирургия» — вырезались «больные», взорванные куски колонн, и вваривались новые. Так было спасено 40 тысяч тонн металлических конструкций и работы ускорены, наверное, на год. Управляющий монтажно-сварочным трестом Б. Л. Шенкин со своими монтажниками собрал, смонтировал и сварил 100-метровой высоты металлическую трубу за 15 суток вместо полагавшихся по графику 40.

Назову еще одно техническое достижение, о котором давно мечтали строители: здесь впервые в мировой практике была построена цельносварная доменная печь. Ее сварили за месяц шестнадцать лучших электросварщиков. А следующая доменная печь была сварена уже автоматами Украинского института электросварки с участием его основателя — академика Евгения Оскаровича Патона, крупнейшего ученого, производственника и новатора, разработавшего новые методы автоматической сварки.

Талантливый бригадир — рабочий, член партийного комитета строительства Иван Александрович Румянцев монтировал трубопроводы и паропроводы давлением до 300 атмосфер. Дело ответственное и трудоемкое, требующее высокой квалификации. Ждать нельзя, а монтировать негде — еще велись разборка завалов в цехах и монтаж конструкций. Впервые в строительной практике его бригада собирала, варила и испытывала трубопроводы по монтажным схемам на стеллажах, а когда подошло время, их целиком крупными блоками поставили на место. «Правда» писала об опыте Румянцева, этот опыт вошел в учебники монтажных работ, а через много лет, к удивлению индийцев, он повторил это на строительстве металлургического завода в Бхилаи. Он не знал языка хинди, но был язык большой дружбы, который помог ему обучить своих учеников специальности трубопроводчиков.

Начальник «Жилстроя», позднее лауреат Государственной премии А. П. Подлепа, начавший когда-то свою работу на стройке плотником, инженеры Л. З. Гурович и Н. И. Амплеев, старый партизан Н. С. Суров со своими коллективами широко применяли поточные методы на восстановлении разрушенного города и тоже, решая «по месту», спасли от разборки не один десяток наполовину взорванных пятиэтажных домов.

Прораб строительных работ в прокатных цехах И. Я. Курочка, который, казалось, и ночевать домой не уходит, со своими бригадами бетонщиков и каменщиков уложил более ста тысяч кубометров фундаментов, перекрытий и стен.

Иван Илларионович Бубырь прошел на стройке путь от рабочего до старшего прораба. Его участок построил насосную станцию за шесть месяцев. Вторая такая же станция для прокатных цехов была построена уже за два месяца, а на коксохимическом заводе — за полтора месяца. Люди выполняли как будто бы одну и ту же работу, но делали они свое дело каждый раз и лучше и скорее.

Известна была на стройке бригада слесарей, в которой все носили одну фамилию — Сергеевы. Это московский слесарь Алексей Кузьмич Сергеев приехал с тремя сыновьями Борисом, Серафимом, Василием и дочерью Клавдией на восстановление Запорожья.

Прославилась своей хорошей работой и Рахат Тулахаджаева. Она родилась и выросла в Узбекистане, но ее называли сталинградкой, потому что дочь Узбекистана до приезда в Запорожье работала электросварщицей и отличилась на восстановлении Сталинградского тракторного завода.

Десятки молодых рабочих обучил строительной специальности инструктор Борис Кондратьевич Нечунаев. Вдумчивый, всегда сосредоточенный и серьезный, похожий больше на профессора, чем на плотника, он прошел большую жизненную школу на многих стройках Сибири, Урала, Донбасса и за свое новаторство в плотницком деле получил звание лауреата Государственной премии.

Нельзя не сказать о самоотверженной работе и энтузиазме молодых строителей, выпускников школ ФЗО, и об опытных каменщиках, малярах и штукатурах, слесарях и экскаваторщиках, шоферах и мотористах, всей той строительной трудовой армии, без слаженной и организованной работы которой не может быть успеха в строительном деле.

Более двухсот тысяч тонн огнеупоров сумели уложить в короткие сроки мастера «Теплостроя», которых возглавлял П. А. Андрияшин. Вся стройка знала имя бригадира огнеупорщиков мастера высокого класса Алексея Варфоломеева.

Не было не выполненных в срок заданий у начальников строительных управлений М. Я. Лаевского, работавшего потом главным инженером строительства металлургического завода в Череповце, у И. С. Демидовича, возглавляющего ныне строительство в Караганде, у А. Н. Комара, который в последние годы жизни был президентом Академии строительства и архитектуры Украины, и у командира строительного отряда И. М. Болотовского, которому поручались самые тяжелые восстановительные работы. Ускорению темпов строительных работ способствовало широкое применение для крыш сборных утепленных коробчатых асбошиферных плит пролетом до 6 метров, разработанных московскими учеными, и обшивка стен прокатных и ряда других цехов легкими волнистыми асбошиферными панелями, к сожалению, почти исключенными ныне из проектных решений.

Вместе со строителями работали металлурги и коксохимики. Они готовились к эксплуатационной деятельности, отлично осуществляли свои обязанности «заказчиков», выполняли в ремонтных цехах тысячи заказов для стройки и, кроме того, активно участвовали в монтажных работах.

В восстановлении завода участвовало более сорока строительных и монтажных организаций. Сотни предприятий разных районов страны поставляли различные материалы, огнеупоры, изделия и оборудование. Большую работу по комплектации оборудования проделали машиностроительные и электротехнические заводы, особенно такие, как «Уралмаш» и Краматорский машиностроительный завод, Харьковский электромеханический, заводы металлоконструкций в Днепропетровске и Запорожье. Мы на стройке чувствовали не просто «поставщиков», но как бы ощущали заботливые руки рабочих коллективов, которые вместе с нами выполняли ответственное задание партии.

Большие объемы всех видов работ и короткие сроки требовали от всего инженерного коллектива организованности и максимального использования имеющихся механизмов и различных средств малой механизации. Получили распространение поточные методы работ в жилищном и промышленном строительстве, стала системой укрупненная сборка конструкций и оборудования, изготовление в заводских условиях опалубки и арматурных каркасов, приготовление бетона и раствора только на центральном заводе.

В те годы на «Запорожстрое» впервые были разработаны и широко применены «Обязательные технологические правила» для массовых видов работ. Идея заключалась в том, что в строительстве, как и в промышленности, работы должны вестись по заранее разработанной технологии. Эти «правила» означали, что земляные и бетонные работы, кирпичная кладка, штукатурные и малярные работы должны выполняться не по случайной, а по обязательной для всех мастеров и бригад технологии, которая предусматривает передовые методы работ, необходимые механизмы и инвентарь, порядок доставки и укладки материалов, исключающий излишние переброски с места на место. Ими также определялся численный состав бригад. Для того чтобы технология не осталась «благим пожеланием», в соответствии с ней заранее выписывались наряды на оплату работ. Такая практика позволяла поднять культуру строительства, производительность труда и заработки рабочих бригад, а вместе с тем значительно снизить стоимость строительства.

Важным звеном в оперативном руководстве строительством было созданное диспетчерское производственное управление. Оно координировало многогранную работу на стройке, осуществляло контроль за выполнением графиков и освобождало инженерный состав от беготни за бетоном, материалами и транспортом. Возглавлял диспетчерское управление энергичный и опытный строитель, прошедший в годы войны школу Магнитки, Григорий Кузьмич Лубенец, ныне министр строительства Украины.

Душой многотысячного коллектива строителей была партийная организация. В 1946 году первым секретарем областного комитета партии был избран Л. И. Брежнев. Не было на нашей большой стройке такой организации, которая бы не чувствовала внимания обкома, и не было среди строителей человека, кто бы не считал, что он лично знаком с секретарем обкома.

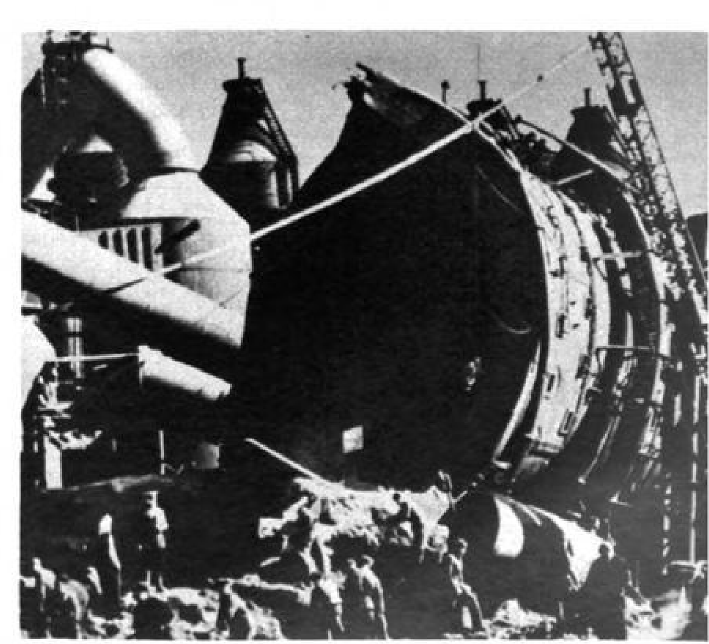
Сын рабочего-металлурга и сам металлург — Л. И. Брежнев с первого и до последнего дня Отечественной войны находился на фронте, с боями прошел весь тяжелый путь борьбы с врагом до его полного разгрома и завоевания великой Победы. После войны Л. И. Брежнев на новом фронте — восстановления разрушенной Запорожской области.

Возникало множество принципиальных вопросов, которые могли быть решены только с помощью областного комитета партии. Как, например, решить проблему жилья? Можно было начать и с постройки времянок. Обком партии занял четкую позицию: быстро восстанавливать разрушенные дома и строить город по проекту, без времянок. Три специальных строительных управления поточными методами строили город, ставший еще лучше, чем прежде. В какой последовательности восстанавливать завод? Технология металлургии известна: чугун, сталь, прокат. Но главная задача — ускорить получение холоднокатаного листа. Производство стали исключили из первой очереди — временно слитки можно получать с других заводов. Это на несколько месяцев ускорило срок получения листового металла.

План и график строительства — и общий и каждого пускового цеха,— его реальность и надежность, возникающие крупные и трудные вопросы организации строительства систематически рассматривались обкомом партии с участием руководителей стройки, завода и секретарей партийных организаций. Сначала отчет, потом новые задачи на следующий месяц, квартал. Требования были строгие. Не раз возникали горячие «схватки», особенно потому, что в строительстве участвовали организации, подчиненные многочисленным министерствам. Четко проводилась линия на то, что все организации обязаны безусловно выполнять распоряжения руководителей «Запорожстроя», как генерального подрядчика. В жизни каждой стройки и сейчас это совсем не простой и не праздный вопрос.

Леонид Ильич Брежнев жил стройкой. Ночью и днем его видели на различных участках. Был у него здесь и свой «кабинет» с диспетчерской связью и со своей кроватью, когда в горячие месяцы 1947 года специальным решением ЦК на него была возложена обязанность ежедневно заниматься «Запорожсталью». Знание жизни и глубокое понимание обстановки, большая человечность, его общительность и доброжелательность к людям создавали атмосферу уве нности на стройке. Естественно, без напряжения, находя для каждого свое, главное, он разговаривал и с недавним солдатом, и с академиком Бардиным, с начальником Днепрогэса Логиновым, и с монтажниками, с министрами Юдиным и Тевосяном, Казаковым и Кабановым, с Райзером и Шереметьевым, которые часто приезжали на стройку, и с бригадами штукатуров и бетонщиков. Не раз доводилось мне быть свидетелем теплых бесед Леонида Ильича с бывшими солдатами. Я не убежден, что он был знаком в военные времена со всеми своими

Взорванная гитлеровцами доменная печь «Запорожстали».

Copyrighted material

нынешними собеседниками, но разговор происходил примерно такой: «Вы помните, Леонид Ильич, как мы с Вами одолевали перевал...» И начинался рассказ, из которого явствовало, что именно ему, именно этому солдату, помогал в то время начальник Политуправления одолеть тяготы военного похода.

Восстановление завода велось по разработанному плану и графику. Этот график уточнялся и детализировался на строительных участках и превращался для сотен бригад в суточные задания, за досрочное выполнение которых велось социалистическое соревнование.

Помню обсуждение плана восстановления завода вскоре после моего назначения управляющим «Запорожстроем» в 1946 году. Я изложил сделанные нами расчеты и предложения, укрупненный график. Дополнили главный инженер Н. Г. Филиппов, его заместитель П. Н. Кононенко, начальники участков.

Людей не хватало. В то время, когда почти на всех участках уже шла работа, цех холодного проката площадью около 100 тысяч квадратных метров все еще лежал в развалинах. По графику восстанавливать его намечалось после прибытия дополнительных сил. Министр строительства П. А. Юдин предложил немедленно дать туда все нужные краны, транспорт и людей, сняв их с других участков стройки. И он был прав. Потому что холодный лист, именно тот лист, который был нужен для автомобилей, мог задержаться на полгода. Это стратегия и тактика строительства, и о ней нельзя забывать. Нередко готовый завод долго не может работать на полную мощность, так как не закончена хвостовая или какая-либо другая необходимая часть технологического процесса.

Павел Александрович Юдин, сам крупный строитель, Запорожьем занимался ежедневно и во всем помогал стройке. В его московском кабинете была схема цехов завода, по которой он следил за ходом монтажа. На запасном пути, возле цеха холодного проката, стоял вагон Юдина, а когда он стал прилетать на стройку каждые две недели, то мы поставили для него сборный деревянный домик. Многие годы потом, когда в нем уже была какая-то контора, ее так и искали по адресу: «в доме наркома».

С большим вниманием и заботой относился к восстановлению Запорожья И. Ф. Тевосян — министр черной металлургии. Крупнейший металлург, он при восстановлении заводов вместе с проектантами и заводскими специалистами искал новые решения, чтобы не только восстановить то, что было до войны, но и увеличить производство металла, поднять технический уровень предприятия. Прежде чем самому поехать на завод, он обычно посылал группу специалистов из министерства, которые предварительно изучали положение дел и подготавливали предложения. Приезжая на завод, он требовал и от строителей и от металлургов математически точных расчетов реальности установленных партией заданий строительства и пуска каждого цеха. Лучше с резервом, чем ошибиться, считал Иван Федорович. То, что решал или обещал сделать Тевосян, он выполнял всегда точно. Этого же он требовал и от других. Особое внимание министр уделял четкой организации управления заводом и стройкой, системе контроля производства, созданию промежуточных резервных складов сырья на металлургических заводах, исключающих случайности в работе.

Однажды, это уже было после пуска первой очереди завода, в Москве, Тевосян спросил: «А знаете ли Вы, как строят корабли?» — И он тут же позвонил министру судостроения с просьбой ознакомить меня с планированием строительства корабля. Три дня я изучал интересную и умную систему построения генерального графика, по которой в любой день и начальник цеха, и директор завода, и министр судостроения знают степень готовности корабля, где, какие и почему произошли отклонения от графика.

В 1949 году оставалась неподнятой одна доменная печь из четырех. Она была снесена до основания. Пуск этой печи не входил ни в план года, ни в пятилетний план. Партийная организация «Запорожстроя» обсудила возможности и приняла решение сделать эту печь сверх плана, как бы по потоку, после пуска третьей по счету плановой печи. Обком партии поддержал это решение, ЦК КП Украины одобрил инициативу запорожцев, согласился И. Ф. Тевосян, а П. А. Юдин не только согласился, но тут же дал команду делать металлоконструкции сверхплановой домны по чертежам предыдущей печи, только в зеркальном исполнении. Правительство приняло соответствующее решение.

И пошла работа. Фундамент доменной печи переделали, расширили, он был готов 1 октября. Печь построили на подготовленном фундаменте за три месяца и пустили под самый новый год. И после этого поехали, кто в чем был, не переодеваясь, поздравлять новорожденную новогоднюю домну. Председателем Комиссии по приемке этой печи был нынешний директор «Запорожстали» Л. Д. Юпко. Сообщили в Москву о новогоднем подарке. Это был рекордный срок строительства доменной печи объемом 1 300 кубометров.

Так была выполнена воля коммунистов «Запорожстроя». Несомненно, это явилось и результатом накопленного опыта, и организованности строителей и монтажников, и активной помощи министерств. Но бесспорно и то, что все это могло быть сделано только при той политической ответственности, глубокой партийной заинтересованности и принципиальности нескольких тысяч коммунистов и беспартийных, которые взяли обязательство сделать эту большую и важную работу сверх плана.

Была и еще одна особенность в строительстве этой домны — она велась по генеральному графику такого типа, по которым строят корабли. На значительную часть всех строительных и монтажных работ заранее были разработаны технологические карты и в соответствии с этим аккордные наряды. С одной стороны, был наш, привычный график. И был еще поэтапный комплексный график, рассчитанный, как и у кораблестроителей, с учетом необходимых на каждую операцию затрат труда.

С пуском четвертой доменной печи завод «Запорожсталь» не только достиг, но и значительно перекрыл свою довоенную мощность по чугуну, стали и прокату. И город Запорожье уже к тому времени был больше довоенного.

Для приемки завода была назначена правительственная комиссия во главе с академиком Бардиным. В первой пятилетке Иван Павлович Бардин был главным инженером строительства Кузнецкого металлургического завода в Сибири и провел это строительство блестяще. Это был интереснейший человек, талантливый металлург и строитель, прошедший большую и суровую школу жизни. Один из соратников легендарного металлурга Курако, он в царской России, уже будучи инженером, остался безработным и уехал искать работу в Америке. Инженеру дали «пост» чернорабочего на американском заводе. Но опыт не прошел даром: он не только изучил американскую металлургию, но и понял многие стороны американской жизни.

Я познакомился с Иваном Павловичем в 1932 году. В то время речь шла о применении сварки в строительстве некоторых цехов Кузнецкого металлургического завода. Американские консультанты возражали. Тогда им напомнили: у вас ведь варят такие конструкции, вот и ваша литература об этом. «Так то у нас, а то у вас, в России»,— ответили американцы. Вот тогда-то Иван Павлович и разрешил варить. И все прошло как нельзя лучше. Сейчас это покажется смешным, но тогда мартеновцы в сварном здании газогенераторной станции потребовали от нас на всякий случай, кроме сварки, приклепать бункера, «чтобы не упали».

Академика Бардина видели и знали на всех металлургических заводах страны. Много лет спустя я был поражен еще одной встречей: в жаркое лето, которое и молодые с трудом выдерживают, он приехал в Индию на металлургический завод в Бхилаи и два дня ходил по стройке. Жадный до живого дела, до строительной жизни был это человек.

Вспоминается и еще один случай. Правительственная комиссия принимала какой-то цех «Запорожстали». Все, кажется, было в порядке. И вдруг Бардин отказывается подписать акт: где-то увидел, что люк на колодец не поставлен, и дорога вокруг испорчена. «Знаю я вас, строителей,— сказал Иван Павлович,— так и бросите. В крупном бы поверил, а это исправьте сейчас». В другой раз дело было посерьезнее. Насосная станция была построена по проекту, но Бардин заявил, что резервных насосов мало, что так работать опасно, на этом экономить нельзя. Насколько он оказался прав, мы убедились, когда однажды вышло из строя электроснабжение и почему-то не сработали автоматически гидронасосы. Хотя в тот раз все и обошлось без аварии, так как вскоре включили электроэнергию, но с тех пор мы насосы ставили с большим резервом.

Правительственная комиссия приняла завод с отличной оценкой, а в акте приемки по предложению Бардина записано: «Строителями и монтажниками произведена здесь такая огромная работа, которая не имеет себе равных ни по объему, ни по решению технических задач».

Много в жизни у каждого из нас было волнующих событий, но навсегда запомнился тот час задувки первой доменной печи и пуска теплоэлектростанции в июне 1947 года, когда мы переделовали не только не успевшего за делами побриться обермастера Горбулева, но и всех горновых.

Навсегда запомнилась та августовская ночь, когда ожил километровый цех проката горячего листа и по сотням рольгангов буквально «промчались» первые стальные многометровые ленты листового металла.

Запомнилась и передвижная трибуна, которая подвозилась к очередному пусковому цеху. Все они, эти цехи,— все до единого, были пущены в точно установленные решением правительства сроки. Справедливость требует сказать, что металлурги хорошо подготовились к пуску завода и все цехи и станы начали работать сразу, без раскачки, словно заводской коллектив прервал свою работу не на шесть лет, а на один выходной день.

Прошло много лет, но, как сегодня, встает перед глазами сентябрьский день 1947 года, митинг в цехе холодного проката листа, митинг, на котором выступили Л. И. Брежнев и министр П. А. Юдин, рабочие и руководители стройки и завода. Собралось людей тысяч 20—25. В цехе, на колоннах, на кранах и на подкрановых путях, троллеи которых пришлось обесточить, сидели строители и металлурги, те, кто поднял этот завод из развалин. Перед трибуной стоял первый железнодорожный эшелон стального листа, который отправлялся Московскому автомобильному заводу.

Участники митинга с воодушевлением докладывали в Москву, в Кремль, о том, что они с честью выполнили решение Правительства о восстановлении и вводе в действие первой очереди завода «Запорожсталь», обеспечивающей выпуск холоднокатаного тонкого листа...

А вскоре из Москвы, из Кремля, пришла ответная приветственная телеграмма. В ней говорилось:

«Советский народ высоко оценит самоотверженный труд рабочих, инженеров и техников, успешно справившихся с восстановлением первой очереди завода «Запорожсталь»...

...Партия и Правительство уверены, что коллектив строителей, монтажников, металлургов «Запорожстали», обогащенный опытом проведенных работ, приложит все усилия к тому, чтобы в кратчайший срок восстановить полностью завод «Запорожсталь».

* * *

Что можно еще добавить к сказанному?

Все, кто трудился на восстановлении Запорожья, навсегда запомнят то время и людей, которых сплотила партия на этом важном участке, и ту большую работу, в которой, очевидно, были и промахи и недостатки, запомнят тот опыт, который во многом полезен и сейчас, конечно, не с точки зрения его механического повторения. Ныне иные условия жизни, другая техника, другие масштабы и возможности у страны. Но именно опыт скоростного строительства в пору первых пятилеток, в годы войны, в период послевоенного восстановления, сегодняшний замечательный опыт сооружения крупнейших предприятий во всех отраслях народного хозяйства, таких, как горно-обогатительные комбинаты и конверторные цехи в Кривом Роге, Братская и Красноярская ГЭС, как многие заводы минеральных удобрений, построенные в прошлом, 1969 году, свидетельствует о том, что советские строители могут строить быстро и хорошо.

В нынешнем году наша страна осуществляет огромную строительную программу. Мы в преддверии новой пятилетки с ее еще более грандиозными планами, мы идем навстречу XXIV съезду КПСС.

Сейчас можно и нужно сделать так, чтобы строительство всех без исключения объектов велось только в короткие сроки и не превышало установленных нормативов. Для этого у нас есть необходимые условия, и именно об этом свидетельствует опыт.

Вспоминая о прошлом и думая о будущем, каждый из нас убежден, что нет таких задач, которые не могли бы решить советские люди в многонациональной и дружной семье народов, во главе которых идет партия коммунистов.

Copyrighted material

ГАСТРОЛИ ЗАВЕРШЕНЫ

Ушло лето. А вместе с ним закончился гастрольный сезон. Театральные труппы, успевшие за время поездок по стране завоевать сердца новых зрителей, возвращаются на родные сцены.

Впереди — работа над задуманными спектаклями, ролями... Ее результатов будут ждать с нетерпением не только земляки, но и публика, надеющаяся и впредь на встречи с полюбившимися театрами уже в будущем году...

ПОСЛАНЦЫ КУБАНИ

Что можно считать определяющим в жизни театра? Сотни ярких премьер. Блистательные актерские удачи. Своеобразные режиссерские находки... А может быть, главное — ежедневный, кропотливый творческий труд всей труппы, когда каждый сегодняшний успех — лишь фундамент для завтрашних находок... Ведь только в этом случае режиссеры, художники, актеры — обязательно все вместе — становятся ТЕАТРОМ.

Именно такой театр прислала на гастроли в Москву Кубань.

Гражданская позиция театра определяет его тематику. Патриотизм советского человека, героическая романтика прошлых и настоящих свершений пришли на сцену с героями пьес «Незабываемые годы» по трилогии Н. Погодина, «Человек и глобус» В. Лаврентьева...

Играющий в обоих спектаклях Н. Провоторов придает им масштабность, глубину. Его Ленин — не статичен, беспокоен,— вместе с народом он ищет, творит... А ученый Бармин, наш современник, полон философского раздумья, делающего постановку лаврентьевской пьесы явлением весьма незаурядным...

Интересны и «Плавни» Т. Чеботаревской по роману Б. Крамаренко с А. Горгулем в роли красного казака Семенного.

А вот классика — горьковская «Васса Железнова».

Главную роль в этом спектакле играет Е. Афанасьева. Общество, в котором живет ее героиня, диктует свои законы: чтобы не быть жертвой, надо стать палачом.

— Когда я играю Вассу,— рассказывает Елена Михайловна,— меня не оставляет ощущение, что погибла прекрасная, талантливая личность. Мне хотелось выявить именно эту светлую сторону души Вассы — материнское чувство, широту натуры в сочетании с трезвым взглядом на жизнь.

Васса еще молода, ей всего сорок два года, а мудрость ее, если хотите, какая-то старческая. Но ведь даже в том, как она страдает, проявляется талантливость, незаурядность. А это очень важно.

Главное, на мой взгляд,— продолжает Е. Афанасьева,— понять истоки внутреннего становления каждой большой натуры. Думая о Вассе, я вспоминала деревенских русских баб: сколько в них природной мудрости, силы, красоты. И моя Васса такая. Жить бы ей в другое время, сколько бы хорошего она могла сделать для людей!

Рассказывая о работе над ролью, актриса с искренней признательностью говорит о постановщике спектакля, главном режиссере театра, народном артисте РСФСР М. А. Куликовском, отмечает его тонкий художественный вкус и такт, умение помочь исполнителю понять и найти себя в роли.

...Гастроли для актера — это не только серьезный экзамен, не только подведение итогов. Это и новые встречи, новые впечатления. Это работа, расширяющая творческие горизонты. Работа, которая никогда не кончается.

В. ПОЛИКАРПОВА

На снимке: Васса — Е. Афанасьева, Железнов — С. Михалев.
Фото Р. Стратиевской.

КУЙБЫШЕВЦЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

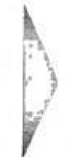
Глубочайшие внутренние противоборства, острота и сила желаний, запретов, устремлений и ограничений — вот эти-то незримые схватки, свершающиеся в человеческой душе, как говорится, за семью замками, актер обязан донести до зрительного зала, не разрушив при этом самый образ, не расплескав чувств, ни на йоту не преувеличив и не преуменьшив внешнее выражение страстей, кипящих в душе героя...

Интереснейшую творческую эту задачу с поразительным искусством выполняют актеры Куйбышевского театра драмы имени А. М. Горького, гастролировавшего в Ленинграде. Затаив дыхание, следишь за актрисами В. Ершовой и Л. Грязновой — Фтататитой и Клеопатрой в спектакле «Цезарь и Клеопатра» Шоу, поставленном главным режиссером театра П. Монастырским.

Шестнадцатилетняя Клеопатра — ведь уже в самом начале спектакля, в первом действии, когда Юлий Цезарь ночью у подножия Сфинкса встречает ее, совсем еще юную девушку, скорее даже девочку с наивной детской челкой, босую, легкую и игривую, как котенок,— она ведь уже и тут таит в себе свою будущую, беспощадную к людям Клеопатру... Она и тут, в беседе с Цезарем, еще не зная, кто он есть, не раз пообещает своей няньке самую жестокую смерть, самую изощренную пытку... Но разве Грязнова — Клеопатра, уже став величественной, умудренной в борьбе царицей, по-своему не привязана к зловещей старухе, хотя, может быть, теперь уже не боится ее?..

На протяжении всего спектакля обе актрисы разыгрывают удивительный дуэт, в котором сначала главенствует грозная, мрачная в своем черном, глухом одеянии, сгорбленная Фтататита; Клеопатра же, кажется совсем маленькая, худенькая, дрожащая, подчиняется старухе. Вот она в ужасе спряталась от разгневанной няньки под трон; видны только испуганные глаза да черные косички... В финале же окровавленная Фтататита рухнет мертвая к ногам своей царицы... По приказу Клеопатры Фтататита убивала — всегда убивала тех, кто был неугоден царице; теперь в отместку Клеопатре старуха убита Руфием — офицером Юлия Цезаря...

В последний раз мы видим Клеопатру, высокую, медлительную, прекрасную,— царицу с головы до

Copyrighted material

ног,— всю в черном... Это траур по Фтататите... Но горюет ли царица о старой няньке? Или, может быть, в ее сердце лишь неотмщенная злоба к Руфию?.. Или печаль, которую Клеопатра хочет скрыть при расставании с Юлием Цезарем?.. Его иронично, интересно и содержательно играет А. Гутман.

Еще более прекрасны созданные театром образы положительные. И внутренняя сила человека становится словно еще значительнее, когда театр раскрывает душу героя современника. В этом смысле, может быть, не имеет себе равных актерская работа В. Ершовой, играющей Толгонай в «Материнском поле» Ч. Айтматова.

Постановщик спектакля П. Монастырский сообщает этой своей постановке поистине народный характер, черты эпоса. Сценическое бытие героини становится гораздо шире ее собственной судьбы: оно, как море, вбирает в себя множество судеб. Рядом с Толгонай, такой человечной и мудрой у В. Ершовой, видишь множество других светлых и добрых, тянущихся ей навстречу людей. И прежде всего это Суванкул Н. Кузьмина и Алиман С. Боголюбовой.

Суванкул знает, что никто другой, а именно Толгонай должна будет дома заменить всех ушедших, да еще и другим в колхозе помочь, чтобы давала хлеб фронту, кормила людей родная земля... Кузьмин — Суванкул и говорит с женой лишь о земле да хлебе... Говорит вроде бы совсем просто, буднично, не позволяя ни себе, ни жене дрогнуть в страшную минуту расставания... Никакого надрыва нет в игре актеров, только слезы неудержимо бегут по лицу Ершовой — Толгонай... И в зале тоже плачут...

На этом спектакле не раз еще сожмется сердце болью, особенно когда умрет от родов Алиман, такая ясная, открытая у актрисы С. Боголюбовой... Алиман была для Толгонай не просто невесткой, а словно дочерью родной. Теперь и ее не стало.

Но вот подрастает сын Алиман. Совсем еще мальчиком идет он в поле — помогать комбайнерам. И снова принимает Толгонай в свои натруженные руки хлеб первого урожая. Принимает, чтобы порадоваться ему и благословить его. Снова звенит над нею жаворонок в небе. Продолжается жизнь, продолжается труд. И сама земля, само Материнское Поле низко кланяется Человеку, сильному, как жизнь...

Н. ТОЛЧЕНОВА

На снимках: 1. Светлана Боголюбова в роли Алиман. 2. Людмила Грязнова — Клеопатра.
Фото О. Бахарева.

НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ

Шумит, волнуется за окном разбушевавшееся людское море, а в небольшой деревенской комнатенке всего лишь горстка людей. Это коммунисты, советские работники. У них есть оружие, но как стрелять по своим — по мужикам, сбитым с толку кулацкой пропагандой?.. И когда бывший председатель сельсовета Яшка Чухляв, пышащий ненавистью к новому колхозному укладу, предлагает коммунистам отдать оружие, а он-де берется угомонить взбунтовавшихся мужиков, коммунисты не видят иного выхода. А Яшке только того и надо было... Первым врывается он в избу, за ним другие... И вот уже пролилась кровь защитников Советской власти, а стены избы охватило пламя...

В спектакле «Бруски» Волгоградского театра драмы имени А. М. Горького, поставленном А. Михайловым и показанном на гастролях в Киеве, сцена крестьянского восстания, спровоцированного кулаками в селе Полдомасово,— одна из сильнейших, самых впечатляющих.

Впервые в драматическом театре нашел свое воплощение одноименный роман Ф. Панферова, написанный три с половиной десятилетия назад. Автор инсценировки — волгоградский писатель А. Шейнин.

Центральное место в спектакле занимает образ сельского коммуниста, председателя колхоза Кирилла Ждаркина. Все его помыслы связаны со становлением колхоза, с хлебом, который необходим стране. Исполнитель роли К. Синицин подчеркивает в своем герое огромное нравственное здоровье, глубочайшую убежденность в необходимости и неизбежности социалистического обновления деревни.

Все в этом человеке крупно, крепко, ладно. Тверд и широк его шаг, уверен жест, прям и открыт взгляд... Завидное обаяние, которым наделяет актер своего героя,— это прежде всего обаяние мысли, обаяние острой и напряженной воли. Герой Синицина многогранен. С плохо скрываемым юмором относится он к жене Уле с ее бесстыдством, чувственной назойливостью. Он полон нежности к поэтичной и гордой Стеше, давно им любимой и чуть было не потерянной безвозвратно...

Есть в Стеше, какой ее рисует М. Кириленко, подлинная чистота, чувство человеческого достоинства, жажда настоящей любви. Не любовных утех и мимолетных радостей, а именно любви — настоящей, верной... И есть в ней еще такое качество, как деловитость. Деловитость во всем — и в том, как она хозяйничает, управляется по дому; и в том, как внимательно слушает речи мужиков, выступающих на собрании артели; и в том, как, возглавив в колхозе одну из ферм, ищет помощи и поддержки в своих начинаниях у Ждаркина... На наших глазах углубляется Стешин характер, растет масштаб ее личности.

В этом смысле Стеша в спектакле не одинока. Характеры мужают и крепнут на наших глазах; усиливается приверженность героев к новой, колхозной жизни.

Спектакль, повествующий о годах сравнительно уже далеких, воспринимается очень современно; ни в одной сцене театр не перекидывает никаких видимых мостков в нынешний день, но мысль о непрерывности и единстве жизни общества, о крепчайшей связи времен рождается на спектакле естественно и закономерно.

Раскрывая мужество и самоотверженность людей, стоявших у истоков колхозного строя, театр учит и воспитывает нас, людей сегодняшних, силой героического примера.

Юр. ЗУБКОВ

На снимке: сцена из спектакля «Бруски».
Фото И. Шлугер.

КИЕВСКИЕ НАХОДКИ

Киевский театр оперетты выделяется среди других музыкальных театров страны «лица необщим выраженьем», хотя репертуар его не так уж оригинален. У киевлян — как и в Одессе, Ленинграде, Свердловске, Москве — мы можем увидеть спектакли: «Требуется героиня» В. Баснера, «Девчонке было 20» А. Эшпая, «Целуй меня, Кэт» К. Портера, «Сильва» И. Кальмана, «Веселая вдова» Ф. Легара...

«Необщее» у киевлян — атмосфера праздничности спектаклей, их веселость, жизнерадостность — начинается, наверное, с великолепного художественного оформления. По выдумке, декорациям, краскам, костюмам ни одна постановка не похожа на другую. Главный художник театра М. Виноградов заставляет удивляться легкости и прозрачности оформления «Летучей мыши», простоте и оригинальности «Веселой вдовы», да и все другие спектакли радуют зрителя.

Благороднейшие принцы и герцоги, мисс и леди — сколько раз видели мы их на сцене,— традиционно чопорных, натянутых... Киевский театр не отказывается от этих «героев», но мы встретим в спектаклях и участников Отечественной войны, и наших современников, и гоголевских Хиврю и Черевика...

Так уж повелось, что у актера не бывает двух одинаковых спектаклей: сегодня он играет великолепно, завтра — хуже. Но если на сцене занят Дмитрий Шевцов, вы, не отрываясь, будете следить за каждым его шагом. Артист перевоплощается не только из вечера в вечер: даже в одном спектакле Шевцов порой играет несколько ролей; это острохарактерный актер, со вкусом, чувством меры и юмора; его Солопий Черевик в «Сорочинской» надолго запоминается.

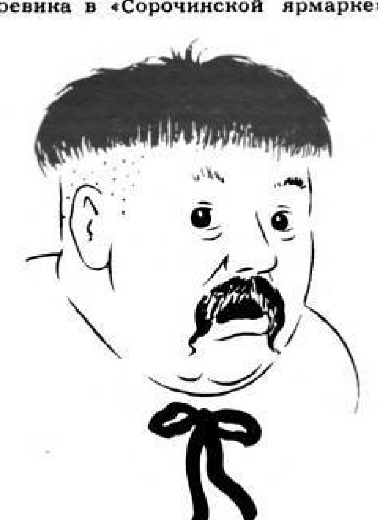
Поражаешься темпераменту народной артистки УССР Веры Петровны Новинской. Образы, созданные ею, филигранно отточены и в то же время гротескны; актриса создает незабываемые характеры. До чего же типична для украинского села в прошлом ее Харитина — дородная, властная бой-баба. В «Летучей мыши» Новинская играет банкиршу Амалию, в «Сильве» — она княгиня Юлиана Воляпюк, бывшая певица варьете...

А вот Эдуард Зализняк. Кажется, сама природа предназначила его для исполнения комических ролей: он на удивление пластичен, как ни шагнет — все смешно! Заметен он даже в самой крохотной роли. Вот он конферансье в притоне белых — воплощенное подобострастие; он же — старик в адвокатской тоге, очках и белом кудрявом паричке; а вот он — смешной, подвижный — в розовой пижамке с голубыми бантами у колен и запястий...

Радует находками актриса Тамара Тимошко, выпускница театральной студии, когда-то начинавшая на выходных ролях. Сегодня она создает образы продуманные, выверенные, острые — какими бы разными они ни были...

Г. СМЕТАНИНА

Дм. Шевцов в роли Солопия Черевика в «Сорочинской ярмарке».

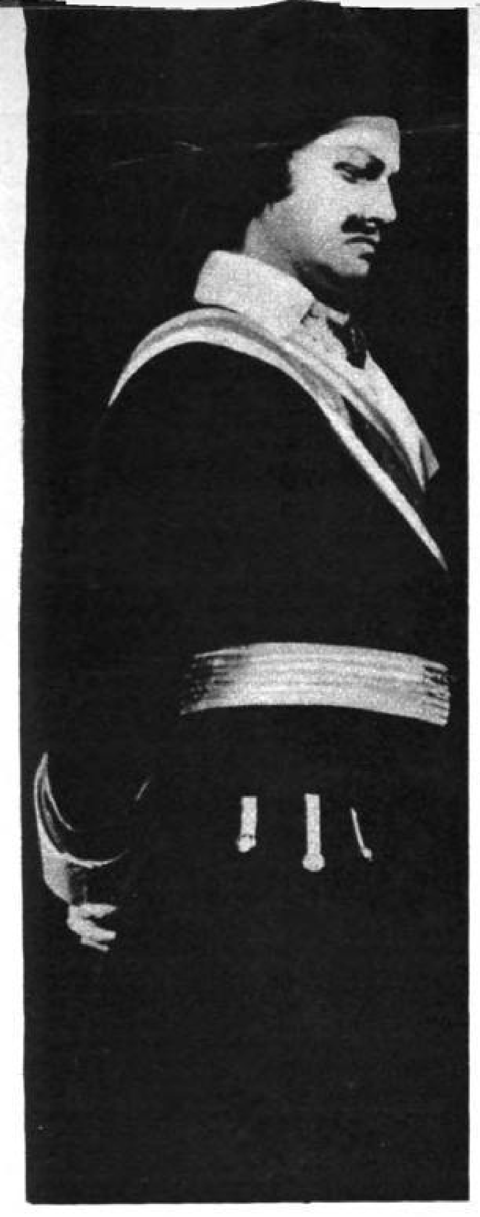
Л. Запорожцева — Кэт («Целуй меня, Кэт»).

В. Новинская в роли Гапуси. Спектакль «Свадьба в Малиновке».

Рисунки народного артиста УССР Д. Шевцова.

Copyrighted material

ОПЕРЕТТА СВЕРДЛОВЧАН

Свердловчане всегда привозят на гастроли что-то новое, необычное, надолго запоминающееся... Особенно интересным был в свое время спектакль «Табачный капитан» — впервые в истории жанра оперетты он получил Государственную премию. Осталось это название и в нынешнем гастрольном репертуаре. И хотя спектакль теперь мало похож на своего знаменитого предшественника, однако, заново поставленный, он, не потеряв своего прежнего блеска, приобрел еще и своеобразную историческую значительность, законченность драматургических образов. Это уже не просто увлекательное зрелище — что, разумеется, вовсе не возбраняется оперетте,— а широкое музыкально-драматическое полотно о петровском времени.

Почти все произведения, обозначенные в репертуаре, получили сценическое рождение именно на сцене свердловчан. Здесь «Черная береза» А. Новикова, где театр своеобразно решает героическую, партизанскую тему в жанре музыкальной комедии и где видишь прекрасные актерские работы А. Маренича, Э. Жердера, А. Виноградова, М. Викс...

Здесь и «Требуется героиня» В. Баснера с ее темой бескомпромиссности, всепобеждающей силы любви, которая переплетается с темой высокого трудового энтузиазма.

Поиском нового явилась для театра работа над опереттой «Разбойники» Ж. Оффенбаха, кстати сказать, вовсе незаслуженно забытой нашими музыкальными театрами. Так остро и весело звучат в исполнении свердловчан сатирические оффенбаховские речитативы, что зрители начинают аплодировать. С подлинно опереточным мастерством исполняет роль атамана артист В. Барынин.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: В. Барынин в роли Петра I в спектакле «Табачный капитан».

Фото А. Вертика.

НАРОДНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

На сцене — опера С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Одесский государственный академический театр оперы и балета впервые гастролировал в Москве.

Как-то прозвучит на огромной сцене Дворца съездов украинская классика? Ведь каждый солирующий герой должен уже в самом начале действия привлечь к себе внимание зрителей, заинтересовать их... Надо сказать, что у одесских артистов это получилось. Нелли Мельник в роли Оксаны, Р. Сергиенко — Одарка, А. Рихтер — Иван Карась поют выразительно; у них сильные и красивые голоса.

...Выпил хитрый Иван Карась чарку с друзьями-запорожцами и теперь побаивается своей бойкой жены Одарки. Мягкий, жизнелюбивый юмор пронизывает сцену. Замечательно поют и играют актеры. Будто где-то в жизни подсмотрела Р. Сергиенко свою героиню, услыхала ее громогласные жалобы на свою женскую долю... Да и все остальные образы, созданные в «Запорожце», радуют жизненной правдой типических народных характеров.

Т. ЛОТИС

На снимке: сцена Одарки и Карася.

Фото В. Артюкевича.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ

РОМАН

Николай АСАНОВ, Юрий СТУРИТИС

Рисунки В. ВЭТРА.

7

Утром вся группа во главе с Большим Джоном выехала в Гамбург. Предстояло проехать километров триста. В Бюндене для связи остался Малый Джон.

От огромного Гамбурга после войны осталась только половина города. Развалины уже убрали, но новых строек было мало. «Великое боннское чудо» еще не распростерло свои черные крылья над этим городом. Однако после уравновешенного и спокойного Лондона Гамбург показался Лидумсу суетливым, хаотичным и шумным.

Машины пересекли весь город с запада на восток и остановились на окраине у большого трехэтажного особняка на Эльбасштрассе, 23, на самом берегу Эльбы.

Особняк был пустынен. Большие комнаты, залы, паркет, резная деревянная мебель, обитая замшей,— все отдавало запустением, казалось, что и тут, как и в Бюндене, ни к чему не прикасалась рука хозяина.

Джонни и Кэрола и здесь держали себя как владельцы. Но их ничего не занимало, кроме обеда и вина. Они предоставили членам группы самим выбрать себе комнаты, и этим ограничилась их забота о «гостях».

Группа находилась на трамплине, изготовившись для прыжка через Балтику. Все зависело от погоды. Большой Джон тут же пригласил Лидумса поехать с ним за метеосводками и радиоприказами. Теперь в дело вступал Хельмут Клозе. Его катер был связан по радио и с Гамбургом и с Лондоном. Радиосвязь осуществлялась из английского радиоцентра, находившегося в пяти километрах от Гамбурга, в районе Фолькштейна, на берегу Эльбы.

В один из дней тоскливого ожидания на Эльбас-штрассе, 23, появился Малый Джон. Он объявил, что погода на Балтике налаживается, и потому поторопился, чтобы успеть проводить Лидумса.

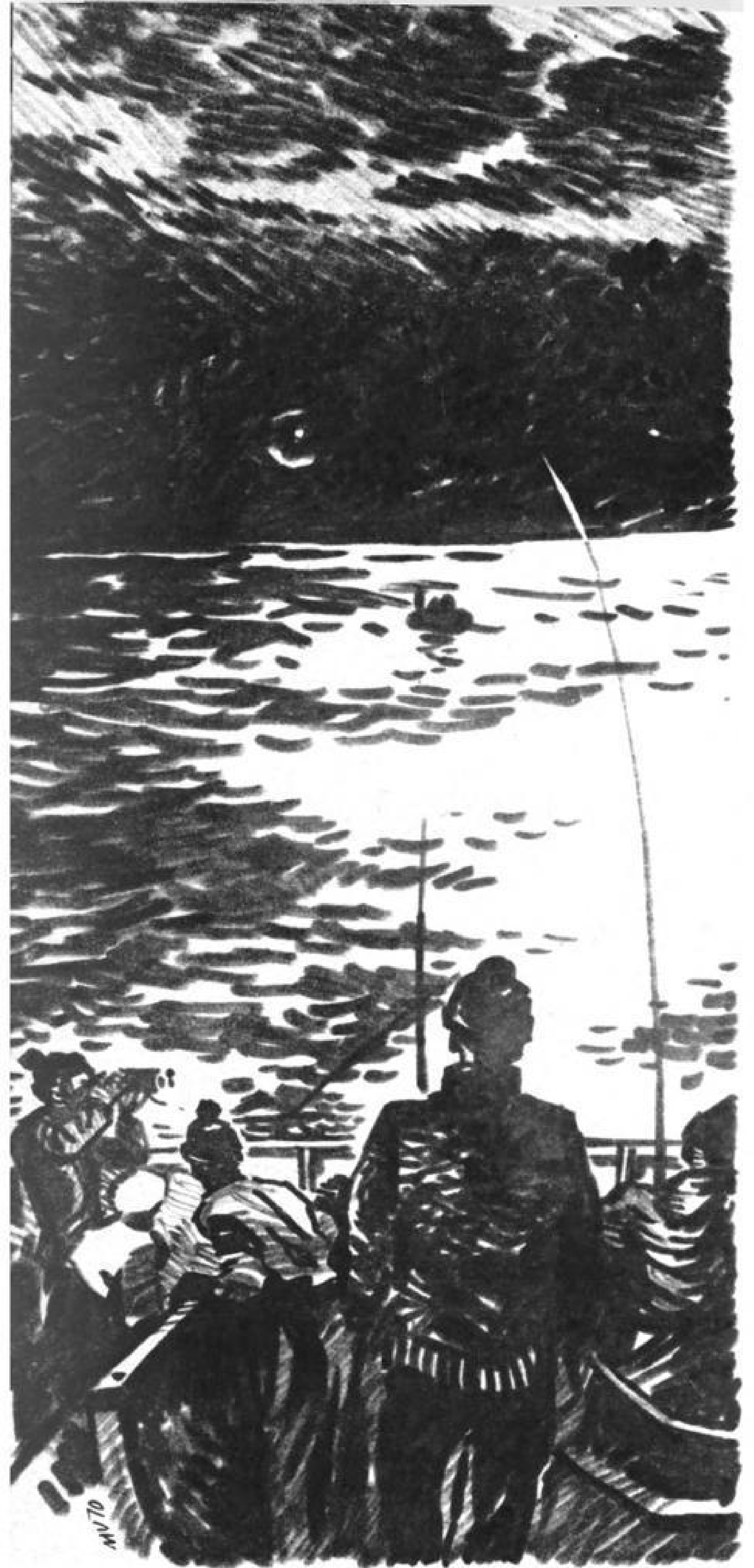
Малый Джон пригласил Лидумса и его спутников посетить кафедральный костел в Гамбурге и помолиться о благополучном возвращении на родину. Вместе с ними в костел отправились Ребане и Жакявичус. Биль и Альвирас сослались на то, что они протестанты, и пошли в другой храм.

По дороге в костел и на обратном пути Малый Джон много рассказывал о своих встречах с латышскими иезуитами. Интерес к иезуитам Малый Джон объяснил тем, что его мать является настоятельницей монастыря «Девы Марии» в Англии, который принадлежит «святому ордену».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34, 35.

Copyrighted material

Прощаясь с Лидумсом, Малый Джон еще раз торжественно произнес:

— Идите и боритесь за церковь и свободу! В моей борьбе церковь всегда была на первом месте!

Лидумс не преминул передать Малому Джону просьбу, чтобы мать-настоятельница усердно помолилась за участников группы Будриса.

— Она уже делает это! — клятвенно заверил своего друга Малый Джон.

В Гамбурге было много других разведчиков. Один из крупных специалистов радиодела, англичанин Боот, пригласил Лидумса в радиоцентр и показал помещение, откуда он во время очередной «операции» ведет связь с катером Хельмута Клозе.

— И поверьте, у меня никогда не было ни срывов, ни потери радиосвязи!

— Если вы позволите мне воспользоваться вашим фотоаппаратом, то я сфотографирую вас,— сказал Лидумс.— После освобождения Латвии я помещу вашу фотографию в учебнике истории!

После того, как Боот был снят с «исторической» рацией, он сообщил, что на этот раз будет сопровождать Лидумса и его катер «Люрсен-С» на другом таком же быстроходном судне, чтобы в случае обнаружения катера Клозе советскими пограничниками прикрыть его отступление. Второй катер управляется англичанами, но все они носят тоже немецкую форму...

— Нам нет смысла ссориться с русскими! Пусть этим занимаются немцы! — пояснил он.

Боот с удовольствием рассказывал, как во время второй мировой войны принимал участие в вылавливании немецких шпионов, работая на радиопеленгационной станции «Ди-Фи».

— А теперь сотрудничаете с ними! — поддразнил его Лидумс.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул Боот.— Я преподавал радиодело в десяти или одинадцати шпионских школах на территории Англии и ФРГ. Среди учеников были и немцы. И я совсем не уверен, что они пришли в наши школы для того, чтобы работать на нас. Очень может быть, что их перекупали потом ами...

Дни проходили за днями.

От нечего делать посетили Ханзасский театр и Гамбургский оперный. Иногда вечерами играли в карты. Картежная игра чуть не вызвала ссору между Ребане и Лидумсом. Лидумс выиграл у Ребане крупную сумму. Тот продолжал играть уже в долг. Лидумс намекнул, что в долг играть неприлично. Ребане возмутился, но сходил за деньгами, швырнув проигрыш на стол, заявил, что играть больше не будет.

С Лидумсом он не разговаривал целые сутки. А на следующий вечер тихонько попросил денег для поездки в город. Когда Лидумс дал ему, не считая, несколько крупных купюр, отношения наладились.

Но вот приехал наконец чрезвычайно важный гость — вице-адмирал английского флота. Сначала он побеседовал с англичанами — офицерами разведки, затем пригласил Лидумса.

Это был человек выше среднего роста, лет пятидесяти, с веснушчатым лицом. Он говорил по-русски и по-немецки, но и на том и на другом языке с акцентом.

Адмирал сказал Лидумсу, что понимает, как нервничают участники группы, но они должны знать, что английское адмиралтейство отвечает за успех операции. Он пробыл недолго и, прощаясь, сказал, что едет в Киль, где будет лично следить за отправкой десанта.

На следующий день приехал еще более высокий гость: адмирал английского королевского флота, который отвечал за всю операцию. Сначала он пригласил к себе Малого Джона и Лидумса, потом, после короткого знакомства, вызвал по телефону Ребане и Силайса, побеседовал и с ними, а уже позже пригласил к себе всех участников группы Лидумса.

Он сообщил, что лично подготовил и подписал приказ о десанте, что уже побывал в Киле и что катер после ремонта находится в отличном состоянии.

Малый Джон шепнул Лидумсу, чтобы тот поблагодарил адмирала от имени участников группы на родном языке. Силайс поощрительно улыбнулся и предупредил адмирала, что руководитель группы желает сказать спич. Лидумс медленно заговорил:

— Господин адмирал, разрешите мне от имени всех участников предстоящего десанта поблагодарить вас за вашу любезность и внимание. Ваша забота прибавляет нам силы и позволит еще лучше работать на родине, чтобы оправдать не словами, а делами то высокое доверие, которое оказано нам группой Будриса. Сердечное спасибо за все!

Силайс по фразам перевел речь Лидумса, Малый Джон разлил по бокалам шампанское.

На следующий день Лидумс получил от адмирала письмо из Киля, в котором адмирал с восторгом заявлял, что его радует бодрый дух участников десанта, и выражал надежду, что они еще встретятся, как братья по оружию.

8.

В тот день, когда пришло письмо от адмирала, в пятнадцать ноль-ноль Большому Джону сообщили, что вся группа должна выехать из Гамбурга в девятнадцать тридцать, погода на Балтике благоприятна для десанта.

Засуетились все. Малый Джон выдавал каждому отдельно личные вещи, коды, карты, деньги, до этого хранившиеся у него в комнате в сейфе.

Когда все вещи были упакованы в чемоданы и мешки, Силайс произвел так называемый «полицейский» осмотр всего, что было надето или находилось при шпионах. «Это мы делаем для вашей же безопасности!» — заявил он. Ему помогал Малый Джон.

Осмотр был чрезвычайно тщательным: все лишнее немедленно изымалось. Изъят был и тренировочный американский костюм Биля, к полному удовольствию его друга Альвираса. Но, подойдя к вещам Лидумса, Малый Джон сказал, что тут осмотр не нужен: хозяин этих вещей сам знает, что можно, а чего нельзя везти в Латвию.

В час отъезда Лидумс получил свой паспорт, который проделал длинный путь по канцеляриям тайной английской службы и наконец-то вернулся к владельцу.

Попрощавшись со всеми провожавшими, с Ребане и Жакявичусом, с Джонни и Кэролой, с Большим Джоном, участники десанта в сопровождении Малого Джона тронулись в путь в сторону Киля. По пути машина несколько раз останавливалась: англичанин, ведший ее, объяснил, что они не могут приехать ни на минуту раньше или позже. В Киле простояли пятнадцать минут в каком-то тихом переулке.

Выехали к Эльбе. Машина въехала в неосвещенный сад. Шофер заранее предупредил, что действовать надо быстро и без разговоров.

В саду к участникам группы, высаживавшимся из машины, подошли два англичанина, один лет сорока, второй — молодой. Эти двое помогли вытащить вещи и перенести по узкой тропинке на берег реки. Там, в весельной шлюпке, их уже ожидали два члена команды катера «Люрсен-С», стоявшего на середине реки. Молча усадив людей и уложив вещи, матросы погнали лодку к катеру.

Когда группа была уже на катере, вице-адмирал представил их капитану Хельмуту Клозе. Капитан приветливо встретил Лидумса.

Малый Джон вручил каждому из участников десанта по две ампулы с ядом и огнестрельное оружие. Вице-адмирал сказал напутственное слово.

Малый Джон и вице-адмирал покинули катер. Как только отвалила их лодка, на катере заработали моторы. Хельмут Клозе приказал поднять английский флаг.

На следующее утро Лидумс, проснувшись, поднялся на мостик, Клозе, по-видимому, еще не ложился. Кругом было только море, катер быстро шел вперед. Капитан передал штурвал помощнику и пригласил всех участников группы позавтракать. Он предупредил, что около десяти часов утра по среднеевропейскому времени катер ста-

Copyrighted material

нет на стоянку возле датского острова Борнхольм, а пока десантникам следовало опробовать оружие.

После плотного завтрака все поднялись на палубу: стреляли по брошенным в волны консервным банкам, еще раз почистили и смазали оружие.

На горизонте показался силуэт судна, и Клозе приказал заменить английский флаг шведским. Судно оказалось крупным шведским катером. Несколько позже мимо них прошел огромный пассажирский теплоход, а затем показался голубоватый силуэт острова Борнхольм.

Вскоре примерно в одном километре от острова катер бросил якорь.

Операция должна была начаться вечером, и весь день участники оставались на борту. Лидумс приказал своим помощникам еще раз тщательно проверить упаковку шпионского снаряжения, оружия и всего прочего. А капитан Клозе устроил «учения» по владению резиновой лодкой «Динги» и по работе на радиомаяке, установленном на ней.

Перед обедом, когда все участники группы находились на палубе, над катером пролетел самолет. Он выключил на несколько секунд мотор и помахал крыльями. Сделав круг, самолет удалился на запад. Лидумс спросил, чей это самолет, Клозе ответил кратко: «Наши друзья!»

К вечеру капитан получил радиограмму, что операция откладывается на сутки: на Балтике штормовая погода. Клозе сообщил об этом Лидумсу и предложил провести еще одно «учение» — на этот раз по высадке десанта. Участники группы с наивозможнейшей быстротой уложили в шлюпку свои вещи, попрыгали в нее вслед за гребцами, и лодка пошла в сторону моря. Во время этих учений Клозе обращал особое внимание на быстроту и очередность посадки участников десанта: он объяснил, что радары русских на берегах Курляндии — весьма опасное оружие и что он не может рисковать катером при задержке погрузки и выгрузки десантников...

На другой день утром Клозе разрешили прорываться к берегам Латвии. Снялись с якоря в девять утра по среднеевропейскому времени и пошли в море со скоростью пятьдесят — шестьдесят километров в час. Шли под английским флагом. Ветер то усиливался, то стихал. Но, когда прошли часа три в северо-восточном направлении, море разбушевалось.

Клозе с сожалением сказал:

— Придется операцию отложить. Пока мы направимся в борнхольмскую гавань Рённе, чтобы взять горючего и переждать шторм...

В гавани Клозе приказал из каюты не выходить. А для полной маскировки выдал всем белые свитера и черные матросские брюки.

Отсиживаться в Рённе пришлось несколько дней: разрешения на выход в море англичане не давали. Сначала Клозе соблюдал все меры предосторожности, но в конце концов разрешил участникам группы выходить по вечерам в городок по одному в сопровождении кого-нибудь из членов команды. Сам он брал с собой Лидумса.

Разговоры Клозе становились все более доверительными. Он неоднократно напоминал, что латыши и немцы имеют давние исторические связи, тогда как англичане давно выпали из этого исторического родства. Он высказывал надежду, что в очень скором времени группа Будриса будет ориентироваться не на Англию, а на свою соседку Западную Германию.

— Но вы-то служите Англии,— сказал Лидумс.

— Если вы думаете, что все расходы по этой операции вместе с риском провала несут англичане,— с некоторой обидой, но и гордостью в то же время сказал Клозе,— то глубоко заблуждаетесь. Все это оплачиваем мы. Знает ли, например, ваш руководитель герр Будрис, что экипаж этого судна состоит исключительно из немцев?

— Признаться, я сам этого не представлял,— ответил Лидумс.

— Ну вот видите! Англичане все время пытаются въехать в рай на чужом горбу! Но, кажется, настает время, когда все эти попытки пойдут прахом...

— Вы имеете в виду перемену ориентировки? С англичан на американцев?

— Честно говоря, мы презираем одинаково и тех и других. Все это любители легкой наживы. Но мы сделали то, что хотели: сохранили наши кадры и теперь знаем, что совсем недалек день, когда знамя новой Германии взовьется над рейхстагом.

— Если бы я представлял себе это раньше, я бы все свое внимание отдал вам,— сказал Лидумс. Даже для него, искушенного в политике человека, откровения Клозе показались чудовищными!

— Хотелось бы знать, сколько денег получила группа Будриса от англичан? — спросил Клозе.

— К сожалению, я военный руководитель и не вмешиваюсь в чисто хозяйственные и политические дела группы,— ответил Лидумс.

На завтра Клозе праздновал день своего рождения. Это было девятого сентября.

Утром Лидумс преподнес ему вместе с письменным поздравлением часы. Клозе был очень растроган этим подарком.

Лидумс поинтересовался, не кажется ли датским властям Борнхольма подозрительным, что его катер пребывает в датских водах уже несколько дней?

— А, все они одним миром мазаны — НАТО. Хотя датская секретная служба ничего не знает, но они понимают, что я нахожусь здесь по заданию английской секретной службы,— небрежно ответил он.

Прошел еще один тягостный день, и одиннадцатого сентября Клозе приказал сниматься с якоря. На Балтике наступило улучшение погоды.

Катер пошел к восточному побережью острова Готланд.

9.

Около двух часов дня Клозе сообщил Лидумсу, что из Лондона только что получено согласие на проведение операции, а радист Будриса передал, что обстановка на побережье в Курляндии спокойна. Еще через два часа катер достиг острова Готланд. Здесь он остановился.

Все участники группы спустились в каюту. Были слышны команды Клозе. Капитан катера распорядился приготовить к действию автоматы и дымовые ракеты, установить на мачте радарную антенну, а впереди, по носу судна,— два радиоаппарата для приема сигналов радиомаяка с берега. Спасательную шлюпку, находившуюся на палубе, снабдили запасом воды и продуктов.

Сгустились сумерки, и Клозе приказал: на палубе не курить и громко не разговаривать. Лидумс, вышедший на палубу, увидел, как капитан погрозил в сторону востока кулаком, а затем отдал приказ включить моторы. В это время катер так резко свернул с курса на юг, что Лидумс едва удержался на ногах. Впрочем, движение скоро выровнялось, а сбежавший по трапу матрос объяснил, что в море встретился советский военный корабль и это заставило капитана так резко изменить свой курс.

Вскоре все моторы, кроме одного, Клозе выключил. Лидумс понял, что они приближаются к латвийскому побережью. Этой минуты он не мог пропустить и прошел в рубку капитана.

Темная полоса земли виднелась на горизонте. Каждые пять минут штурман объявлял глубину, причем говорил шепотом, как будто даже темнота вокруг являлась не союзником нарушителей границы, а опасным противником.

— Одиннадцать! Десять! Девять! — монотонно шептал штурман, и катер все замедлял ход. Впередсмотрящие с правого и левого борта вглядывались в темноту.

Как только штурман передал глубину «Семь!», катер остановился. Еще несколько минут он по инерции приближался к далекой, затянутой темнотой земле, но вот всякое движение словно бы прекратилось.

Тихонько вызванные капитаном появились Биль, Альвирас и остальные десантники. Они тревожно всматривались в темноту, не произнося ни слова даже шепотом.

В это время матросы подготовили к спуску весельную шлюпку, подвесили ее на талях, настороженно вглядываясь в сторону берега.

Стояла глубокая тишина. Слышалось только монотонное жужжание беакона, передававшего сигналы из этой молчаливой темноты берега. И вдруг на берегу вспыхнул узкий луч света. И сразу стало понятно, что эта столь долго ожидаемая земля совсем недалеко.

Шлюпка тотчас же оказалась на воде у борта катера. Матросы-гребцы укладывали в нее снаряжение группы. Лидумс шагнул к капитану и поблагодарил его за удачную операцию, которую, несомненно, оценят в Лондоне. Затем первым спустился в шлюпку.

Когда все разместились, Лидумс дал знак, и тали, удерживавшие лодку, были отцеплены. С катера донеслись последние слова Клозе: «Счастливого пути!» Лодка беззвучно отвалила от судна.

Изредка в борт била осенняя волна Балтики. Но берег все приближался, и теперь волна была не страшна.

Лодка находилась метрах в трехстах от берега, когда по воде заскользил луч сильного прожектора, вероятно, расположенного у подножия Ужавского маяка. Он медленно двигался по воде. Без всякого предупреждения и гребцы и пассажиры прильнули к дну. Набежавшая крупная волна, чуть не опрокинувшая лодку, сделала свое спасительное дело — закрыла лодку от глаз прожекториста.

Берег приближался, луна, выныривавшая из облаков, освещала желтую полосу песка на прибое, а Лидумс думал о том, что наконец-то кончается его «война нервов».

Когда до берега осталось не больше пятидесяти метров, спокойные, хотя и крупные волны внезапно превратились в грозный ревущий прибой с пеной и брызгами, но все равно они толкали лодку к берегу и вдруг, внезапно приподняв ее, посадили на береговой, залитый пеной песок.

Луна, прорвавшаяся еще раз сквозь тучи, озарила землю Латвии, родину Лидумса.

Они с помощью гребцов еще выбрасывали на берег подальше от прибоя свои тюки, мешки, чемоданы, а с крутого берега уже спускались встречающие. Среди них Лидумс приметил человека с опущенной головой, который еле передвигал ноги, так что его вынуждены были поддерживать двое сопровождающих. Граф скомандовал гребцам, чтобы они помогли поднять этого человека на борт лодки, те засуетились, а Граф бросился обнимать Лидумса.

Старший гребец тронул Лидумса за плечо, прося разрешения на отъезд. Граф швырнул в лодку большой мешок, по-видимому, с книгами, Лидумс попрощался с командой, те попрыгали в лодку, и она сразу слилась с волнами.

Продолжение на стр. 28—29.

Copyrighted material

А. СОФРОНОВ

Три воскресенья

ВОСКРЕСЕНЬЕ ПЕРВОЕ

Жизнь человека соткана из воспоминаний о прошлых встречах и новых встреч, которые по прошествии времени также становятся старыми и оседают свежим слоем на дно нашей памяти. Но оттого, что в памяти прибавляется все больше воспоминаний, старые от этого не исчезают, а словно бы приобретают в сравнении с новыми еще большее значение как свидетельство непрерывного поступательного движения современного общества...

Написав такое многозначительное вступление, я остановился и подумал о том, что, пожалуй, оно слишком тяжеловесно для обычных путевых заметок, тем более что в начале нашего путешествия еще не было известно, приземлимся ли мы в столице Филиппин Маниле, куда на конгресс поэтов-лауреатов была приглашена из Москвы делегация советских поэтов. Союз писателей СССР включил в делегацию грузинского поэта Григола Абашидзе, узбекского поэта Рамза Бабаджана и меня. В состав нашей группы также входили переводчики Л. Агапов и М. Салганик.

Вылетали мы в субботу вечером. Предстоял беспосадочный десятичасовой полет Москва — Токио. По нашим расчетам, имея в виду, что столица Японии ведет счет времени на шесть часов вперед от московского, в Токио мы должны были прилететь где-то в воскресный полдень. В Токио, в филиппинском посольстве, должны были получить визы на пребывание в Маниле. В Москве эти визы мы получить не могли, так как между Советским Союзом и Филиппинами до сих пор, к сожалению, нет еще дипломатических отношений. Конечно, это странно, что нет таких отношений между государствами, которые за все время своего существования не сделали ни одного даже холостого выстрела в направлении друг друга, но это уже вопрос другой, и, честно говоря, в ту пору, когда наш самолет оторвался от Шереметьевского аэродрома, мы еще не представляли себе, почему такое происходит. Хотя, как нам хорошо известно, Советской Союз не является первопричиной отсутствия дипломатических отношений между двумя государствами. Тогда что же и кто же? На этот вопрос, вероятно, можно было получить ответ на Филиппинах, но для этого надо было еще приземлиться в Маниле.

Теперь о воспоминаниях. Конечно, можно легко обходиться и без них. Тогда все происходит как бы заново. Но в зрелом возрасте не все уже происходит у человека заново. Чаще всего всякое новое является продолжением чего-то, что было, встречалось, виделось раньше. Особенно это относится к путешествиям. Да еще таким, между которыми легли большие интервалы. В конце 1956 года в «Огоньке» я опубликовал серию очерков «Полет в Японию». Смею процитировать окончание этих очерков:

«Улетали мы из Токио в полночь. Улетали как друзья, сопровождаемые друзьями. Юко Ясуи, заглядывая в русско-японский разговорник, говорила:

— Я еще хотел видал вас в Токио.

Последние рукопожатия, поцелуи, дружеские улыбки, и самолет поднимается в черное звездное небо. Исчезают голубые огни Японии. Под нами Тихий океан».

Что произошло за эти тринадцать лет?

Юко Ясуи, дочь известного профессора-юриста, много сил отдавшего борьбе за мир, сейчас отлично говорит на русском языке. Она закончила МГУ. В Москве мы не раз виделись с ней. В Москве же она и вышла замуж за молодого итальянца, также учившегося в МГУ.

Тринадцать лет назад я летел в Японию не без приключений на самолете скандинавской компании «САС». Но для этого надо было прилететь в Стокгольм и только оттуда, с посадками в Риме, Каире, Карачи, Гонконге, Маниле, добраться до Токио.

Теперь мы летели в прекрасном самолете «ИЛ-62» беспосадочным маршрутом Москва — Токио и с удовольствием смотрели, как советские стюардессы вместе с японскими синхронно работали на борту самолета, обмениваясь дружескими улыбками. Честно говоря, нашим воспитанным на интернационализме сердцам это было приятно. Приятна была и забота о пассажирах, желание сделать длительный полет наименее утомительным. Ибо при всей рациональной целесообразности воздушного транспорта десять летных часов — штука утомительная.

Мы летели навстречу утру. Рассвет нарастал неправдоподобно быстро. В четыре часа утра по московскому времени мы пролетели Хабаровск. В самолете было ослепительно светло. Над белыми пухлыми облаками, над которыми, как на лыжах, скользил самолет, лежали две ярко обозначенные, словно нарисованные кистью современного художника-модерниста, полосы: снизу серебристо-серая, сверху золотисто-синяя.

Стюардессы разносили горячие влажные салфетки. Это очень удачная придумка: протрешь лицо, и ты проснулся. В шесть часов утра по московскому времени мы увидели очертания Японии. Черная земля. Бурый океан.

Через несколько минут японская стюардесса Кита у открытой двери самолета, прощаясь с нами, прошептала по-русски:

— Счастливого пути!

В Токио было 12 часов 15 минут.

ЗНАКОМСТВО С ЛАУРЕЛЕМ-МЛАДШИМ

Мы были не первыми советскими писателями, кому пришло приглашение из Манилы. Накануне нашего отлета ко мне заехал Евгений Долматовский и привез сумку всяческих московских сувениров.

— Пожалуйста, передай все это по адресам в Маниле,— сказал он.— Там очень хорошие люди.

— Но, Женя,— ответил я своему старому другу,— у нас еще нет виз.

— Визы будут,— уверенно заявил Долматовский.— Прилетите в Токио, явитесь в филиппинское посольство, вас тепло встретит посол, господин Лаурель, вы скажете, что вы мои друзья, и визы будут. Ручаюсь...

Я поверил Евгению Долматовскому и взял сумку с сувенирами. Да и как было ему не поверить! Он был первым советским поэтом, не просто побывавшим на Филиппинах, но еще и увенчанным лавровым венком за перевод стихов пламенного филиппинского поэта, борца за национальное освобождение Хосе Рисаля, расстрелянного испанцами, пытавшимися удержать Филиппины в колониальном рабстве.

— Там прекрасные люди,— говорил мне Долматовский.— Я убедился в этом. Я три недели был на Филиппинах...

Мы прилетели в Токио в воскресенье. Волей-неволей нам приходилось ждать понедельника. На утренний самолет во вторник у нас были заказаны места.

В понедельник утром наши товарищи отправились в филиппинское посольство. Вернулись разочарованные. Посол очень радушно встретил наших товарищей, но... ему ничего не было известно. Из Манилы никаких сигналов не поступало. «Мы запросим Манилу»,— сказал он. Накануне из Токио мы отправили телеграмму председателю и организатору конгресса филиппинскому поэту Амаду Юзону и, решив перестраховаться, перезаказали билеты на вечерний самолет. Утром во вторник мы снова позвонили в филиппинское посольство. Секретарь посла прочла нам по телефону телеграмму Амаду Юзона, в которой он просил обождать нас еще сутки. Тогда мы решили повидаться с филиппинским послом. Позвонили. Секретарь ответила, что, к сожалению, посол сегодня занят и сможет увидеться с нами только на другой день. Но это был бы уже третий день работы конгресса. Что нам остается? Пока мы размышляли об этом, в номере раздался телефонный звонок. «Если сумеете приехать немедленно, посол готов вас принять. После двенадцати он будет занят»,— сказала секретарь посла. Пока мы колесили по узким токийским переулкам, минутная стрелка неумолимо приближалась к двенадцати. Когда мы поднимались по широкой деревянной лестнице старого дипломатического особняка, на самой верхушке лестницы мы встретили с портфелем в руке посла Хосе Лауреля.

— О, это вы?! — сказал он.— Ну, что ж... Прошу.— Посол пригласил нас к себе в кабинет. Вместе с ним в кабинет вошли еще три сотрудника посольства.

— Господин посол, конгресс в Маниле уже идет второй день, а мы, вместо того чтобы читать свои стихи с коллегами по профессии в Маниле, читаем их друг другу в Токио,— сказали мы Хосе Лаурелю.

— Люди вырабатывают законы,— ответил Лаурель,— а потом законы управляют людьми. И люди обязаны их выполнять...

— Вам сердечный привет от Долматовского,— сказал я.

Посол меня понял правильно.

— Он очень приятный человек,— сказал Лаурель.— Но... Надеюсь, в будущем мы достигнем большего взаимопонимания. Я еще раз позвоню сегодня в Манилу. Убежден, что все будет в порядке. Токио — очень интересный город, почему бы вам не познакомиться с ним за эти часы ожидания?

Мы поблагодарили посла и его коллег. Они были и в самом деле радушны.

ТОКИО ДНЕМ

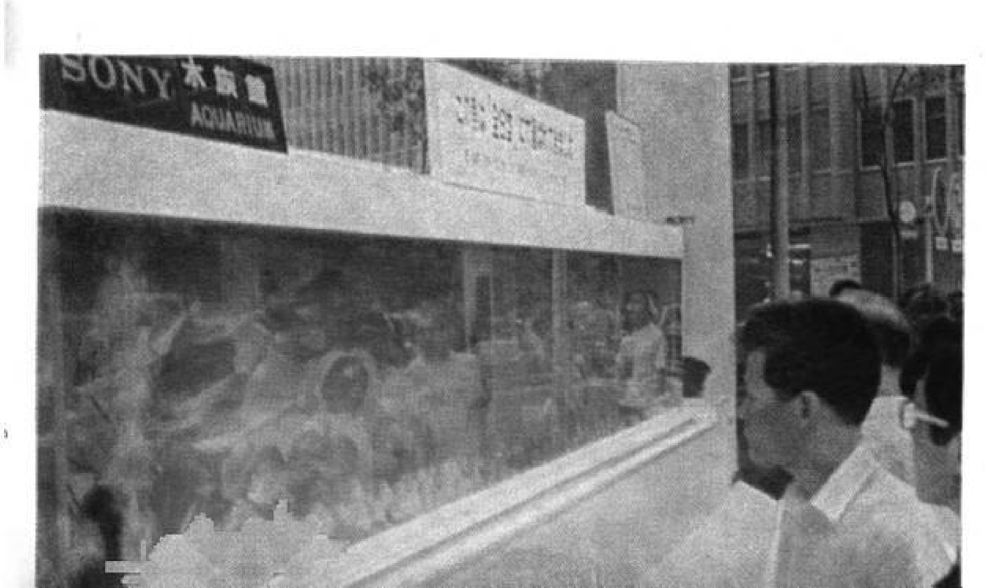
«Что это за народ, который не спит в кроватях, но ездит в самых быстроходных поездах, не сидит на стульях, но строит самые большие суда; почти не имеет дорог, но запускает ракеты; потеет и мерзнет в ритме десятилетий, но каждый день работает в высотных домах с климатическими установками; выглядит столь несуразно, но производит самые маленькие в мире радиоприемники, строит гигантские города, но не дает

Copyrighted material

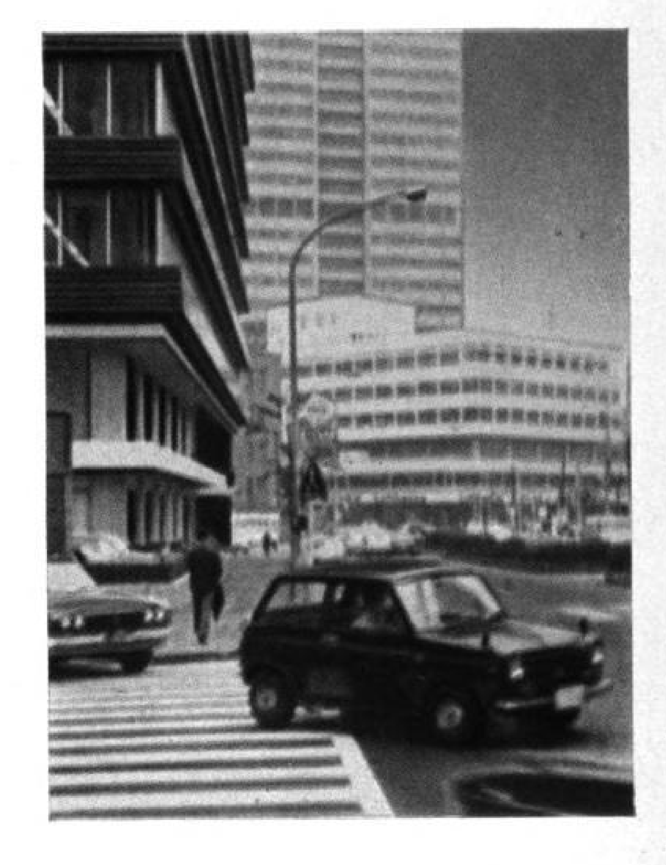

日劇文化劇場
日劇文化
ナイター

SONY 水族館
AQUARIUM

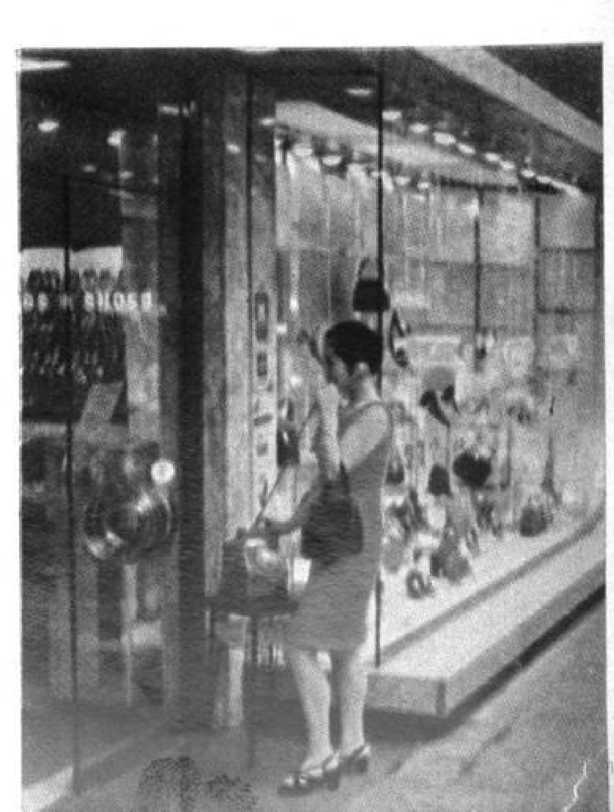

じの日
宝くじ

названия улицам; издает самые крупные по тиражу газеты, но умалчивает о важном; разбит на группы и классы, но считается народом с ярко выраженным национальным сознанием; сам такой маленький, но выращивает самых толстых, жирных и рослых в мире мужчин для борьбы самбо».

Слова эти принадлежат западногерманскому специалисту по Японии Гансу Вильгельму Ванедольфу. Приведем еще одну цитату:

«Торговая улица в Токио — Гиндза роскошней Пятой авеню в Нью-Йорке. Но, несмотря на цветное телевидение, новые автострады, миллион автомобилей в год и поезда, несущиеся со скоростью 155 миль в час, уровень жизни широких масс остается низким. Он не низкий для Азии, но все же поразительно низкий для страны, валовой национальный продукт которой почти равняется валовому национальному продукту всех других стран Азии, вместе взятых. Гиндза ослепительна, но Токио все еще переполнен маленькими холодными деревянными домишками. Движение автомобильного транспорта потрясающе, но в городе стоит запах нечистот. Короче говоря, Япония — это общество изобилия, во главе которого стоят бизнесмены, приносящие все в жертву частной инициативе и ставящие заботу о благосостоянии почти на последнее место...»

Я не собираюсь ни опровергать, ни соглашаться с тем, что сказано в этих строках. Несколько дней, которые мы вынужденно провели в Токио, только добавили к моим старым впечатлениям, более полным и широким, отчасти зрительные впечатления, отчасти впечатления от нескольких бесед и встреч, которые помог устроить нам представитель АПН в Японии Михаил Ефимов, молодой талантливый журналист. К этому следует добавить, что Михаил Ефимов имел как бы косвенное отношение к «Огоньку» не только как автор нашего журнала. Может быть, это и не столь важно в наш суровый и несколько официальный век, но когда мы узнали, что он является сыном великолепного художника-публициста Бориса Ефимова и племянником первого редактора журнала «Огонек» Михаила Кольцова, к нашим служебным симпатиям прибавились еще и личные.

В первый прилет в Японию мы путешествовали по Токио в сопровождении японского друга Вадо. Сейчас мы его не нашли. Эту миссию взяли на себя Михаил Ефимов и работник АПН Сергей Харин.

Каждый город, каждая столица интересны по-своему. Но многие европейские столицы в воскресные летние дни очень схожи пустынностью улиц. Токио совсем иной. В первое же воскресенье мы убедились в этом. Нам надо было срочно сделать фотокарточки для маячивших где-то филиппинских виз. Ефимов подвез нас к одному из работавших универмагов. Через мгновение лифт выбросил нас на крышу универмага. Здесь в тени приютился «холодный фотосапожник». В стороне от него кричало, пело, кувыркалось, взметалось на качелях несметное количество детей. Родители оставляли их здесь, пока сами бродили по универмагу.

Через пять минут фотоавтомат выплюнул на блюдечко наши изображения, на которых мы спокойно могли конкурировать с кайенскими каторжниками-уголовниками. Но дело было сделано, и мы отправились к стоянке машин.

Тротуар был огорожен. На тротуаре стояли зеваки и смотрели, как огромным чугунным набалдашником рабочие крушили каменную стену старого пятиэтажного дома.

— Это повсюду,— сказал Ефимов,— здесь будут строить очередной небоскреб.

— Но ведь сегодня воскресенье, праздничный день?

— Темпы и ритм... Не терять ни одного часа. Все выжимать для экономического процветания, для конкуренции с другими капиталистическими странами.

...Вокруг парламента, на широкой зеленой площади, мы увидели высокую, на наших глазах возводимую стену. Здесь тоже шла работа в воскресенье.

— А зачем понадобилась японскому парламенту такая стена?

— Видите ли,— ответил Ефимов,— японцы — люди предусмотрительные. В 1970 году истекает срок так называемого договора безопасности, навязанного Соединенными Штатами Японии...

— Но стена... Стена зачем?

— Для того, чтобы оградить парламент от демонстрантов, которые, несомненно, возникнут... Да уже и сейчас идет острая политическая борьба.

Это было год назад. Сейчас мы уже знаем о том, какие мощные демонстрации и столкновения с полицией происходили в дни, когда правительство снова продлило срок этого договора, фактически обрекая Японию на дальнейшую ее оккупацию американскими войсками.

В эти дни к нам в отель приходил наш старый знакомый — японский писатель Иоси Хотта. Он сказал:

— У меня появилась новая забота. Вместо того, чтобы учиться и предоставить политическую деятельность представителям мужского пола, моя дочь сама является одним из организаторов забастовок, которые прокатились сейчас по всем высшим учебным заведениям Японии. Надо купить ей каску... Полицейские могут разбить ей голову... А я все-таки надеюсь, голова ей понадобится для получения высшего образования.

Хотта не преувеличивал. В газетах мелькали снимки, на которых студенты были засняты в касках. Впрочем, и полицейские тоже были защищены касками и современными панцирями и щитами.

...Район знаменитой Гиндзы особенно шумен вечерами. Но и днем он кипит. Толпы людей бредут по тротуарам. Как вкопанные, останавливаются у светофоров. Шоферы развивают на улицах Токио бешеную скорость. Малейшая оплошность чревата для пешехода смертью или тяжелым увечьем. Не только люди терпеливо ожидают зеленого света, но и собаки. Они также стоят, не шелохнувшись, на переходах.

На улицах Токио много молодежи. Население Японии растет. Очень много на улицах молодых, с военной выправкой и короткой стрижкой американцев. Они в гражданской одежде. В Токио они прилетают из Вьетнама и с других многочисленных американских баз, расположенных в этом районе мира. Прилетают развлечься. К некоторым из Соединенных Штатов прилетают жены. Но, как говорят здесь, только к некоторым.

На одном из углов Гиндзы в здание вмонтирован огромный аквариум компании «Сони». Вокруг транзистора, опущенного в воду, плавают маленькие акулы и электрические скаты. Десятки юношей и девушек часами смотрят на этих недоразвитых хищников.

Многие девушки подолгу стоят под мостом воздушной дороги. Сверху вниз тянутся белые полотнища с черными иероглифами. Здесь предсказание судьбы. Девушки что-то про себя шепчут. Переходят от полотнища к полотнищу. Ищут судьбу попривлекательней. Рядом с ними юноша продает на тротуаре щенков. Еще дальше — кроликов. Еще дальше — обезьянок. У каждого своя судьба.

ТОКИО ВЕЧЕРОМ

В один из вечеров Михаил Ефимов пригласил нас к себе в оффис. Будет интересный человек. Издатель нескольких журналов. Он популяризирует нашу живопись. Много раз бывал в Советском Союзе. Побеседуйте с ним, а затем он хочет показать вам вечерний, а если пожелаете, и ночной Токио. У него есть еще одно достоинство. Не потребуется переводчик, он весьма прилично говорит по-русски.

Господин Токунага действительно оказался человеком симпатичным и дружески расположенным к нашей стране.

Он с удовольствием перелистывал прекрасно изданные альбомы репродукций Третьяковской галереи.

— Великая русская живопись очень ценится в Японии. Эти три больших альбома мы выпустили каждый тиражом по пятьсот тысяч. Они были раскуплены. Конечно, наша фирма неплохо заработала. Но это, как у вас говорят, ко взаимному удовольствию. У вас красивая и большая страна. Тоже много молодежи. У нас хорошие юноши и девушки. Но у них нет уверенности в будущем. Они могут закончить высшее учебное заведение, но это еще ничего не значит. У нас капитализм... Я сам в какой-то степени представляю его. Хотя я служащий, получающий жалованье. Я знаю, что это такое. Для капитализма не всякий годится. Нужны руки, нужно умение работать. Но с каждым годом этих рук все больше. И с каждым годом все большая рационализация. Огромная конкуренция на международных рынках. Вечная проблема сбыта продукции. Мы сами называем свою страну «экономическим животным», которое покупает, перерабатывает и выбрасывает... Можно не удивляться тому, что в сознание людей все больше проникает дух национализма и милитаризма. Какое-то время под гнетом нашего поражения все это где-то таилось, сейчас в связи с нашими экономическими успехами возникает все чаще. Хиросима забывается.— Токунага посмотрел на часы.— Поедемте, посмотрим Токио,— предложил он.

Мы побывали в двух ресторанах, набитых до предела, душных, прокуренных, с «программой», которую было как-то неудобно смотреть. Токунага с удивлением спросил:

— Не нравится? Странные вы люди...

— Наверно, странные...

— Хорошо, мы найдем вполне приличный ресторан.

Так мы оказались еще в одном, где едва оказались за столиком, оркестр заиграл «Эй, ухнем», а затем «Подмосковные вечера».

Здесь действительно было как-то обычно. Рядом с нами сидели обычные гейши в обычных кимоно, некоторые из них были в европейских платьях. Они смотрели за тем, чтобы на столе был порядок. Обязанность гейш — ухаживать за посетителями так, чтобы они чувствовали себя спокойно: петь им песни, танцевать, и не больше. Невольно вспоминались всяческие домыслы, какие возникали иногда в беседах, когда произносилось слово «гейша».

Токунага, улыбаясь, смотрел на нас.

— Здесь вам нравится?

— Нравится.

В 11 часов 20 минут зазвучал предупредительный звонок. Пора было покидать ресторан.

Если в здании было сравнительно прохладно, то на улице стояла духота. Какие-то люди появлялись и хрипло предлагали «провести ночь более интересно». Кто-то тащил подвыпивших девушек. Одна из них, тоненькая, как тростиночка, смотрела безумными глазами и плакала. Ей было плохо. Но никто не обращал на нее внимания. Толпа двигалась по тротуарам и мостовой. Откуда-то вынырнул продавец обезьянок. Они испуганно прижимались к его груди. Ревели клаксоны автомашин, тщетно пытавшихся выбраться из толпы. Так же тщетно Токунага пытался уговорить шоферов такси довезти нас до отеля. Потом он махнул рукой и повел нас куда-то вперед. Постепенно мы выбрались на более спокойную улицу. Мимо проезжали такси. Токунага поднимал руку. «Занято», «Кончил работу»,— отвечали шоферы.

— Не люблю я Гиндзу. Наши патриоты хвастаются ею, что она больше нью-йоркского Бродвея. Может быть, и больше, но от этого себя чувствуешь не лучше. Даже не знаю, как вас доставить к отелю...

Накрапывал неправдоподобно мелкий дождь, даже не дождь, а какое-то месиво из влаги и бензиновых паров. Но как раз в этот момент усилия нашего нового знакомого увенчались успехом. Возле нас остановилось такси, и Токунага с облегчением сказал:

— Он вас довезет.

— А вы?

— А я доберусь.

КАФЕ «ОГОНЕК»

Эти несколько дней, что мы прожили в Токио, оказались заполненными до отказа. Мы снова осмотрели город. Много новых домов, новых дорог и вместе с тем какая-то лихорадочная горячность, суета, нескрываемая теснота и зловоние кварталов «для всех». Несколько фильмов, просмотренных за эти дни, подтвердили утверждение в том, что развращенность и порнография достигают огромного количества.

Copyrighted material

В Токио демонстрируется много американских картин, мало отличающихся от низкопробной массовой продукции японской кинопромышленности. Один из друзей сказал нам:

— Американцы все больше демонстрируют в Японии фильмы, в которых всячески доказывается, что победу над немецким фашизмом в последней войне одержали американцы в одиночку... Не только о решающей роли Советской Армии в победе над гитлеризмом нет ни намека, но даже и своих английских союзников они не упоминают. И это не случайно... Такие фильмы рассчитаны на устрашение молодого поколения Японии, все больше протестующего против оккупации Японии американцами. Россию если и показывают, то в самом невыгодном свете. Вот сейчас демонстрируется фильм... «Цусимский бой». Те, кто родился после сорок пятого года, Хиросиму и Нагасаки знают понаслышке. Американцев же здесь видят немало. Всяких. Но и тех, кто появляется из Вьетнама... Это тоже своего рода устрашение... Так пытаются воздействовать на сознание молодежи... И не всегда безуспешно.

Однажды Михаил Ефимов сказал:

— Я хочу показать вам еще один район города и всего одно кафе. Район этот более демократический, чем Гиндза.

Действительно, здесь как бы было все поспокойней. Но молодежь заполняла тротуары улиц сплошняком. Бары. Магазины. Музыка, рвущаяся из ресторанов. Кое-где с фонариком в руке стояли у стены хироманты. Девушка протягивает ладонь и слушает. Хиромант, наклонившись над ладонью, что-то шепчет.

— Я вам покажу и другую молодежь,— сказал Ефимов, остановившись на углу возле узкой двери.— Это кафе «Огонек».

— «Огонек»?!

— Да... Здесь хозяевами являются ребята из «Поющих голосов Японии».

По узкой лестнице мы поднялись на второй этаж. За длинными столами сидели группами юноши и девушки. Они все были просто одеты. На столах стояли чайники, кофейники, кружки пива.

На стене висел большой плакат: «Мы не боимся времени — мы будем жить в мире». Один из столов был более свободен. Мы спросили разрешения присесть рядом с высоким парнем и миловидной девушкой.

— Пожалуйста,— сказал юноша.— И тут же спросил:—Вы из Москвы?

И в это время на эстраду вышли лохматые молодые люди в одноцветных пестрых майках. Полный лысый человек в красной рубашке пристроился к барабану. Зазвучала песня на слова старого японского поэта Тосио «Расставание».

Подпевал весь зал. Пели дружно и увлеченно. Воспользовавшись перерывом, мы познакомились с нашими соседями.

— Сумиэ Нихонмацу,— сказала девушка.

— Есикари Инэнано,— с готовностью промолвил юноша.

На наши вопросы отвечал юноша.

— Мы работаем в одном универмаге. Оба продавцы. У нас большое желание пожениться, но пока нет квартиры. Это очень большая проблема для нас.— Говоря, Есикари поглядывал на свою подругу, словно ища подтверждения в ее глазах. Девушка согласно кивала головой.

В зале снова зазвучала песня на очень знакомый мотив. Юноша придвинул нам лежащий на столе буклет, где были напечатаны на японском языке тексты исполняемых песен. Песню подхватили собравшиеся в кафе молодые люди. Да, песня оказалась знакомой. На этот раз пели песню Михаила Исаковского «Огонек». Наши соседи лукаво поглядывали на нас: мол, видите, как знают у нас ваши песни.

Потом зазвучала американская песня «Над Вашингтонской площадью опускается ночь»... Время шло быстро. Пора было возвращаться в отель. В это время зазвучал уже совсем знакомый мотив. В кафе запели «Подмосковные вечера»...

Было как-то необычно тихо и даже прохладно для Токио. Тускло горели фонари. Михаил Ефимов спросил:

— Ну, как вам понравилось?

— Понравилось... Во всяком случае, неожиданно как-то...

— Для того, чтобы узнать Токио, надо много времени... Но я рад, что вы улетите в Манилу с этим последним впечатлением.

— Откуда вы знаете, что мы улетим в Манилу?

— Чувствую... Отсюда до Манилы раз в пять короче путь, чем до Москвы.

— Будут ли визы? Мы еще ничего не знаем.

— Будут... Я чувствую,— сказал уже в нашем отеле еще более уверенно Ефимов.

...И он не ошибся. В половине девятого утра к нам позвонили из филиппинского посольства и сказали, что разрешение на визы из Манилы получено.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ВТОРОЕ

ПОД ЗВЕЗДАМИ МАНИЛЫ

С чувством некоторого волнения поднялись мы по трапу и нырнули в самолет филиппинской компании, услугами которой пользовались впервые в жизни. Что же нас ожидало в Маниле? Мы могли только гадать. Первой мыслью была одна, достаточно примитивная, но достаточно важная в этот первый вечер: встретят ли нас в аэропорту устроители «Всемирного конгресса поэтов»? Больше нас встречать было некому.

Самолет был почти пуст. За высокими спинками кресел терялись и те немногие пассажиры, рядом с которыми нам предстояло проделать путь от Токио до Манилы.

Тоненькая стюардесса принесла газеты. Это были манильские издания. На первой полосе одной из газет была напечатана большая фотография распростертого на земле мужчины. В тексте было сказано, что это губернатор одной из провинций, тяжело раненный неизвестными бандитами. Газета высказывала предположение, что губернатор все же будет жить. Еще перед отъездом в Японии нас предупреждали, чтобы мы были осторожнее: «Там все может случиться. На Филиппинах много американцев. Их не любят... Не дай бог, вас примут за них... И вообще, будьте осторожнее». Отложив газету, я невольно вспомнил, что уже дважды бывал в аэропорту Манилы и дважды общался с филиппинцами. Оба раза я пролетал Манилу один. В 1956 году летел в Нагасаки на конференцию, посвященную памяти жертв, погибших от взрывов американских бомб, сброшенных в августе 1945 года в Хиросиме и Нагасаки. Советская делегация была уже в Японии, а я задержался в Москве и летел один. Последней остановкой перед Токио была Манила. Там выяснилось, что у меня не оказалось справки о противооспенной прививке. Мне предложили покинуть самолет и остаться в Маниле. Я вежливо ответил, что у меня нет ни малейшего желания остаться в Маниле. Меня попросили в более категорической форме. В той же форме я ответил, что не намерен оставаться в Маниле. Тогда, посовещавшись, представители филиппинских властей вернули мне паспорт, вежливо улыбнулись и сказали «о'кэй». Я благополучно прибыл в Токио, где все с прививкой было улажено в течение трех минут.

Второй раз я пролетал Манилу в 1966 году. Я летел из Австралии. У меня был билет первого класса, но в Австралии бастовали работники авиакомпаний. Все расписания авиарейсов спутались. В Сиднее председатель Общества австралийско-советской дружбы с трудом усадил меня на первый возможный рейс. Самолет был забит до предела. Только в Маниле сошло несколько пассажиров. Обратившись в аэропорту со своим билетом к служащей аэропорта, я был немедленно пересажен из «туристкласс» в «ферсткласс». Таким образом, и первая и вторая, уже бесконфликтная, встречи оставили у меня добрые воспоминания о коротких встречах с Манилой.

К этому можно было бы прибавить, что если первый раз Манила после ливней была залита водой, что особенно видно было из окна самолета, то второй раз было солнечно и жарко, воздух казался сухим и обжигающим. Американские военные летчики с мокрыми лбами шли неторопливо к самолетам, на бортах которых виднелись черные звезды.

Это, пожалуй, и все, что я мог вспомнить о двух коротких приземлениях в аэропорту Манилы. Остальное уже было почерпнуто из всяческой справочной литературы, которой, к слову сказать, у нас не так много издано.

Из различных источников можно было почерпнуть сведения, что на Филиппинах живет 37 миллионов жителей на 7 100 островах, растянувшихся на 1 200 миль. Более трехсот лет филиппинцы находились под испанским и 45 лет под американским господством и тем самым были почти полностью изолированы от других азиатских стран, несмотря на свое месторасположение в мире.

Известно, что на Филиппинах большая безработица и что средний заработок на душу населения не превышает 60 долларов в год. Более половины населения живет в соломенных лачугах, не пользуясь электричеством и водопроводом; живут так, как жили их предки более ста лет тому назад.

Думается, что не помешает нашему представлению свидетельство американского журналиста Джона Маклина, взятое из его статьи «Филиппины: больной и недовольный союзник», опубликованной в июле 1969 года (за месяц до нашего полета в Манилу) в американском журнале «Форчун».

«Филиппинская Республика, которую американцы так долго считали надежным другом, блестящим протеже и стратегическим опорным пунктом в западной части Тихого океана, находится в полосе опасного и все ухудшающегося беспорядка. В моральном отношении спустя лишь 23 года после обретения независимости острова переживают период упадка, на них процветает преступность и возмутительная коррупция. В экономическом отношении страна катится вниз по скользкому склону и в пугающей степени зависит от иностранных кредитов. В политическом отношении Филиппины готовятся к выборам президента в ноябре, и предвыборная кампания обещает быть шумной и кровопролитной, но, в общем, малополезной для реальных нужд страны. Есть надежда, что появляющаяся сейчас группа молодых идеалистов, так называемых «технократов», превратится в серьезное движение сторонников реформы и восстановит в некоторой мере целостность и честность в национальной жизни Филиппин. Однако технократы — также и националисты и антиамериканцы. Во всяком случае, независимо от того, продолжится ли нынешняя тенденция к упадку, исход, по всей вероятности, будет неблагоприятным для американской политики, для интересов американского бизнеса и для американской гордости».

Тот же Джон Маклин не без сожаления сообщает о том, что

«жизнеспособность филиппинской экономики так велика (несмотря на ее недомогания), что прибыли от капиталовложений регулярно достигают 15—20 процентов. Китайский делец, который недавно начал открывать в Маниле супермаркеты американского типа, как говорят, выручает 40 процентов прибылей. Филиппинцы начинают спрашивать, не кроется ли за жалобами американцев тот факт, что они не в состоянии конкурировать на Филиппинах в настоящее время.

Самое яркое подтверждение этой точки зрения дают японцы, которые не пользуются никакими специальными привилегиями. Всякий, приехав в Манилу, скоро начинает думать, не захватывают ли японские предприниматели Филиппины, то есть не удалось ли им то, что не удалось японской армии. В настоящее время Японии принадлежит 33 процента всего филиппинского экспорта по сравнению с 7 процентами в 1950 году, и на ее долю приходится 29 процентов всего филиппинского импорта по сравнению с 4 процентами в 1950 году. В противоположность этому филиппинский импорт из США упал с 66 процентов до 33 процентов. Сверх этого новое японское присутствие проявляется в крупных проектах общественных работ, частично финансируемых за счет японских репараций и кредитов; среди них 2 000-мильная артерия шоссейных дорог, мостов и паромов, впервые связывающая страну из конца в конец. Название этой артерии — «дорога филиппино-японской дружбы».

Другой признак происходящего появился после того, как член палаты представителей республиканец Уильям Брумфилд (штат Мичиган) критиковал размещенные филиппинцами заказы на 9 сахарных заводов стоимостью около 14 миллионов долларов каждый. Шесть заводов по-

Copyrighted material

строит Япония, по одному — Франция, Англия и Пуэрто-Рико. Брумфилд заявил, что Филиппинам следовало бы покупать американское оборудование, учитывая выгоды, которые страна получает от американских импортных квот на сахар. Поскольку американская цена значительно выше цены на мировом рынке, квота 1968 года дала Филиппинам дополнительно 67 500 тысяч долларов остро необходимой иностранной валюты. Однако в интервью, данном в Маниле, Альфредо Монтелибано, один из крупнейших филиппинских сахарозаводчиков, объяснил, что филиппинцы, которые, может быть, и хотели бы купить американское оборудование, нашли, что европейские и японские условия выгоднее: кредит на 12 лет вместо 7 лет у американцев, займы наличными на покрытие издержек по строительству (американцы отказались предоставить такие займы), цены примерно на 20 процентов ниже американских».

...Вооруженные такими высказываниями американского журналиста, мы летели на Филиппины, меньше всего думая о том, что за сравнительно короткий срок мы сумеем что-либо узнать об этой, так мало известной нам стране.

Было уже совсем темно, когда мы почувствовали, что самолет начал снижаться. Темное небо и темный океан сменились голубыми огнями под крыльями самолета.

Нас встречали. Встречали в том самом месте, где и положено встречать обыкновенных пассажиров. Две маленькие женщины, поискав нас глазами в небольшой группе, проходившей паспортные формальности, подошли безошибочно к нам и спросили:

— Русские?

— Да, советская делегация,— ответили мы.

Тогда они надели нам на шею, как положено в этой части света, пряно пахнущие связки цветов и представились:

— Кончита.

— Кармен.

Маленький автобус помчался вдоль берега залива. Кармен сказала, что на нее и Кончиту возложены председателем и организатором конференции, доктором Амаду Юзоном, заботы о делегации советских писателей. Кармен говорила низким, мужским голосом. Тут же в автобусе она сообщила о том, что нас очень ждали и что доктору Юзону пришлось приложить большие усилия, чтобы получить разрешение на визы; и что все в порядке, на конференции читают стихи и произносят речи, что, собственно, и должно быть тогда, когда собираются поэты.

Мы молча слушали, пытливо всматриваясь в мелькавшие мимо нас ярко освещенные здания ночных увеселительных заведений, протянувшихся вдоль дороги.

Автобус подкатил к широкому подъезду отеля «Манила».

— Сегодня в театре концерт для участников конгресса, будет играть Гилопес Кабайо,— сказала Кармен.— Вы не устали? Было бы очень желательно, чтобы вы посетили этот концерт. Через тридцать минут мы ждем вас внизу,— тоном, не допускающим возражений, проговорила Кармен.

Мы поняли, что попали в надежные руки и находимся под властью этой маленькой, уже немолодой женщины с глуховатым мужским голосом.

И действительно, ровно через полчаса мы оказались в большом современном здании театра, изумительно красиво отделанном деревом.

На нас смотрели с удивлением и любопытством. С нами знакомились, некоторые с нескрываемым доброжелательством, некоторые с легкой настороженностью.

Амаду Юзон сердечно протянул нам руки и сказал:

— Рад, очень рад... Но, знаете, это было нелегко... Если бы мы знали, что вы откликнетесь раньше на наше предложение, наверно, все было бы много легче. Но ничего, главное, что вы здесь, в Маниле.

...На сцену вместе с пианисткой вышел человек со скрипкой, поклонился и объявил, что исполнит «Аве Мария» Шуберта. Честно говоря, я меньше всего рассчитывал, что игра незнакомого артиста увлечет меня. Но первые звуки скрипки сразу втянули в мелодию. Что-то было такое, присущее только этому человеку, одиноко стоящему перед почти пустым залом. И как-то сразу прошла усталость и сердце покинуло напряжение неизвестности.

Затем Гилопес Кабайо сыграл две филиппинские народные мелодии: «Бой петухов» и «Этик-этик» — танец гусей. И это было как-то ново и необычно. В роскошном концертном зале звучали народные мелодии.

Но вот затем уже и произошло то, что совершенно в эти же самые первые часы как-то по-иному заставило взглянуть и на тех, кто нас окружал, а главное, на самого Гилопеса Кабайо. В первый момент мне показалось, что я ослышался. Вальс Глиера? Не может быть!

Но оказалось, что могло быть. В зал полились тревожные, томительные, захватывающие звуки вальса из «Красного мака». Все было то же — и мелодия и порывистость этой мелодии, но все звучало здесь, в этот первый вечер на Филиппинах, как-то необычно. Сколько раз мы слушали этот вальс в Москве и в сольном исполнении и в ансамбле юных скрипачей с пионерскими галстуками на сцене Большого театра... Но здесь было все по-другому, все приобретало особое значение. Значит, за тысячи километров долетел знаменитый вальс русского композитора сюда, на Филиппины? Уже давно нет и самого создателя этого очаровательного произведения, а музыка его живет и, как ветер, бродит по свету.

Уже после концерта за кулисами театра, пожимая сильную руку Гилопеса Кабайо, мы выражали ему признательность за его удивительный артистизм.

Гилопес Кабайо улыбался. Он был похож на юношу, хотя ему было уже сорок лет.

— Я очень люблю русскую музыку. Я прошу вас быть моими гостями,— сказал он, прощаясь с нами.

Это было неожиданно хорошее начало в первый вечер, когда мы оказались под звездами Манилы.

— Завтра утром мы ожидаем вас на конгрессе,— сказал Амаду Юзон.

— А где проходит конгресс?

— В том же отеле, где вы остановились,— сказал Юзон.

Что же, и это было тоже не так-то плохо.

Джубан **МУЛДАГАЛИЕВ**

МУЖЕСТВО

В это утро звенит от приветствий округа,
В это утро, к земле головы не клоня,
Рад я скорби врага, горд я верностью друга
Перед миром, глядящим сейчас на меня.

Горд эпохи своей небывалым размахом,
Счастьем, преданным мне от весны до весны.
В шири новых степей, в судьбах новых казахов
Наших предков дерзания воплощены.

Много братьев у нас, много яркого света,
Хоть завистник порою нагрянуть не прочь.
Мне припомнилось прошлое, словно планета
День сменила, вращаясь, на темную ночь.

Орды хана Чингиза, кровавые зори...
Ну, а если бы в глуби минувших веков
Наша степь, расколовшись под тяжестью горя,
Навсегда поглотила моих земляков?

Ну, а если бы не сохранилось поныне
Ни преданий, ни песен про наше житье,
И народ, как ребенок бесправной рабыни,
Потерял для истории имя свое?..

Что ж! Тогда, покрывая мозолями руки,
Разрывая курганы вдали от воды,
Стал бы кто-нибудь доктором мудрой науки,
Открывая казахских кочевий следы.

Что заменит народа живое дыханье?
Это, друг мой, не зря мы сумели постичь:
Нам отличие жизни от существованья
Объяснил на словах и на деле Ильич.

Полстолетия наши — столетиям впору.
Край степной, ты нас к новым высотам зови!
Казахстан — это символ бескрайних просторов,
Символ мужества, символ труда и любви.

Казахстан объясняется с космосом хмурым,
Посвящает грядущему вечность и миг.
Крылья стартовых плит самого Байконура
Взметены за плечами джигитов лихих.

Край, исполненный солнца и творческой жажды,
Край, чьи силы раскованно рвутся вперед,
Он заботится не о себе, а о каждом,
Тяжесть времени честно сквозь время несет.

Горд эпохи своей небывалым размахом,
Счастьем, верным ему от весны до весны.
В шири новых степей, в судьбах новых казахов
Наших предков дерзания воплощены.

Я душой благодарен рассветам над миром,
Рад напеву, летящему в степь и в поля.
А народу-джигиту, народу-батыру
Благодарна и рада планета Земля.

Перевел с казахского
Вл. САВЕЛЬЕВ.

Copyrighted material

6-го сентября — Всесоюзный день работников нефтяной и газовой промышленности

...И УДАРИЛ ФОНТАН

Ждали этого долго, очень долго. Многие геологи теряли надежду, укладывали чемоданы и подавались на север — в Тюмень, Уренгой, на Ямал. Но оставшиеся упрямо бурили непроходимые Васюганские болота метр за метром. Оставшиеся верили, что и на их улице будет праздник, что и здесь, в Новосибирсной области, удастся найти большую нефть. Начальник Северной нефтеразведочной экспедиции Владимир Гаврилов и геолог Юрий Вараксин уверились в этом вполне, когда в трех десятках километров от их владений, в соседней области, было открыто крупное Казанское месторождение. Работа пошла веселее. Все надеялись на скважину Р-1, и она не обманула ожиданий. С глубины 2 450 метров ударил мощный фонтан высококачественной нефти. Когда подсчитали дебит скважины, то сами себе не поверили — выходило 300 тонн в сутки да еще попутного газа 25 тысяч кубометров. Проверили еще раз и еще. Все верно — это большая нефть. Сейчас точные промышленные запасы Верх-Тарского месторождения определить трудно. Но ясно одно: география черного золота расширяется не только на север. А геологи идут все дальше на неизведанные площади.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Н а с н и м к е: буровая Р-1, которая не обманула ожиданий.

Фото А. Полякова.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Продолжение.

— Кто этот уехавший человек? — одними губами спросил Биль, привалясь к плечу Лидумса.

— Наш заболевший товарищ. Его отправили на лечение в Англию...

В это время на лодке включили мотор, и Граф, по-мужски выругавшись, приказал:

— Скорей берите вещи — и за мной! Теперь нам придется поторапливаться, такой треск слышен километров на десять по побережью! А тут еще надо все подмести и осмотреть, чтобы никаких следов не осталось!

Приказ Графа исполняли с крайней поспешностью. Впереди была Латвия.

10.

Ночь и опасность торопили людей.

«Гости» и люди Графа похватали вещи, и все устремились вверх по крутому обрыву под спасительную защиту леса.

Граф приказал ускорить шаг.

Около двух километров шпионы и люди Графа шли быстрым шагом, переходившим в размеренный бег там, где позволял лес. Каждый нес тяжелый груз, люди начали задыхаться, но тут Граф объявил свистящим шепотом привал.

Все повалились на землю, стремясь отдышаться как можно скорее. Неизвестно, сколько еще придется бежать вот так же стремительно.

В это время к ним подошел Делиньш со своей рацией и спутником, помогавшим ему работать во время операции. Делиньш оглядел высокие деревья, поискал какие-то предметы на стволах и залез на одну из высоких сосен: тут все деревья, обдутые морскими ветрами, были раскидисты и искривлены, но, видно, Делиньш знал, что и где ищет. Через несколько минут он спустился с небольшим переносным беаконом в руке и торжественно сообщил, обращаясь уже не столько к непосредственному своему командиру Графу, сколько к Лидумсу:

— Последний маяк снят, командир!

Только после этого он пожал Лидумсу руку, а тот молча поцеловал его.

Шпионы представились командиру. Граф оглядел их, как будто примерял, на что они годны. Шпионы тут же начали искать место для того, чтобы спрятать тяжелые грузы. Под деревом, на котором прежде висел беакон, оборудовали тайники, в которые тщательно уложили оружие, боеприпасы, агрегаты для зарядки аккумуляторов, рации вместе с шифрами, чемоданы с деньгами, ядами... Только Лидумс не снял свой заплечный мешок, остальные были готовы избавиться даже от пистолетов и ножей.

Граф посоветовал шпионам взять с собой продовольствие, так как первый лесной привал придется сделать в Тераидском лесном массиве, где у отряда есть запасной бункер на случай внезапной перемены стоянки, но никаких припасов там нет.

Вот на этом предрассветном привале вымокшие от росы и пота шпионы начали, повидимому, понимать, что такое лесная жизнь. А Граф все торопил, поглядывая на светлеющее небо. Они закопали свои вещи в ельнике, под деревом с раскидистой кроной, тщательно замаскировали место, но Граф знал, что оперативные работники еще сегодня днем вынут вещи из тайника, перефотографируют шифры, коды, заменят безобидным порошком яды, а потом уложат все на место.

— Следующий бросок,— сказал Граф,— еще с десяток километров.

Как ни тренированы были шпионы, но к концу этого рассветного перехода они с уважением поглядывали не только на «лесных братьев», но и на самого Казимира, который шел тем же охотничьим шагом, не сбивал дыхания, не запинался, не шумел ветками и валежником, будто был таким же бесплотным, как и «лесные рыси».

Но и в тот час, когда отряд остановился в бункере Тераидского леса и все торопливо бросились на нары, самый молодой из «лесных братьев», Делиньш, всю дорогу

Copyrighted material

ПОЛУВЕКОВАЯ СЛУЖБА РЕАЛИЗМУ

Подлинно реалистический театр непременно мудр. Он мудр и в выборе пьес, и в воспитании талантов, и в формировании «своих» драматургов, и во всем том, что входит в такое общественно важное и сложное понятие, как отношения театра со зрителем.

Подлинно реалистический театр обязательно революционен в своих исканиях, народен в своем политическом, социальном и философском звучании; щедр на краски, изобретателен и оригинален.

Все это относится в полной мере к белорусскому Академическому театру имени Янки Купалы.

Свое пятидесятилетие театр встречает профессионально зрелым и в то же время завидно молодым в постоянных и плодотворных устремлениях к высотам большого искусства.

Пятьдесят лет прожиты насыщенно и ярко. Полвека театр умно и страстно пропагандирует белорусскую драматургию, воспитывая на лучших ее образцах патриотизм и коммунистическую мораль. Тут и актуальнейшая комедия «Кто смеется последним» Кондрата Крапивы, тут и героическая драма «Константин Заслонов» Аркадия Мовзона, тут и эпическая хроника «Люди на болоте» Ивана Мележа... И все это шаги в утверждении национальной культуры, утверждении убедительном и долговечном.

Но театр никогда не замыкался и не замыкается в национальных рамках. Совсем недавно критика отметила интересный горьковский спектакль «На дне», сейчас в репертуаре по-своему прочитанная «Последняя жертва» Островского. Здесь ставили пьесы Вс. Иванова, Н. Погодина, А. Корнейчука; не раз обращались к западной классике — к Шекспиру, Мольеру, Шоу.

Всей своей биографией купаловцы блестяще подтверждают истину: талантливый театр — талантливые актеры. Их много: В. Крылович и Г. Глебов, В. Владомирский и Б. Платонов, Л. Рахленко и П. Молчанов, В. Дедюшко, И. Ржецкая, И. Жданович — имена, с которыми связаны замечательные этапы творческого пути театра. Если говорить об эстафете, то нынешнее поколение несет ее ревниво и бережно, храня традиции, стараясь, чтоб сцена театра оставалась такой же общественной трибуной, какой была двадцать, тридцать и пятьдесят лет назад.

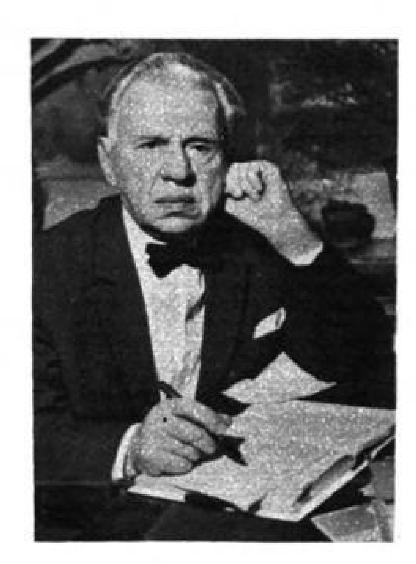
Сейчас театр начинает новый, юбилейный сезон. Новые заботы, новые планы, новые поиски... Без них не бывает и театра. Такого театра, каким вот уже пятьдесят лет любит его Белоруссия.

А. ДАНИЛОВ

На снимке: сцена из спектакля «Павлинка».

Фото Вл. Крука.

ПАМЯТИ В. О. ТОПОРКОВА

Это был артист, режиссер, педагог — человек, в котором для нас соединялось все лучшее, что мы понимаем под высоким словом художник... Василий Осипович Топорков был не просто создателем крупнейших сценических образов, принесших славу Художественному театру. Он был страстным, увлеченным пропагандистом системы сценического творчества, созданной К. С. Станиславским. Он сам был автором многих книг, воспитавших целую плеяду мастеров советского театра; был режиссером — автором нескольких спектаклей; был актером глубокой культуры — многосторонним, со смелым и своеобразным мышлением...

Топорков начал в Художественном театре со спектаклей, где играл под непосредственным руководством К. С. Станиславского: «Растратчики» Катаева и «Мертвые души» Гоголя. Уже в этих первых работах раскрылась удивительная способность артиста к созданию образов разносторонних, совершенно несхожих.

Блестящий мастер внешнего и внутреннего перевоплощения, Топорков умел рисовать характеры с удивительной точностью. Чичиков, Аркашка Счастливцев, Епиходов, профессор Кругосветлов... А такая удивительная роль, как коммунист Берест из «Платона Кречета»...

Много потеряло советское искусство со смертью Топоркова. Много потеряли те миллионы зрителей, которые видели его на сцене или знали поставленные им спектакли. Но во сто крат больше потеряли мы, люди, работавшие с ним рядом, всегда загоравшиеся от его высокого творческого вдохновения...

Народный артист СССР
В. СТАНИЦЫН

несший свою тяжелую старомодную рацию, сразу исполнил приказ Графа: выйти и разведать местность.

Все уже спали, когда Делиньш вернулся, но случайно проснувшийся Биль увидел, как вернувшийся тронул за плечо руководителя отряда, и Граф беззвучно встал, взял автомат и вышел на охрану. Делиньш занял его место на нарах, заваленных сеном, и тотчас уснул.

Перед заходом солнца Граф разбудил всех: сухой паек был разложен на столе, горячий чай разлит в разнокалиберную посуду, которая нашлась в бункере и в рюкзаках. Наспех поели и снова вышли в поход. Шли всю ночь и только утром следующего дня достигли наконец главной базы отряда в Эдальском лесном массиве.

11.

Первый день был предоставлен прибывшим для отдыха. Сразу после довольно сытного завтрака из дичи, домашней свинины со стаканом водки сверх всего и чашкой хорошего кофе «лесные братья» разошлись. Одни отправились осматривать силки и капканы, другие — на разведку местности, третьи — на встречу со своими «пособниками», а новичков оставили отдыхать. И новички опять подивились дисциплинированности, а главное, выдержке этих людей. Еще до завтрака Делиньш развернул рацию и передал в Лондон первое сообщение о том, что все участники группы достигли места назначения. Во второй радиограмме, предназначенной для командира катера Хельмута Клозе, Делиньш гневно требовал примерного наказания для гребцов лодки, которые чуть не провалили всю операцию, включив мотор на уходящей лодке в пятнадцати метрах от берега...

Альвирас, улучив минуту после завтрака, попросил Лидумса и Графа устроить ему встречу с «руководителем национально мыслящих латышей» господином Будрисом. Это могло означать только одно: Альвирас имел задание от англичан на самостоятельную деятельность.

Граф грустно сказал, что во время подготовки к приему десанта Будрис довольно сильно простудился и теперь болен воспалением легких. Пока он может принять только Лидумса, который должен поехать в Ригу на встречу с семьей...

Лидумс поблагодарил Графа за разрешение на выход из лагеря. После этого в присутствии всех пяти десантников Лидумс отдал Графу распоряжение: вся группа в первое время после такой блестяще завершенной операции должна вести себя крайне осторожно. Разведение костров свести до минимума: запах дыма может навести чекистов на след. Крайне осторожно и только в исключительных случаях выходить на встречу с «пособниками». Связь с лондонским центром по радио пока прекратить. Вещи из тайников изъять не ранее как через десять — двенадцать дней, когда Будрис предпримет необходимые меры, чтобы проверить безопасность подхода к тайникам.

После этого довольно строгого разговора как бы в утешение перепуганным шпионам Граф объявил, что в ознаменование так благополучно проведенной операции все участники ее приглашаются на торжественный обед. И действительно, пока руководители совещались с вновь прибывшими «друзьями», в бункере был накрыт стол. На этом праздничном столе оказались дикая коза, свежая свинина, грибы, пиво домашнего изготовления, деревянный жбан с самогоном, а для любителей — несколько бутылок водки. Этот праздничный обед немного успокоил и утешил новых участников группы.

Но тосты — увы! — произносились вполголоса, а когда кто-то из вновь прибывших затеял было спеть гимн буржуазной Латвии, его довольно резко одернули.

Но этот октябрьский день, еще теплый, осиянный солнцем, пахнущий лесной смолой, дымком от костра, что теплился неподалеку от бункера, с золотом березовой листвы и яркими вспышками рябиновых гроздьев, был так прекрасен и спокоен, что шпионы почувствовали себя так же безмятежно, как если бы вернулись в родной дом после долгого и трудного путешествия.

А Лидумс в сопровождении Коха в это время уже спешил на хутор Арвида, где его ждал «больной» Будрис...

Продолжение следует.

Copyrighted material

В спортивном календаре нашей страны есть одно событие, которое, без сомнения, можно отнести к разряду особенно значительных и важных. Это Всесоюзные сельские спортивные игры. О самых массовых соревнованиях физкультурников села, об успехах и достижениях сельского спорта, его проблемах и перспективах рассказывает нашему корреспонденту А. Колодному ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА СЕЛЬСКИХ ДОБРОВОЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ОБЩЕСТВ П. А. СОБОЛЕВ.

НА МАРШЕ — СЕЛЬСКИЙ СПОРТ

— Петр Андреевич, сначала, пожалуйста, несколько слов об истории Всесоюзных сельских спортивных игр.

— Собственно, говорить об истории этих соревнований преждевременно, поскольку история эта только начинается. Мы впервые проводим состязания, носящие такое название. Хотя летопись сельского спорта знает спортивные встречи подобных масштабов. Вспомните: в 1954 году была проведена Всесоюзная спартакиада колхозников; в 1955 году состоялась I Всесоюзная спартакиада сельских спортсменов, а в 1958-м — вторая; затем в 1966 году были проведены третьи старты Всесоюзной спартакиады сельских спортсменов, а в 1968-м — I Всесоюзные спортивные игры колхозной и совхозной молодежи. И вот теперь вынесено решение проводить раз в четыре года Всесоюзные сельские спортивные игры. Наши общества значительно расширили сферу влияния, и сейчас они охватывают не только совхозы и колхозы, но и организации и предприятия мелиорации и водного хозяйства, заготовок, «Сельхозтехнику», потребительскую кооперацию, высшие и средние сельскохозяйственные учебные заведения. Но главное не в названии, а в тех больших изменениях, которых добились сельские физкультурники.

— Видимо, организация, которую вы возглавляете, является штабом происходящих спортивных баталий!

— Игры проходят под эгидой пяти организаций: Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, ЦК ВЛКСМ, Министерства сельского хозяйства СССР, ЦК Профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок и Центрального Совета сельских ДСО. Столь представительный патронаж свидетельствует о важности события, о том значении, которое ему придается. Ходом игр руководит специально созданный Оргкомитет.

— Что можно сказать о нынешнем развитии сельского спорта в стране!

— Во Всесоюзных сельских спортивных играх уже приняли участие миллионы людей. Сегодня в стране действуют 65 тысяч коллективов физической культуры. Свыше 9 миллионов физкультурников занимаются 42 видами спорта, работают детские и юношеские спортшколы, и с каждым годом число их увеличивается. К услугам сельских жителей — 760 стадионов, сотни комплексных спортивных площадок. Значительно вырос и бюджет сельского спорта — теперь он исчисляется 35 миллионами рублей. По размаху сельское физкультурное движение нашей страны не имеет равных себе в мире.

Но массовость и высокое спортивное мастерство — два взаимно связанных явления. Судите сами: только за прошедший год было подготовлено 900 мастеров и кандидатов в мастера спорта, а многие наши воспитанники добились высоких званий чемпионов мира и Олимпийских игр, стоят в ряду сильнейших атлетов Советского Союза и континента. Вспомните борца Романа Руруа, штангиста Яна Тальтса, легкоатлета Анатолия Бондарчука, победительницу последнего легкоатлетического матча сборных СССР — США в метании диска Фаину Мельник и многих других. Мы гордимся этими именами.

— За последние годы в жизни нашей деревни произошли значительные изменения, созданы новые возможности для улучшения быта сельских жителей. Как сказались эти перемены на физической культуре!

— Вы затронули большую и интересную проблему. Постараюсь остановиться на главном. Сейчас каждый руководитель сельского хозяйства хорошо понимает, что физическая культура не просто забава, а реальная необходимость. Спорт показал себя верным и сильным союзником в решении важных задач, которыми занято сегодня село. Поэтому физической культуре отводится почетное место. В прошлом году на III Всесоюзном съезде колхозников был принят Устав, где специально предусмотрены меры по развитию физкультуры и спорта. Теперь в колхозах и совхозах планомерно занимаются спортивным строительством, вопросы физической культуры включаются в социалистические обязательства и коллективные договоры хозяйственных и профсоюзных организаций, а проведение массово-оздоровительной работы предусматривается в производственно-финансовых планах.

Заметно оживилась работа после постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта. Именно тогда возникла новая, действенная форма работы — общественные советы при министерствах и управлениях. Особенно удачно сумели организовать свою полезную деятельность советы при министерствах сельского хозяйства РСФСР, Белорусской ССР, Казахской ССР, Латвийской ССР. Такое тесное содружество спортсменов и руководителей открывает благоприятные условия для дальнейшего роста физкультурного движения на селе. Теперь многие труженики села подвержены спортивным увлечениям. Я позволю себе для убедительности назвать некоторые адреса. Это колхоз «Советская Россия» в Удмуртской АССР, «Знамя Ленина» в Запорожье, белорусский колхоз «Новый быт», о котором рассказывается на этих же страницах журнала «Огонек».

— И все-таки, Петр Андреевич, видимо, еще существуют трудности, которые мешают развитию физической культуры и спорта на селе. Что это за трудности, что делается для их скорейшего устранения!

— Да, у нас много неразрешенных вопросов. Вот цифры: всего около 18 процентов специалистов физической культуры и спорта работают в селе. Если же вспомнить, что 48 процентов населения страны живет в селах и деревнях, легко заметить здесь обидное несоответствие. Из 23 761 штатного работника сельского спорта лишь 15 процентов имеют высшее и среднее специальное образование, а среди методистов — всего 5 процентов.

Вполне понятно, что такое положение не может не тревожить. Сразу возникает вопрос о расширении сети средних и специальных учебных заведений. Соответствующие органы уже вынесли решение о приеме в физкультурные вузы 30 процентов людей из сельской местности. Хорошо, если бы побольше абитуриентов шли учиться по путевкам своих хозяйств. Не хватает у нас и тренерских кадров. Их насчитывается всего 1 600 человек.

Трудности мы испытываем и с инвентарем. На село попадает всего 20—22 процента изготовляемого снаряжения. У нас есть все основания предъявить претензии Министерству торговли СССР и Центросоюзу, которые при распределении фондов на спортивные товары отдают явное предпочтение городу.

— В свое время много писали и говорили об отсутствии типовых проектов для сельских спортивных баз. Имеются ли сегодня таковые, удовлетворены ли нужды колхозников!

— Тут есть некоторые сдвиги, но до желаемого еще далеко. Строительство баз идет не так быстро, как хотелось, и одно из главных объяснений — отсутствие недорогих и удобных проектов. Институты Госстроя разработали большие стадионы вместимостью на 5 тысяч человек. Но таких требуется не столь уж много, а вот в стадионных комплексах на 1 500—2 000 человек ощущается крайняя нужда.

— Как, по вашему мнению, сказывается проведение игр на развитии спорта в деревне!

— Игры — большое событие, один из важнейших этапов V Спартакиады народов СССР. Состязания проходят как многоступенчатые турниры, охватывая коллективы физкультуры районов, областей, союзных республик. Уже более 45 тысяч таких коллективов приняли участие в играх. Соревнования пользуются популярностью среди населения, поддержкой и вниманием советских, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Безусловно, такая масштабность способствует разрешению многих вопросов. Так, например, в Таджикистане во время подготовки к стартам был составлен перспективный план строительства спортсооружений на 1971—1975 годы. Идет сооружение спортивного комплекса в Шаартузе, закончены проектные работы по реконструкции стадиона Вахшского района. В Армении во всех 35 районах республики приняты совместные постановления партийных и советских организаций о мерах дальнейшего развития физкультурно-массовой работы.

Впереди встречи наших лучших спортсменов в финальных соревнованиях. Сельский спорт на марше.

Кипят страсти на трибунах.

Дмитрий Песняк (в центре) и его сыновья Саша и Вова.

НОВАЯ ГРАФА

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

В тот день, когда назначили соревнования, колхоз дал лошадей обрабатывать усадьбы. Выбирай — либо поездка, либо домашние дела.

— Едем.— Дмитрий Песняк подмигнул сыновьям и показал на дверь.— Не уйдет огород, на неделе попрошу лошадь. Дадут.

— Не смеши людей! Куда тебя несет с мальчишками? Сраму не оберешься,— убеждала жена.— Люди на усадьбах, а он стрелять вздумал...

С соревнований Песняки вернулись под вечер.

— Второе место занял по району,— объявил Дмитрий Песняк жене прямо с порога.— Вот тебе и «не смеши людей». Зря только шумела.... Сын наш отстал. Ну, ничего, я его сам тренировать возьмусь.

...Этой истории предшествовала другая, не менее любопытная.

В колхозном тире упражнялись стрелки. Дмитрий Песняк — колхозный электрик и монтер-связист — заглянул к ним.

— Что, дядь Мить, счастья попытать хочешь?— пошутил кто-то из ребят.

А электрик ответил вполне серьезно:

— Я его уже испытал, хлопец, то счастье. Тебя тогда еще на свете не было... Дай-ка винтовку.

Он не торопясь зарядил, старательно прицелился, выстрелил. Ребята ахнули: девятка! Дмитрий выстрелил еще — восьмерка, еще — девятка.

В тот день крупицкие ребята узнали, что Дмитрий Песняк в Великую Отечественную войну был снайпером и не раз отличался, когда выходил на боевую вахту. А на следующий день Песняка разыскал колхозный физрук Георгий Ленкевич:

— Что ж, Дмитрий, раньше молчал?—И, не дав ответить, предложил:— Может, на районные соревнования с нами поедешь, за честь колхоза постоишь?

— Пожалуй, поеду.

— Тогда вечером в тир — тренировка.

Так в колхозе «Новый быт» появился еще один «ценный спортсмен» — как называет Георгий Ленкевич тех, кто умеет побеждать. У физрука Ленкевича на них свой счет. Никто не спорит, конечно же, главная сила в колхозе — механизаторы, животноводы, овощеводы, специалисты сельского хозяйства. Однако спортсмены все чаще вносят свой вклад в фонд славы колхоза, и графа «спорт» все чаще появляется в артельных отчетах.

Тому есть очень веские основания... Как-то Борис Николаевич Фунтиков, председатель колхоза, поделился с директором местной школы своей задумкой:

— Хочу выпускникам анкету предложить. Интересно, что они насчет своего и нашего общего будущего думают.

Анкету раздали. Вопросы поставили такие: «что собираешься делать после школы?», «какую хочешь получить специальность?», «имеешь ли желание работать в колхозе?» (если да, то кем?), «что, по-твоему, нужно сделать, чтоб молодежи здесь было интересно работать и жить?»...

Ответы собрали, и они легли на председательский стол рядом с другими важными бумагами: отчетами, планами-заданиями, наметками на будущую пятилетку.

— Вот поглядите.— Фунтиков подвигает мне исписанные ученическим почерком странички.— Обратите внимание: почти нет ответов, чтобы не упоминался спорт... И я не удивлюсь. Веление, так сказать, времени. Сейчас молодежь одними высокими заработками не соблазнишь.

Я читаю ребячьи «ультиматумы»: «хотим, чтоб лучше работали спортивные секции...», чтоб больше спортивных площадок...», «чтобы хороший спортивный инвентарь...». Прав председатель. От требований молодежи не отмахнешься, если не хочешь, чтоб она отвернулась от тебя. Да и не одни анкеты к такому выводу приводят.

Георгия Ленкевича остановил на улице мальчишка.

— Дядя, вам можно список отдать?

— Какой список?

— Вот этот. Я ребят записал. Которые хотят в футбол научиться.

Георгий взял список. Тридцать пять фамилий, «образовательный ценз» — четвертый, пятый, шестой классы.

— А ты кто?

— Лукашенко. Они меня выбрали для связи.

— Ну что же, приводи своих друзей.

...Ленкевич вынимает из ящика стола толстую тетрадь в коленкоровом переплете. Читаю: «Секция футбола» (мальчики 10—12 лет). Срок обучения — пять лет. Открыта 15 апреля 1970 года». В тетрадке расписание, программа занятий, дневник подготовки.

Увлекательно. И уже есть отдача. Недавно ездили играть в Дубицкую Слободу (это одна из бригад колхоза, а для ребят все равно что поездка в Южную Америку). Состязались с восьмиклассниками. Выиграли 3 : 0! Несколько дней потом не могли успокоиться, все обсуждали подробности матча.

...Не скажу, что в «Новом быте» идеально со спортом. Сделать надо гораздо больше, чем сделано,— и в организации, в строительстве, и в оснащении инвентарем. Но подкупает завидная жадность к спорту... Михаил Лукашинский появился в колхозе недавно, принял дела главного зоотехника и тут же открыл свой спортивный багаж: первый разряд по волейболу, по баскетболу, по футболу. «В футбол, мне, пожалуй, поздновато, однако попробую, а в волейбол сыграю — точно». И стал играть в футбольной и волейбольной командах.

Да, спорт держится на энтузиастах, их поисками, их дыханием, их мечтами. Александр Шилик два года назад окончил здешнюю десятилетку, остался в колхозе механизатором. Спорт — его неизменное увлечение. Любит велосипед, футбол, легкую атлетику. Тренируется с какой-то яростью. Перед важным состязанием по бегу ночью «открутил» 20 километров на велосипеде. Задался целью преуспеть в настольном теннисе и всю зиму ходил вечерами в Дом культуры, набивал руку. А весной вызвал на поединок чемпиона колхоза Петра Бортника. И победил!

Энтузиастов во всем поддерживает преподаватель физкультуры местной школы Василий Михайлович Попкович. Тянутся к интересным занятиям люди. Уже знают в районе об успехах в легкой атлетике киномеханика Оли Челедюк, в настольном теннисе — шофера Николая Русака, в тяжелой атлетике — шофера Анатолия Бахановича. Больше тридцати инструкторов-общественников по спорту подготовлено в колхозе, больше двадцати судей-общественников.

Построен (хотя еще не завершен) стадион в центральной бригаде в Крупице, есть здесь же хороший школьный стадион, тир, поле для ручного мяча, в бригадах — футбольные поля, волейбольные площадки.

Около двухсот человек занимается в «Новом быте» спортом. В особом почете футбол, настольный теннис, волейбол, стрельба, велосипед, тяжелая атлетика, лыжи, шахматы и шашки. Зарождается хоккей, ручной мяч, гимнастика... Бригадные соревнования, колхозные спартакиады, спортивные праздники, участие в районных первенствах заполняют спортивную жизнь сельхозартели.

Рассказывают в «Новом быте» такую историю. Как-то в начале лета подкатил к крупицкому стадиону быстроколесный «газик», из него вышел председатель соседнего колхоза и устремился к футбольным воротам. Подойдя, быстро смерил шагами их ширину, вернулся к машине и уехал. Может, рассказанное — шутка. Правда, однако, в том, что в районе очень старались не подкачать на смотре спортивных сооружений, который объявил райком партии, и в том еще, что нынешний год отличается здесь особенно высоким спортивным накалом.

В райкоме и прежде считали спорт всегдашней потребностью деревни, но, занятые горячей неотложностью хозяйственных дел, не очень строго спрашивали с колхозов и совхозов за состояние дел физкультурных. Теперь же пришла пора по-настоящему, круто и энергично, повернуть село лицом к спорту.

Людмила Васильевна Парфенцова готовилась к пленуму тщательно, как никогда. Ей предстояло делать доклад о спортивном развитии района — впервые, пожалуй, за все послевоенные годы выносилась на пленум райкома партии такая тема. Нужно было не просто изложить требования райкома, но и доказать, что бытующее до сих пор представление о том, будто крестьянину при характере его труда физкультура вовсе ни к чему, ложно, консервативно и противоречит логике жизни.

Готовясь к докладу, секретарь райкома объехала все организации — беседовала и с оптимистами и со скептиками, наблюдала, сравнивала, взвешивала. Нет, созыв пленума по спорту не был кокетливой данью моде — здесь так же, как в делах хозяйственных, опоздание непростительно, пагубно. И пленум прошел активно, остро. Райком партии позаботился, чтобы хозяйства обзавелись типовыми проектами стадионов, площадок, залов, чтоб не возникло проблемы с материалами, чтоб не появилось отговорок в смысле «текучка заела», «руки не дошли» и т. п.

Смотр возглавляли члены бюро райкома партии. Скидок не делали никому. Да на них никто и не рассчитывал, потому что все знают: если

Copyrighted material

На колхозном стадионе.

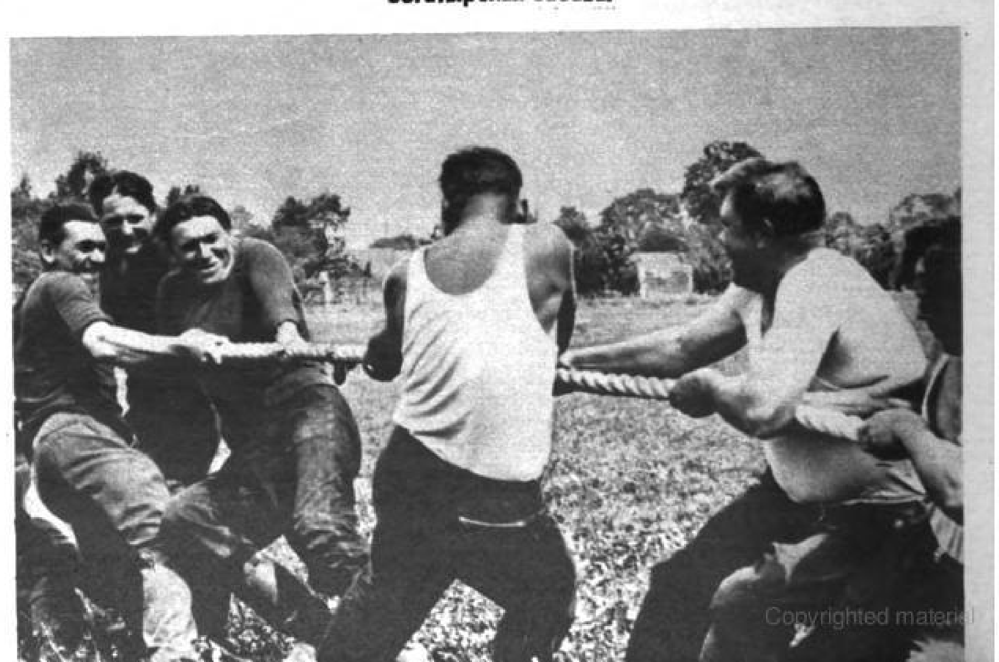
райном спрашивает, то спрашивает придирчиво и жестко — будь то продуктивность ферм, художественная самодеятельность или облик деревень. И что характерно: понимание и размах проявили не только в тех колхозах, которые всегда подхватывают все новое, но и те, к которым прилипла репутация слабых, маломощных.

— После очередного пленума,— говорит Людмила Васильевна,— всех участников повезем в совхоз «Советский». Никто, признаться, не думал, что тут сумеют так азартно и добросовестно взяться за развитие спорта, возможности-то у совхоза по сравнению с другими хозяйствами совсем небогатые.

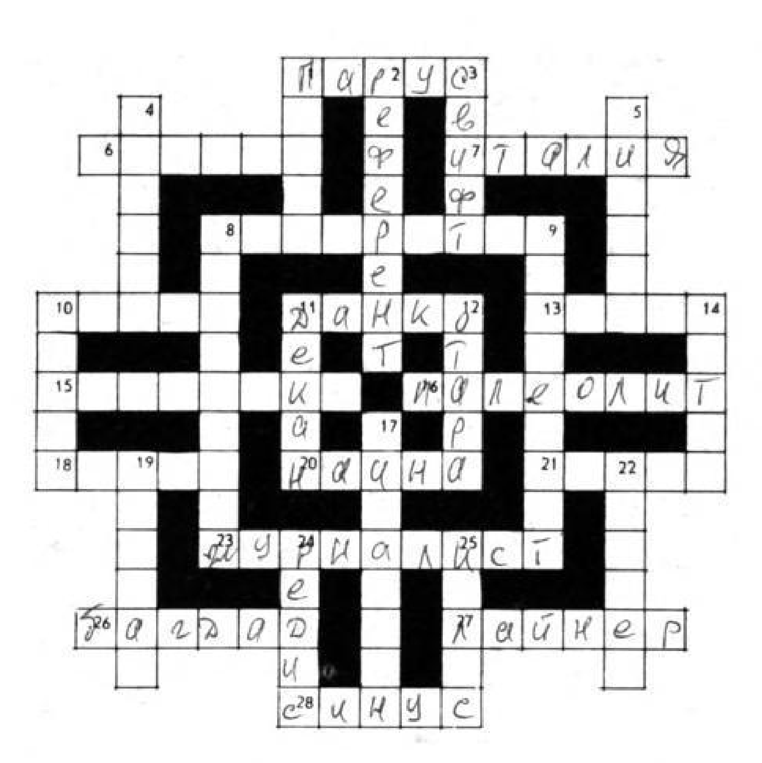
Известно, что колхозы и совхозы, являясь юридическими членами ДСО «Урожай», платят обществу взносы; «Урожай», в свою очередь, как общество профсоюзное, перечисляет их на счет профсоюзов. Дальше начинается «полоса препятствий». «Урожаю» не позволяют истратить и половины собранных денег. Сотни тысяч остаются из года в год так называемыми переходными средствами, а в районах нет возможности пригласить квалифицированного тренера, купить побольше спортинвентаря, построить зал, гимнастический городок, хоккейную площадку. Экономия во вред? Зачем?!.

Я рассказал о спортивных делах лишь одного белорусского колхоза, о его успехах и заботах. Спортсмены колхоза «Новый быт» еще не устанавливают республиканских и всесоюзных рекордов и не побеждают на крупных соревнованиях. Они пока добиваются успехов лишь в своем колхозном и районном масштабах, но их увлеченность, страстное желание побеждать, раскрыть секреты высокого мастерства, то, что можно определить двумя словами — вкус к спорту, являются залогом грядущих успехов. Таких сельских физкультурных коллективов с каждым годом становится все больше, а раз спорт в деревне становится массовым, значит, не за горами то время, когда из среды колхозных физкультурников все чаще и чаще будут появляться атлеты, способные защищать честь советского спорта на самом высоком уровне.

Богатырская забава.

Copyrighted material

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 6. Ансамбль из семи музыкантов. 7. Государство в Европе. 8. Аппарат для насыщения углекислым газом жидкости. 10. Береговая птица. 11. Персонаж рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 13. Старинный наемный экипаж во Франции. 15. Город на Украине. 16. Древний каменный век. 18. Кровельный материал. 20. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 21. Центр области в Италии. 23. Работник издательства, печати. 26. Столица Ирака. 27. Многоместный пассажирский самолет. 28. Тригонометрическая функция.

По вертикали: 1. Типографский шрифт. 2. Докладчик, консультант по определенным вопросам. 3. Автор произведения «Путешествие Гулливера». 4. Радиоактивный элемент. 5. Цветок. 8. Пролив, соединяющий Балтийское море с Северным. 9. Отражательный телескоп. 10. Приток Оби. 11. Руководитель факультета. 12. Стадо овец. 14. Шерстяная ткань. 17. Спутник планеты Сатурн. 19. Отделение предприятия, учреждения. 22. Русский поэт, декабрист. 24. Огородное растение. 25. Река в Киргизии и Казахстане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 6. Кручинина. 8. Скворец. 9. Рашкуль. 11. Вокзал. 13. Свинец. 15. «Медея». 16. Парапет. 18. Картинг. 19. Миссисипи. 22. Хоровод. 23. Антарес. 24. Невод. 26. Флорес. 27. «Мальва». 30. Микулин. 31. Ортопед. 32. Югославия.

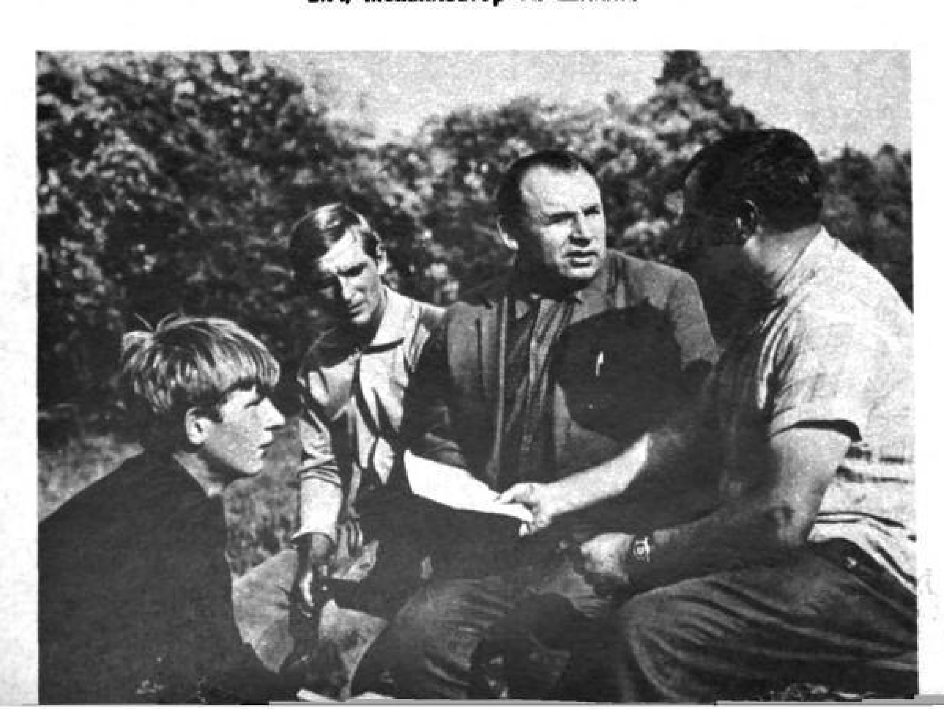
По вертикали: 1. Вектор. 2. Плашка. 3. «Бурелом». 4. Ливадия. 5. Баклажан. 7. Киловатт. 10. Подосиновик. 12. Квазимодо. 14. Нонпарель. 17. Триод. 18. Копра. 20. Водевиль. 21. Карамель. 24. Нахимов. 25. Дубрава. 28. Купюра. 29. Поляна.

На первой странице обложки: «А кто из вас знает эти цифры?..» Татьяна Петрова, закончив в нынешнем году Московское педагогическое училище, начала работать в новой школе города.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Под Тарусой. Фото В. Филатова.

Обсуждают спортивные дела. Справа налево: физрук колхоза Г. Ленкевич, председатель сельсовета З. Бодров, инструктор физкультуры В. Захаревич, механизатор А. Шилик.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/VIII-70 г. А 00448. Подп. к печ. 1/IX-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1788. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2354.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material